

Такой, какой я есть

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Важенин Андрей

18+

Андрей Владимирович Важенин

Такой, какой я есть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69860365

SelfPub; 2023

Аннотация

Такой, какой я есть. Жизненные впечатления, встречи, мысли, приключения

Андрей Важенин

Такой, какой я есть

For them who think, speak, and read Russian!

Когда и как написана эта книжка

Эта книжка родилась сама собой в отпусках и командировках. Она не является ни самоцелью, ни биографией, просто как бы некие воспоминания, которые всплывали в голове на пляже или в гостинице. Такой получился продукт. Эта книга пишется под влиянием обстоятельств и давлением друзей. Надо сказать, что жизнь профессиональная и личная подарила достаточно много интересных встреч, забавных ситуаций, о которых, наверное, хочется рассказать и поделиться. Книга не претендует на автобиографическое произведение, на документальную книгу, описывающую историю онкологической службы. Это, скорее, безусловно, личные впечатления доктора, который в силу обстоятельств оказался знаком и дружен с некоторым количеством известных и интересных людей, как обремененных учеными званиями, общественным признанием, так и просто врачами или людьми из других профессий, которые оставили след в жизни, запомнились какими-то чертами, о чем хочется поделиться.

Книга не документальна. Автор не претендует на истину

всех описанных фактов: что-то искажено памятью, что-то – личным восприятием. Ошибки в датах, фамилиях и именах не являются злым умыслом автора, а являются следствием просто течения жизни. Случайные или не случайные совпадения имен, фамилий или ситуаций могут быть также отнесены к плохой памяти автора и не должны обижать участников тех или иных событий.

Она ни в коей мере не является ни биографичной, ни историографичной. Это, скорее, некие воспоминания, штрихи жизни... Понятно, что они субъективны и построены на восприятии одного человека – конкретно меня, не претендуют на полную объективность. Но поэтому, может быть, интересно посмотреть на некие события, участниками которых были другие люди, моими глазами. В отношении стиля, может быть, частично навеяно «Гариками» Губермана, может быть, Акуниным. Я все-таки не самостоятельный писатель и не писатель вообще. Я постарался сделать ее нескудной, разнообразной и максимально представить те события, моменты и приключения, которые связаны с моей жизнью, сотрудниками, друзьями и окружением.

Естественно, в тексте будут встречаться нестыковки, субъективизм, связанный как с собственным взглядом на жизнь, так и с тем, что мы всегда стараемся выглядеть на людях лучше, чем есть на самом деле. У каждого из нас есть в жизни события, которые мы неверно, неточно интерпретируем, есть вещи, которые мы стараемся забыть или которых

мы просто стыдимся. При прочтении просьба все это учитывать и не судить строго автора.

О чем и о ком никогда не скажу

У каждого из нас в потаенных уголках души есть вещи, о которых можем рассуждать только с самим собой. И эта книга отнюдь не исповедь и не документальный исторический протокол.

Понятно, что за кадром остаются многие события и целый ряд людей, о которых я или не хочу, или не могу вспоминать, или испытываю брезгливость к этим людям и событиям. Естественно, есть в жизни события, которые доставляют глубокую внутреннюю боль, о которых я тоже в этой книге не буду упоминать. Я думаю, что читатели меня поймут, особенно близкие мне люди, эта книга не для чужих, и есть то, о ком и о чем я категорически не хочу говорить в этой книге.

Есть и просто больные вещи, о которых вспоминать страшно, не хочется и не надо. Но, с другой стороны, об этом нельзя и забывать.

Здесь ничего не будет о самых близких – это уж слишком интимно, и при всем уважении к Читателю это не для него...

Есть конечно и поступки мои, которых я стыжусь...

Нельзя муссировать свои воспоминания, нельзя муссировать обиды и боль, но ни в коем случае нельзя все это забывать.

Это делает нас такими, какие мы есть. Вот об этом я в этой

книге писать и говорить не буду.

Good Luck, Mister Gronsky!

Кто его знает, может быть, именно эту фразу я и возьму в качестве названия этой книги (А вот не случилось!). Эта байка рассказана профессором Алексеем Приваловым. Не буду ручаться за ее документальную точность. Хотя это не имеет никакого принципиального значения, ведь это не строго документальная книжка... В хорошей истории важны ее внутренняя логика, юмор и не всегда историческая достоверность. Так вот, известный факт, когда Нэйл Армстронг спустился из орбитального лунного модуля «Орел» и ступил на поверхность Луны, он сказал историческую фразу: «Это маленький шаг для одного человека, но громадный скачок всего человечества». Это было оговорено заранее, транслировалось по открытым каналам телевидения, но затем последовала фраза «Good Luck, Mister Gronsky!», которая не предусматривалась никакими секретными предписаниями НАСА, ФБР и других учреждений, которые на случай разных ситуаций вплоть до встречи с инопланетянами заготовили для Армстронга целый набор кодированных фраз. Но переполох, вызванный фразой в центре связи, утих, потому что дальше все шло по плану и было не до этого. Экспедиция или её имитация, как мы помним, удачно завершилась. Хотя есть и другие мнения, но это совсем отдельная тема. Но все-таки хотелось бы, чтобы полет на Луну был действительно

реальным свершением человечества, а не ложью, фальсификацией политиканов. Так вот, у Армстронга периодически на встречах спрашивали, а что означала эта ваша фраза? Много лет он уклонялся от ответа. Потом как-то подзабылось. Но на одной из встреч спустя много лет все-таки рассказал. «Вы знаете, сейчас уже можно рассказать, наверное. Когда я был мальчиком, наш коттедж располагался рядом с коттеджем мистера и миссис Gronsky, которые часто ругались, ссорились. Мы с мальчишками играли в футбол, мяч улетел на участок мистера и миссис Gronsky, была моя очередь бежать за ним. Подбежав за мячом, я оказался близко от их окон, за которыми, как обычно, мистер и миссис Gronsky ругались. И миссис Gronsky кричала: «Мистер Gronsky, ты хочешь минет? Будет тебе минет, когда соседский пацан прогуляется по Луне». Вот я и воспользовался случаем в этом благом деле».

Важно!

Цитата из министра иностранных дел России Сергея Лаврова.

«Случалось ли вам в своей практике использовать нецензурную лексику в присутствии людей?» – «Многократно» – министр иностранных дел Лавров.

Поддерживаю, солидарен, грешен....

Текст книги следует отнести к категории 18+, ну 16+ как минимум...

Первая публикация в «Вопросах онкологии»

Вторая половина 90-х годов. Я уже начал активно заниматься докторской диссертацией, которая была посвящена радиохирургии. Приезжаю в Онкологический научный центр. Только-только онкоцентр на Каширке стал работать с внутрироссийскими учреждениями. Раньше нам туда был вход закрыт. Это была прерогатива специалистов из Восточной Европы, из Вьетнама, из Монголии, немножко из Западной Европы. А тут в силу изменившейся жизни, внутренней и внешней, нам стал возможен доступ к небожителям. Отделением тогда заведовал профессор Николай Александрович Андросов, очень интересный, я бы даже сказал, блестящий человек, настоящий московский профессор, которому, к сожалению, жизнь не отпустила сильно долгих лет. И нам с ним удалось общаться тоже не так долго, как хотелось бы. Один из основоположников и отцов радиохирургии в России. К сожалению, это направление сейчас находится в известном загоне. Как в любой специальности многое определяют энтузиасты.

Я пришел к Николаю Александровичу, сказал, что я такой-то, занимаюсь этой тематикой (а приехал в Москву по другим делам), хочу познакомиться с отделением, поглядеть, чем занимаются. «Давай, сейчас познакомлю. Миша, зайди ко мне». Заходит парень, похожий на медвежонка, крепенький, невысокий, Миша Нечушкин, с которым впоследствии

очень здорово подружились. Старший научный сотрудник, кандидат наук. Ведет меня по отделению, открыто, хорошо показывает, рассказывает. Вообще такое радушие несвойственно для сотрудников Онкологического научного центра. Это немножко особая статья. Они резко отличаются в этом плане от врачей Центра рентгенорадиологии, Института Герцена, Обнинского института, я уже не говорю о Питере. Здесь не было ни доли снобизма, ни закрытости, ни зазнайства. Показывает. «Пойдем. У нас парень недавно защитил докторскую по радиохирургии, познакомлю тебя». Заходим, сидит такой симпатичный разухабистый мужик: «О, заходите». Вот тогда я впервые в жизни увидел трехлитровую бутылку виски на люльке. Это был Вася Пешеход – «Джонни Уокер», красная этикетка. Тут же с ходу было налито по изрядной дозе. Разговор о том, о сем. Потом звучит вопрос: «А ты вообще кто?» – «Я Важенин из Челябинска». Гриша откидывается и говорит: «А ты в «Вопросах онкологии» херню такую написал?» Действительно в журнале «Вопросы онкологии» вышла моя первая статья и была предметом вообще большой гордости. Для того, кто понимает, что такое «Вопросы онкологии», культовый журнал, особенно в те годы, и для молодого доктора напечататься там было и есть очень здорово. Написана была работа по следам кандидатской диссертации «Первично-множественный рак молочных желез». Я спрашиваю: «А что? Статья-то хорошая». Я начал ершиться: «А что не понравилось?» Он отвечает: «Ты вниматель-

но читай и думай, о чем пишешь». Молочная железа всегда привлекала внимание клинициста. «Почему одна, а не обе? А где диагносты? А где начальство? Ты соображай, что ты несешь в массы!» Вот на этой ноте я понял, что нужно внимательно читать написанное, не забывать ни о клиницистах, ни о начальстве, ни о второй молочной железе. И приобрел двух очень замечательных людей, с которыми много лет дружим и шагаем по жизни, – Гришу Матякина и Мишу Нечушкина. Я думаю, что еще не одна история будет связана с этими замечательными героями.

Парижские тюльпаны

Середина 90-х годов: только начинались контакты с зарубежными странами, с западноевропейскими, первые выезды. И первая поездка с делегацией Онкологического научного центра в Париж. Сами представляете, что это такое Париж ранней весной. Вообще первый раз в Париже. Монмартр, Эйфелева башня, Пляц Пигаль, бульвары. И в один из вечеров принимающая сторона повела нас в ресторан «Григорий» в районе Монмартра. Ресторан оказался очень интересным. Получилась некоторая заминка, пауза часа где-то в 2,5. В делегации был профессор Гриша Матякин, о котором я ранее упоминал, и была девушка, к которой мы с ним проявляли некий нескрываемый интерес. Тогда еще, кстати, были деньги – франки, не было евро. У барышни возникла острая необходимость поискать именно в этот промежуток

времени себе сапоги. Мы с Гришей, естественно, вызвались в попутчики. То есть ни один, ни другой не желали отстать и оставить друга-конкурента наедине. Из соблюдения правил приличия мы стали сопровождать Юлию из магазина в магазин. Потом, наконец, нужные сапоги нашлись. Но у Юли и у нас не оказалось достаточного количества наличных франков. Кредитные карточки тоже еще были не в ходу. Мы, естественно, вдвоем вызвались пойти, найти обменник и разменять доллары на франки.

Но кто знает окрестности Монмартра, представляет все эти улицы, переулки, которые там расположены, мы ушли в путешествие. Достаточно скоро заблудились. Нашли обменник. Обменяли нужное количество франков. Стали искать путь назад. Шансов найти не было. Мы зашли в несколько кафешек, приняли по кальвадосу: один, второй, третий раз. И наконец, нам открылось: мы видим магазин, нашу девушку Юлю, злущую, как мегера, стоящую на улице, с вопросами, что и как. Она спросила: «Ну как? Когда уже надежда вас дождаться пропала у меня и у продавцов, продавец сказал: «Мадам, ваши кавалеры, видимо, ушли и больше не вернутся, ваши сапоги оказались им не по карману». Ее выставили на улицу. Сапоги покупать она передумала и в таком гневном расположении духа на нас дулась, нам ничего не оставалось: мы метнулись в ближайший магазин – как раз цветочный магазин рядом был – купили ворох тюльпанов. Напоминаю, что была ранняя весна. Юля сидела, пила ко-

фе, а мы после кальвадоса еще под парами и с тюльпанами плюхнулись прямо коленями в лужу посреди улицы. Остановились машины. Сначала нам гудели, материли, видимо, мы никак не реагировали, потом французы поняли ситуацию и весь свой гнев переключили на барышню. Мы по-французски понимали плохо, но о чем шла речь, примерно было понятно: «Какого тебе лешего надо? Мужики с цветами на коленях в луже перед тобой. Что ты выделываешься? Давай что-то делай, мужиков пожалей, сука ты такая». В итоге до нее дошло, цветы были приняты, примирение произошло. Но в жизни получилось так, что ничего больше мы от этой барышни не добились, хотя частенько встречаемся и сейчас. Но вот это воспоминание о Париже, мокрых брюках и коленках в луже с весенними тюльпанами – одно из самых ярких ассоциативных впечатлений о Париже. Привкус выпитого кальвадоса тоже сохранился.

Несмешная история: мордобитие

Вот это было 4 марта, не помню какого, по-моему, 2004 года, если я не ошибаюсь. Ранняя весна. Остатки снега. Слякоть. Жили мы тогда на Воровского, 79. Такой 9-этажный дом, постройки 70-х годов, расположенный напротив медицинского института. Очень было забавно, интересно. Это была наша первая большая хорошая квартира, более-менее прилично отремонтированная, в удобном месте: мне близко от работы, у Зои вообще ее служебный кабинет виднелся из

кухни, из большой комнаты. Друзья смеялись, что натянуть проволоку, взять метлу и можно летать прямо на работу, экономя на шубе и зимних сапогах.

Дом очень своеобразный. Постройка 70-х годов и соответствующее заселение. Престижное, хорошее место, центр города. Но расслоения тогда еще не произошло. Подъезд имел совершенно ужасный вид, то есть все атрибуты советского подъезда: изгаженный лифт с затушенными бычками, подъезд с различными надписями, шприцами, пивными бутылками. И соответствующий народ: жили очень приличные, достойные люди – преподаватели мединститута, ЮУрГУ. Но жило несколько семей откровенной шпаны. В частности, под нами (у нас была 5-комнатная квартира, но ее переоборудовали в 4-комнатную) некая дама, которая имела пятерых детей, мать-героиня. Но все эти дети периодически садились в тюрьму, выходили оттуда, и в полном составе мы их ни разу не видели. И пара семей подобной же публики. То есть они жили своей жизнью. Глава семейства, старший брат, имел кличку Косой, на которую охотно откликался, по-иному его и не звали. Летом эта компания сидела во дворе за деревянным столом, там было пиво. Потом они занимались мелким бизнесом: притаскивали остовы битых машин, разбивали их во дворе на металлолом с соответствующими звуками, зимой пытались организовывать стоянку в этих же остовах старых машин, протягивали туда обогреватель, пили пиво, приходили к ним подружки, пытались за деньги сторожить маши-

ны, оставленные во дворе. Но тогда не было еще популярно хранение машин вне гаражей. Машин было меньше намного. Видимо, бизнес шел не очень. И вот эта публика плюс приبلудные наркоманы создавали своеобразный дух во дворе и в доме. Спасибо администрации Советского района и Михаилу Буренкову, который руководил ей. За время нашего не очень долгого проживания в этом доме в подъезде дважды делали ремонт, но без успеха. Как только мыли подъезд, белили, красили стены, с еще большим остервенением начинали тушить окурки, писать слова, гадить, выбрасывать бутылки. Мы поняли, что это пустое занятие – наводить порядок. Но речь не об этом.

В этот день была защита докторской диссертации у Алексея Привалова. Но защита была где-то в районе обеда. Утро. Обычный рабочий день. И я любил пешком ходить на работу. Не так далеко, достаточно интересно. Я помню, как я спустился вниз, открываю дверь, и на входе стоят три парня, даже молодых мужика, внимательно, узнавюще на меня поглядели, пропустили вперед. Как-то было странно, но я, занятый своими мыслями, прошел по двору вдоль дома, и выходя уже на проезжую часть, вижу, как за мной бежит один мужчина с криками «Мужчина, стой!», а два приближаются вдоль улицы Воровского. Я понял, что дело совсем нехорошо: сзади бегущий нагоняет, заносит руку, наносит удар. Я каким-то чудом, не будучи спортсменом, уворачиваюсь, удар приходится по лицу, но вскользь – по губам. В ру-

ке был, судя по всему, кастет или свинчатка. Видимо, свинчатка, потому что на коже порезов не было, но губа, щека были разбиты очень здорово. Я успеваю развернуться, пнуть его по яйцам, он загибается, подбегают еще двое. Я успеваю добежать практически до проезжей части, меня догоняют, роняют, я скручиваюсь на четвереньки, продолжаю ползти к проезжей части. Меня пинают, я прикрываю голову. Кричу очень громко нецензурные слова. Открываются несколько форточек в доме, оттуда тоже начинают что-то кричать. Спасибо мужику. Обидно, что не запомнил ни номер машины, ни как его зовут. «Жигули», темно-синяя «четверка» с прицепом. Он остановился рядом со мной и просто включил гудок. Двое пинающих схватили портфель, который висел через плечо, убежали в дома к частной застройке. Третий, которому я, видимо, попал все-таки по яйцам хорошо и он не вмешался в драку, тоже подсобрался и побежал. Я сумел разогнуться, понял, что, в общем, цел: нет переломов, нет сотрясения мозга, по физиономии течет кровь. Мужик, спасибо, посадил, спросил: «Ты где живешь? Давай подвезу». Я ответил: «Живу вон там». «Помощь нужна?» «Нет». Поднялся домой к ужасу домашних. Была вызвана милиция. Обычные, достаточно бестолковые дознавательные действия: фотороботы, бессмысленная черная шапка, вязаная шапочка, черная куртка, невнятные выражения лица – никаких особых примет.

Очень было жаль портфель, это была очень красивая

вещь, которую мне на день рождения дарил Валерий Михайлович Третьяков, который был тогда начальником Управления ФСБ. И в портфеле не было каких-то существенных денег. Хотя потом, когда занимались распутыванием этой истории, наверное, ожидали, что есть какие-то ценности. Там лежал мой военный билет майора запаса ФСБ, поэтому дело приняло достаточно большую огласку, плюс включились товарищи из милиции. Тогда мы относительно недавно познакомились с Сергеем Михно, который работал в одной из серьезных служб УВД. Перетрясли местных уголовников, моих соседей-шпану, наркоманов, но так и осталось непонятным, что это было – или наркоманский налет в расчете пожитья, или еще что-то другое. Зато очень долго после этой истории местная шпана всегда со мной уважительно здоровалась... Незадолго до этого в диспансере прошел очень некрасивый судебный процесс, когда одного врача, даму, арестовали за взятки с поличным. Диспансер достаточно активно выступил с адекватным обсуждением этого события. Дама была осуждена условно, естественно, покинула диспансер. Возможно, оттуда, возможно, еще откуда-то. Но вот это ощущение крайней незащищенности, когда тебя пинают, а ты просто стоишь на четвереньках, вы знаете, это страшно, это плохо. Я не знаю, что ощущают люди, которые были в концлагерях или еще где-то. Вот это ужасное чувство, не приведи, Господи, кому-то его переживать. Слава Богу, что все обошлось именно так. А ведь ужас состоит в том, что

ничего необычного со мной не произошло.

Надо сказать, что защита докторской диссертации у Алексея Привалова прошла удачно. Я там был в достаточно экзотическом виде: с распухшей физиономией, расквашенной губой. Но все было отработано, и я очень рад, что никого не подвел. Вот такая история. Гуляя поутру по Челябинску, надо помнить, что всякие люди есть и не все нас любят.

Метеорит

2013 год. Очень хорошо помню это утро. Это была пятница – пятница 15 февраля, достаточно тревожного, с достаточно интересными событиями, поскольку я напомним, что в это время я был в жесткой опале. Мое место в руководстве диспансера занимал человек, мягко говоря, неподготовленный, неграмотный и посаженный для разрушения онкологической структуры и нашей клиники. Но вместе с тем министр Тесленко был уже арестован, следствие шло полным ходом. И подвижность внутренних процессов в области была такова, что возврат на старые основы, старые принципы был совершенно предрешен. Очень было смешно наблюдать за этим человеком, который пытался вести пятиминутки, изображая что-то из себя. Были уже забыты лозунги, которые выдвигались о ликвидации очередей в поликлинике и о резком подъеме хирургической службы. Были заменены старые качественные деревянные двери на картонные. Был подписан и начал реализовываться проект создания нового пандуса дис-

пансера с въездом для инвалидов, по которому невозможно подняться и абсолютно здоровому, подготовленному человеку.

Еще ряд аналогичных событий. В хозяйственно-инженерной службе диспансера хозяйничали именно люди, пришедшие в эту команду. Грамотные компетентные специалисты были также уволены и изгнаны из диспансера. Я почему об этом говорю достаточно подробно, потому что именно падение метеорита обнажило целый ряд проблем, не связанных с самим метеоритом.

Отдельного внимания заслуживают пятиминутки, где не обсуждались никакие онкологические проблемы, абсолютно формальное заслушивание заведующих и попытка в онкологической среде вести безграмотные дискуссии по поводу четыре или шесть швов нужно было накладывать на разошедшийся апоневроз и так далее. Но разговор не об этом. После вот этой бесплодной утренней дискуссии, вызывающей достаточно большое раздражение в мыслящей грамотной части клиники, я поднялся к себе в кабинет, расположенный в ПЭТ-центре. И около 10 часов кабинет осветился совершенно неземным светом, похожим на свет электросварки, который не оставил ни тени, ничего. Это заставило мгновенно обернуться назад. То, что я увидел, не совсем совпадает с более поздними описаниями ситуации, а именно: на фоне безоблачного неба возникла яркая, затмившая полностью свет солнца вспышка.

Далее примерно на протяжении 20-25 телесных углов по небосводу образовалась черно-красная труба, будто бы за-
жгли и протащили горящую цистерну с солярой или бензи-
ном. Из этой вспышки, которая достаточно быстро, может
быть, в течение 15-20 секунд, может быть, чуть больше, раз-
веялась, протянулись две абсолютно параллельные инверси-
онные полосы, которые скрылись за горизонтом. Сотрудни-
ки ПЭТ-центра выскочили из кабинетов, из служебных по-
мещений, рефлекторно кинулись к окну. А у нас на третьем
этаже в ПЭТе достаточно большой стеклянный витраж. Но
сработало то, чему нас учили, наверное, не зря, на военном
деле на кафедре. Я крикнул: «Быстро все отойдите от ок-
на, встаньте под капитальные перекрытия!» Было непонятно
происходящее. Раздался первый раскат взрыва. Через неко-
торое время – второй. Вылетели рамы, вылетели вверху по-
толочные пенопластовые пластины «Армстронг», поднялась
пыль, потом были более слабые второй, третий толчки. Па-
ники большой не было. Но все достаточно быстро – это бы-
ло рефлекторно – выскочили на улицу. Доцент кафедры он-
кологии Светлана Бехтерева бежала по коридору и кричала,
что «всем нужно разбежаться, спастись, на ПЭТе взорвался
циклотрон».

Надо сказать, что вся наша техника и системы защиты
радиологической службы, включая радионуклидное отделе-
ние, ПЭТ, ускорительную технику и все прочее, сработали
очень четко, очень хорошо: произошло аварийное отклюече-

ние аппаратуры, не было никаких аварийных ситуаций, никаких утечек радиации. Хочется сказать спасибо как нашим инженерам, так и производителям техники и строителям, которые организовали монтаж и установку всей этой очень сложной системы. Потом были известные репортажи, что метеорит распался, упал в районе Чебаркуля в озере. Но у меня до сих пор остается ряд вещей, на которые человек, может быть, не сильно глубоко, но все-таки понимающий в физике, не находит ответа. А именно в моем представлении, что некое тело, в частности метеорит, попав в атмосферу Земли, должен все-таки разогреваться постепенно и должен быть некий след, который остается в воздухе помимо разогрева этого тела, нарастающий по яркости. Вот эта вспышка сине-голубого пламени говорит об очень высокой температуре, которая была в эпицентре взрыва. Это мало объясняется просто распадом тела от перегрева. Насколько я себе представляю, перегретое тело, распадаясь, наоборот, теряет температуру, а не дает ее колоссальный выброс, тем более в таком очень высоком сине-голубом, почти что ультрафиолетовом спектре. Это не совсем укладывается. И совершенно непонятно, почему после такого термического или какого-то разрушения этого тела дальше след носил характер двух абсолютно параллельных инверсионных следов. У меня, допустим, возникла ассоциация, что это след двух двигателей, которые продолжают инерционный полет после разрушения основного тела и выгорания топлива.

Но как бы то ни было, метеорит упал, обломки нашли, память о нем осталась. Безусловно, остался осадок того, что в течение двух с лишним часов ни Интернет, ни официальные средства информации не могли дать никакой информации о том, что же на самом деле произошло. Безусловно, было достаточно понятно, в чем дело, и объяснимо, почему губернатор отсутствовал до вечера в городе Челябинске, и только вечером были произнесены эти известные слова о том, что газолед, замороженный лед и вся прочая ахинея. Потом были приняты судорожные, но нормальные меры по ликвидации последствий, по вставлению окон и всего прочего.

То, что касается диспансера, заделаны, ликвидированы были только совершенно явные повреждения. Потом много из последствий падения метеорита досталось на мою долю и пришлось почти спустя полгода после падения метеорита доделывать, восстанавливать и приводить в порядок.

Светящаяся бочка

Нельзя пройти мимо такого факта относительно нашего метеорита, что ряд западных астрономов предложили заменить интернациональное, издавна известное слово «метеорит» услышанным ими из наших видеорегистраторов: «Вот ни хуя себе!».

Касаясь вопросов компетентности, радиологической настороженности и понимая, что же за учреждение, с какой насыщенностью техники досталось в руки этим людям, хо-

чется привести такую забавную историю. По мере появления новой команды, которая абсолютно была не подготовлена к работе в высокотехнологическом учреждении, таком как Челябинский онкологический диспансер, в частности, человек, занявший место заместителя по технике, эту должность быстренько переделали в завхоза, что вполне соответствовало истине. Он так и не сумел на протяжении своего почти годового срока работы предоставить какой бы то ни было документ, даже о получении среднего образования. Вот такой человек руководил инженерной службой диспансера, где имеются циклотроны, линейные ускорители и прочие-прочие радиационные опасные объекты. Этот персонаж с хозяйственным обходом появился спустя некоторое время после его прихода в отделение радионуклидной диагностики. Инженеры, специалисты по радиационной безопасности, вполне адекватно оценивая интеллект и профессиональную подготовленность этого персонажа, обратили внимание, что он очень пристально смотрит на металлическую бочку, эмалированную, синюю, красивую, с импортной надписью, которая стоит на задах радионуклидного отделения. На вопрос «чья же эта бочка?» ответ был не найден. И через несколько дней эта бочка исчезла. Исчезла примерно понятно, куда и зачем. Не самая великая ценность. Но ребятам это запало. И когда этот персонаж появился снова в радионуклидном отделении, разговор принял такой оборот: «Надо же, стояла-стояла бочка, хорошая, импортная, вот надо же, кто-то взял и

упер, но ведь догадались бы, раз стоит, а мы сами не уперли к себе на участок, наверное, что-то не так, она же по ночам практически светится и звенит так, что дозиметры все зашкаливают». Персонаж, ответственный за техническую работу диспансера, изменился в лице, визит быстренько свернул, через несколько дней бочка опять появилась на территории радионуклидной терапии...

Бен-Гурион

В период расцвета нашего общения с Западом, открытости, это где-то середина 90-х годов, в Челябинске появляется большая делегация израильских специалистов. Ее привезла Эмилия Григорьевна Волкова, в те времена являющаяся проректором по науке УГМАДО (Уральского института усовершенствования врачей), талантливый кардиолог, потрясающая, умная, яркая женщина, способная зажигать, генерировать новые идеи. В тот период на коне были идеи здорового образа жизни, просвещения, просветительства. Именно этому была посвящена большая конференция, которая проходила на озере Тургояк – в месте, которое сейчас называется «Жемчужиной Урала». Тогда это был пансионат Уральского автомобильного завода и носил жаргонное название «китайский пансионат». Первая половина дня прошла на фоне очень интересных, объемных удивительных докладов о правильном образе, вреде алкоголизма, курении, о насилии в семье, которое происходит на фоне безобразий, и

прочих-прочих правильных вещах. Выступали наши ученые, израильские ученые, потом после окончания большого перерыва все, как обычно, собрались на банкет в зале, и начался совершенно потрясающий интересный банкет с русским хлебосольством на фоне уральской природы, с достаточно энергичными возлияниями, которые мало соответствовали провозглашенным в докладах тезисам.

И в самый разгар торжества и общения встает некая дама, урожденная израильтянка, которая там родилась. Она сказала: «Я никогда не была в России, но у меня много русских друзей. Мне так у вас нравится, так у вас здорово, вы такие молодцы, вы сказали столько прекрасных тостов, я поняла, что Россия намного лучше и интереснее, чем вообще я могла предполагать ранее. Но вы практически сказали все, что я хотела сказать вам. Но у меня просится тост за Бен-Гуриона, которого я очень люблю и очень уважаю, давайте выпьем за него». Это был, наверное, самый оригинальный, самый необычный тост, за который я когда-либо поднимал рюмку, потому что до этого я, честно говоря, мало что знал о Бен-Гурионе и относился к нему абсолютно абстрактно и индифферентно. После этого пришлось почитать и ознакомиться. Действительно, этот персонаж израильской истории вызывает большое уважение. Но и как бы некий эпилог к этой истории: это самый оригинальный и познавательный тост, который мне когда-либо приходилось поднимать.

Советы юным студенткам младших курсов

Барышня, собираясь в незнакомую компанию, должна на аварийный случай брать с собой не столько презерватив, сколько деньги на такси, чтобы презерватив не понадобился.

Стаканчик из-под сметаны...

Москва в дикие 90-е годы. Каширское шоссе. Гостиница онкоцентра, очень удобная, куда пускать нас стали после 1988 года. Около станции метро традиционная куча ларьков самого экзотического вида. И интересный товар, который наблюдался, может быть, полтора-два года и только в Москве, – это очень низкосортная водка, которая продавалась в пластмассовых баночках, в которых сейчас продают творог и сметану, с фольгой, заклеенной сверху. Тогда среди нас, молодых врачей, которые по разным делам приезжали в онкоцентр, ночевали там, она пользовалась определенной популярностью. Было очень удобно встретить товарища у метро, зайти, съесть беляш и выпить вот эту гадость из пластмассовой баночки. Потом, к счастью, все это исчезло. Но о том напитке, упаковке вспоминают многие из нас, кто учился, работал и работает сейчас в онкологии. Кстати, многие из моих товарищей, «собаночников» по этим пластмассовым стаканчикам, стали докторами наук, профессорами, очень уважаемыми специалистами-онкологами. Это не помешало нам развиваться, повзрослеть и не потерять голову.

Предки

Очень популярное рассуждение, о чем бы я поговорил со своими дедами, со своими предками. Вот у меня часто возникала мысль, действительно, о чем? В эпоху, когда были родовые поместья, много поколений жило в одном месте, общие с предками поля, дом, еще что-то, может быть, и был интерес. Сейчас, честно говоря, при всем моем уважении к предкам и к своей семье, наверное, встретившись с прадедом, тем более с прапрадедом, общих тем едва ли бы у нас нашлось сколько-нибудь много. Но подумайте сами, совершенно другая эпоха, совершенно другая жизнь. И по сути, нас мало что связывает. Одни мои прадеды жили в Каслях, работали на Каслинском заводе, занимали одни из первых мест, были руководителями подразделений. Прапрадед ездил даже в Париж на Экспо, где представлялась продукция завода. В семье имеется романтическая история. Где-то на каслинском кладбище есть могила Терентия Волегова. Дальше я предков, увы, не знаю. Это середина XIX века. Данила Терентьич, будучи очень состоятельным человеком, раздал детям свое имущество (дом, магазин, еще кое-что было), а моему прадеду, который был самым младшим, Ивану Даниловичу, оставил колоду для изготовления моделей, дубовую, большую, чем младшего сына очень обидел. И через некоторое время, когда сгоряча мой прадед решил расколоть это наследство, колоду он расколочил, но колода оказалась прапрадедовой копилкой, и там оказалась очень крупная сум-

ма в золоте. Но вскоре грянула революция. Правда, прадед успел построить очень хороший дом, магазин, которые до сих пор стоят в Каслях и известны людям. Пришла революция. У прадеда хватило ума при реквизиции сдать все золото государству, и это семью спасло. Мой дед пошел служить в Красную армию и воевал в Средней Азии в районе Кушки, участвовал в разгроме банд Ага-хана, то есть практически то же самое, что потом происходило с нашими сверстниками в Афганистане.

Младший брат пошел учиться в юридический институт, закончил свою жизнь крупным офицером в системе МВД. С ним я, конечно, общался. А вот с прадедом и прапрадедом не знаю, о чем могли бы мы побеседовать. Наверное, на какие-то отвлеченные темы.

Если брать предков с другой стороны, другого прапрадеда Семена Васильевича Белоусова, то это был, говоря нынешним языком, промышленник, который достаточно успешно работал в Центрально-Черноземных областях России, занимался строительными подрядами. Жили они в Ельце – это самый центр России. Если верить семейным преданиям, а я склонен этим историям верить, когда началось раскулачивание, к моему прадеду и к моей бабушке Варваре Семеновне Белоусовой тогда, потом Волеговой, прибежал их сосед, комсомольский активист, который сказал: «Варюшка, вас завтра будут раскулачивать. Давайте скорее уезжайте, исчезайте отсюда». Они погрузили все, что было из носильных вещей,

взяли какие-то небольшие наличные деньги, уехали на станцию и приехали в Челябинск на строительство тракторного завода, где было достаточно несложно затеряться. Очень интересно, что тем молодым комсомольцем, который предупредил и ухаживал за бабушкой, был Михаил Соломенцев, который впоследствии стал председателем Совета министров РСФСР, кандидатом в члены Политбюро и некоторое время был секретарем Челябинского обкома партии в годы войны. Вот такая история. Семен Васильевич не сумел от перипетий эпохи укрыться в Челябинске. 20 декабря 1937 года он был арестован. Мне довелось видеть в подлиннике его документы, следственный протокол допросов. Допрошен он был впервые в 20:00 31 декабря 1937 года. Скупой язык допроса не передает, конечно, эмоции. Но прадед был, видимо, орешек еще тот.

Кстати, по рассказам бабушки, люди, которые донесли, написали эти бумаги, это были соседи, хорошие знакомые, даже друзья дома, что, к сожалению, неудивительно. Завистники и недоброжелатели. Допрос носил примерно такой характер. «Белусов, вы агитировали против стахановского движения». – «Нет, не агитировал». «Свидетель такой-то показывает, что вы говорили, один жилы и надорвал..., а всей стране норму выработки повысили». Он ответил: «Ты погляди, что на самом деле произошло». Запись. Подпись. Следующий вопрос: «Вы агитировали против субботников». Он отвечал: «Нет, против субботников не агитировал». «Свиде-

тель такой-то показывает, что вы говорили во время субботников, что «штурмовщиной занимаемся, все то, что в Челябинске при царе построено, стоит, а то, что на прошлом субботнике сговняли, развалилось». Ответ такой же: «Выйди на улицу – посмотри». Осудили в итоге прадеда на 10 лет за подготовку теракта на товарища Сталина. Поскольку он заявлял (тоже показания свидетеля, хорошего семейного знакомого), что «в России было три царя: одного кокнули, второй сам помер, третьего точно должны чпокнуть». Семен Васильевич умер за несколько месяцев до моего рождения. Я, к сожалению, его не помню и не мог помнить. С ним, может быть, какие-то беседы и могли бы быть, хотя, в общем, наверное, вряд ли. Вряд ли они были бы содержательными и мы смогли бы достигнуть полного взаимопонимания.

То, что касается прапрадеда по этой линии, я плохо представляю, что это был за человек и кто это. Увы, так.

По отцовской линии я хорошо, естественно, знал деда. Я знал достаточно смутно в детстве прадеда Кузьму, которого можно, наверное, считать основоположником медицинской линии нашей семьи, поскольку прадед Кузьма был призван в армию в 1914 году и воевал всю мировую войну санитаром на Западном фронте. Слава Богу, выжил, не покалечен был. А вся семья переехала из Центральной полосы России в нынешнюю Курганскую область в район села Кипель. И сейчас имеется место, где были мельница, дом, пруд. Но это переселенцы по линии Столыпинской реформы. Тоже, наверное,

мало общего. Мы прожили абсолютно разные жизни в разных условиях. Преемственность поколений – дело, конечно, великое, но в нынешнем мире, очень динамично развитом, и притом, что каждое поколение проживает свою, очень отличную от предыдущего жизнь, у меня мало иллюзий относительно того, что что-то содержательное могло бы быть от моих встреч и бесед с моими прапрадедами. К сожалению, грустно, но вот так.

НВП. 31-я школа

Мне очень повезло, что после 4-го класса я, естественно, по идее родителей пришел в 31-ю физико-математическую школу. Это был 1969 год. А школа открылась только в 1965 году и создавалась по образцу физматшколы Новосибирского академгородка, где готовились будущие абитуриенты и студенты крупных технических и физико-математических вузов. Школа была абсолютно классная: это был отличный подбор учителей, очень интересный подбор учеников. Мы все практически пришли отличниками, и это было холодным ушатом на голову, будучи в общеобразовательной школе (я учился в 11-й школе, которая еще не была лицеем, а была просто добротной городской школой, располагалась в соседнем доме с домом, где я и мои друзья жили), а тут оказываешься среди равных. И еще большим холодным душем была первая контрольная по математике, когда большинство нас получили двойки, тройки – это было трагедией

для нас, мальчиков, которые привыкли расценивать четверку как очень большую неудачу.

Я думаю, что разговор о моих одноклассниках еще в этой книге пойдет, там много было интересных ребят. Естественно, юность была прекрасна и полна приключениями и впечатлениями. Но мне сейчас хочется вспомнить 9-й класс, подполковника Цыганка – преподавателя по НВП. После 8-го класса наши классы значительно переформатировали. Значительная часть, примерно до трети ребят из физико-математических специализированных классов, были переведены в два общеобразовательных класса, и на их место пришли ребята из «Г» класса, которые остались на физматподготовке. Среди них пришел Саша Тысячный по кличке Комар, на которую он охотно откликался, потому что действительно был такой миниатюрный, французского, дартаньяновского типа парень, неглупый, где-то способный на провокацию. И вот одно из первых занятий по НВП, по патриотическому воспитанию. Цыганок был, наверное, очень неплохим человеком и хорошим офицером, но, придя в такую среду, про которую, может быть, немножко длинно рассказал, он сохранил те же самые приемы, которые использовал в беседе и с ребятами, которые пришли в армию после 10-го класса, и с несколько другой подготовкой, несколько из других сред интересов: там была намного более простая и малообразованная публика. И вот, говоря о подвигах во время войны, он обратился к Тысячному: «Скажи, Тысячный, ты бы

мог, как Александр Матросов, закрыть своей грудью амбразуру?» Сашка, всегда шустрый и острый, очень смутился: «Я не знаю, я, конечно, очень уважаю Матросова и его подвиг, я понимаю настрой и все прочее, но я не уверен, хватило бы у меня духу и смелости, не струсил бы я в последний момент, если бы оказался в такой ситуации». Наш доблестный командир сказал: «Садись, Тысячный, три!» Тысячный спросил: «Извините, а почему три? Я же честно сказал». – «Ты должен был сказать: «Конечно, я абсолютно готов и полностью бы повторил подвиг Александра Матросова, если бы оказался на его месте». Сашка пытался спорить: «Но я же не уверен, смог бы я, хватило бы у меня духа и смелости». – «Нет, советский солдат должен всегда говорить, что он готов выполнить любой приказ и совершить любой подвиг!»»

ГДР. Орган

Как, наверное, все челябинские помнят, в 1985 году здание на Алом поле, в котором был расположен планетарий, было передано под орган, который был сделан в ГДР, привезен к нам. И очень быстро вот это здание в центре города приобрело колорит, стало одним из символов города и стало пользоваться очень большой популярностью и любовью у челябинцев. Я сам неоднократно там бывал, это было интересно, в какой-то степени модно: орган – что-то западное, что-то свежее и необычное. Потом загремила перестройка, немного приоткрылись границы. В 1988 году я оказался в

ГДР руководителем туристической группы медработников, совсем еще молодым пацаном, так уж получилось, и в плане культурного обмена мы приехали в городок на музыкальную фабрику, где был сделан наш орган. Они помнили и знали об этом. Делали прекрасные немецкие аккордеоны. Располагался этот городок в очень интересном месте. Это была реальная граница, но условная, потому что там не было ничего, кроме такого невысокого полосатого заборчика, где сходились границы ГДР, Чехии и Венгрии. Нас встречали в ресторанчике: был шнапс, было пиво, была водка, было очень интересное общение, песни и все такое. И мы, компания молодых парней, развлекались достаточно похабным образом: мы выходили на границу и пытались с территории ГДР струей мочи достать до территории Чехословакии и Венгрии. Надо сказать, что, судя по цвету снега (а была зима), вот этим развлекались не только мы, а многие. Кстати, научили нас этому немцы.

Но история с органом имела свое продолжение и имеет. Как вы знаете, на определенном этапе нашего развития было принято решение о передаче храма на Алом поле православной церкви, о достаточно рискованном переносе органа в кинотеатр «Родина» с дорогостоящим ремонтом. И вот этот процесс у меня вызвал совершенно противоречивые чувства. Причем я до сих пор не разобрался, что здесь превалирует, но эмоции достаточно сильные. Во-первых, зачем было разорять и уничтожать совершенно сложившийся

ся и необычный ансамбль? Да, орган в православном храме не совсем сочетается с канонами. А вообще, что у нас в жизни, особенно в современной, сочетается с канонами и соответствует правилам и истории, и нацизма, и нравственности? Мне непонятно, зачем были вот эти большие траты и риск повредить инструмент при его переносе. Совершеннейший восторг вызывает работа строителей компании «Альфа-Строй», которой руководит мой друг Олег Иванов. Кинотеатр «Родина» был на грани разрушения, а когда-то был определенным центром культуры в городе, но полностью исчерпал себя как кинотеатр. И то, что из него сделали, конечно, потрясает, – новые стены, расширение объемов, совершенная акустика. Но вместе с тем меня очень покорило, что в городе, где столько дыр, столько проблем в здравоохранении, в просвещении, когда наш диспансер не может построить уже много-много лет поликлинику, которая каждый день нужна более чем 500 жителям Челябинска, по нуждам намного более насущным, чем тяга к прекрасному, тяга к музыке. Меня совершенно убили специальные акустические кресла по 18 тысяч и наши проблемы, когда мы ищем гроши с бора по сосенкам, чтобы купить реанимационные кровати для пациентов, когда из грошей лепим деньги на то, чтобы поставить кушетки в тесном коридоре поликлиники, построенном в 1947 году. Кстати говоря, наша поликлиника на несколько лет даже старше кинотеатра «Родина» и эксплуатировалась точно намного интенсивнее.

Парадоксы родного города удивляют, угнетают, поражают. Я, честно говоря, не знаю, какое у меня в итоге отношение к новому органному залу, к органу и ко всей истории с переносом на фоне той среды, того окружения, где я работаю, с которыми сталкиваются горожане, мои земляки, каждый день. Грустно и непонятно.

Очень рад, что поликлинику в декабре 2015 года мы начали строить, но это уже другая власть в области.

Профессор Ратников

Зоя была всегда практически непьющей женщиной, девочкой из интеллигентной профессорской семьи. Могла позволить себе бокал сухого вина. Практически никогда – водку, виски, коньяк или другие тяжелые напитки. Из единственных пороков, которыми обладала, иногда любила выкурить сигарету. Наша дочь Даша, когда ей было, наверное, лет 5 или 6, вместе с подружкой в гостях у друзей увидели Зою и жену наших друзей, семейную подругу, с сигаретой в руках. Это было нечто жуткое. Закончилось заключением дочерей: «Мы-то думали, что вы порядочные женщины. А вы-то вот оно что!» Зоя работала доцентом на кафедре фармакологии. Все были достаточно молоды. Кафедрой заведовал тогда Владимир Иванович Ратников, совершенно блестящий ученый, необычный, непростой человек. Вторая была молоденькая доцент Люба Рассохина. Они готовились к какому-то совещанию, какие-то бумаги. Владимир Ивано-

вич руководил, командовал. Владимир Иванович мог в сердцах накричать, бросить книгой, диссертацией, еще чем-нибудь. Но они его любили, наверное, за талант, за ум, за то, что с ним было интересно. А мы тогда уже жили в доме на Воровского, напротив института. Не было мобильных телефонов. И вечером, наверное, часов в 8, раздается звонок, и наша мама нетвердым голосом говорит: «Даша, ты меня должна отсюда забрать. Мы писали отчет, выпили немножко спирта, и я дойти сама не могу. Люба – тоже». Даша была студенткой, пошла навстречу, перешла через дорогу. Вальяжный и красивый Владимир Иванович, совершенно веселые Зоя и Люба вышли.

Оказалось, что в те далекие времена на кафедре еще давали спирт, который не всегда расходовался по прямому назначению. Черт их дернул размешать спирт – Владимир Иванович вспомнил старый студенческий рецепт – с малиновым вареньем. Должен сказать, я знаю, что это такое. Это совершенно убийственный напиток, который бьет и по мозгам, и по желудку, и по ногам. Если Владимир Иванович еще как-то ориентировался в пространстве, то девушки, непривычные к таким возлияниям, были маловменяемые и малотранспортабельные. Люба с Владимиром Ивановичем сели на троллейбус и поехали. Но это отдельная история их приключения, совершенно все закончилось хорошо. А Зоя требовала пойти с Дашей в книжный магазин и непременно купить ей красную ручку, потому что срочно нужно проверять

какие-то важные контрольные. Зоя была доставлена домой, уложена спать, напоена водой, как положено, крепким чаем. И на следующее утро я слышал очень такие интересные для себя слова: «Теперь-то я понимаю, как оно бывает. Выпивка на работе из ниоткуда, ничто не предвещало ничего грозного, вот и как же это тяжело потом». Но я отыгрался. Врачебная жизнь, жизнь заведующего отделением, главного врача иногда сопровождается производственными биохимическими производственными травмами, часто против желания и в абсолютно незапланированные временные промежутки. Вот эта история с красной ручкой, со спиртом и с малиновым вареньем на долгие-долгие годы стала хорошей семейной легендой. А рецепт напитка до сих пор известен кафедре фармакологии. Владимир Иванович, к сожалению, достаточно давно уже ушел в мир иной. Люба является большим начальником в медицинском университете. Но когда заговариваешь с ней, а не попить ли нам спиртику с малиновым вареньем, в дрожь ее кидает тут же.

Египет. Американцы

Середина 90-х годов – время иллюзий и надежд, бурных перемен. Все это было очень интересно. Именно тогда профессор Николай Иванович Тарасов, ректор созданного им Уральского государственного института дополнительного образования (УГИДО)... О его судьбе и перипетиях несколько позже, они тоже достаточно интересны и поучи-

тельно. Николай Иванович в расцвете творческих сил организует контакты челябинских урологов с американскими урологами. Боб Тернер. Поездки в Южную Каролину. Волею судеб как-то так получилось, что в то время Южная Каролина была штатом-побратимом Челябинской области. Ни до, ни после я ничего подобного о наших родственных связях с этой замечательной территорией, увы, не знал. Так уже вышло. В довольно быстром темпе мы собирали эту поездку: были сложности и с визами, были сложности и с оплатами.

И вот что интересно: я всегда своих молодых коллег ориентирую на то, что нельзя в медицине работать за деньги, работать на деньги. Они, конечно, нужны. Нужно, прежде всего, работать на авторитет, на телефонную книжку. Был, слава Богу и сейчас здравствует процветающий бизнесмен Виктор Тартаковский. На каком-то этапе, когда он не был еще ни звездой челябинского бизнеса, ни очень богатым человеком... Виктор был тогда в большом фаворе. Получилось так, что на каком-то этапе довелось и удалось в какой-то степени помочь в лечении близкого ему человеку. Он сказал: «Пожалуйста, обращайся с любой просьбой, я не забуду никогда». Звоню ему: «Виктор, вот так и так, планируется городская поездка. Администрация. Но нужно доплатить порядка 3 тысяч долларов». А тогда это были деньги абсолютно фантастические. Он спросил: «Когда надо?» Я ответил: «Срочно». А разговор в 10:00 утра. Он сказал: «До часу дня я не успею». – «Подожди, речь вообще идет о двух неделях».

«Ну, это вообще не разговор». И тогда мы двинулись в Южную Каролину достаточно большой компанией. Был я, были сосудистые хирурги, был мой старинный друг Петя Карнаух. Нам много чего показали. Были очень интересные контакты. Петр Карнаух тоже был в составе делегации. Берег Атлантического океана. Время прогулки. После ужина был романтический вечер, мы были слегка подшофе. Мы подумали и договорились, а почему бы не организовать и не открыть в онкодиспансере, стройка которого еще только продолжалась, онкоурологическое отделение. Это казалось абсолютной авантюрой, но, тем не менее, есть что есть и отделение работает.

Надо сказать, что в Соединенных Штатах понятие «медицинский университет» и у нас – это абсолютно разные вещи. В Южной Каролине, которая является не самым бедным штатом в США, ректором медицинского университета, который включает в себя учебную часть, нечто типа областной больницы, руководит четвертый человек правительства Рейгана. И считает, что это совершенно потрясающее завершение реализации его карьеры.

Через какое-то время настало время визита наших американских коллег в Челябинск. Боб Тернер и доктор Бисада, американец египетского происхождения, который в Египте, по-моему, никогда и не был. Замечательные специалисты. Прилетели в аэропорт Кольцово. Это были первые полеты зарубежных рейсов, когда Кольцово обошло уже Челябинск по

международным рейсам. Был период, абсолютно благоприятный для лидерства Челябинска на Урале, когда мы уже построили взлетно-посадочную полосу, а свердловчане на год, полтора, может быть, два от нас отставали. Пока у нас шли дележки сфер влияний, губернатор Свердловска Россель с его командой очень быстро достроили полосу, перехватили инициативу. И тот поток рейсов, которые шли через Челябинск... Если кто пользуется компьютерной программой Flightradar24, очень популярной у нас, видят, что международная трасса идет именно над Челябинском. Для Свердловска крюк в 200 км – не самый большой, но, тем не менее, это крюк. Вот они перехватили, и самолеты начали садиться там.

Мы поехали встречать самолет Lufthansa. Встретили. И по дороге назад была традиционная остановка на перекресте с Каслинским поворотом. Там и сейчас стоят торговые ларьки, палатки и смотрится все достаточно экзотически. В те годы это было нечто совершенно потрясающее. Это был городок из картонных, фанерных, каких-то совершенно непонятных сооружений. Горели мангалы, костры. Место, скажем, где должен быть туалет, находящийся за этими торговыми палатками, имело совершенно жуткий вид. К весне горы замерших нечистот с соответствующим запахом и видом. Но мы устали.

Самое главное, что Тернер – человек, мягко говоря, пожилой, еще достаточно нездоровый. Он был летчиком во время корейской войны. И наши умудрились его сбить. При этом

он был ранен осколком кабины его самолета в позвоночник. И травма эта сказывается по сей день. И ехать сидя не по самой комфортной трассе не на самом комфортном автомобиле было ему тяжело. Мы остановились, чтобы попить кофе. Бисада, ходя по этому ночному апокалипсическому совершенно участку, приговаривал: «This is Egypt (Это Египет)». С тех пор вот это место в определенных кругах онкоурологов и онкологов до сих пор имеет место называться Египтом.

Потом была очень интересная конференция, очень полезное общение. Озеро Тургойак. Посещение строящегося онкодиспансера. И Тернер был готов привлечь возможности Американской ассоциации урологов к оснащению нашего онкоурологического отделения. Надо сказать, что по американским стандартам (богатая страна, что говорить, не скупа на медицину) большинство медицинской техники после 2-3 лет эксплуатации, 25-30% ресурса выработанного, идет на продажу или списание. Они были готовы все это дело выслать нам. Безусловно, это было бы колоссальное подспорье, рывок вперед. Но все дело испортили наши российские понты. Один из отцов города Челябинска пригласил Тернера и Бисаду к себе домой, из самых лучших побуждений пошел показывать свой винный подвал, где действительно была потрясающая коллекция вин. Тернер и Бисада, как люди понимающие, оценили стоимость этого клада и сказали: «Вы знаете, ребята, в городе, где руководители этой территории имеют такие винные подвалы, коллекции вин, нам с нашими по-

дачами б/ушного оборудования делать, в общем, нечего». Увы, далее мы развивались параллельно, сохранив уважение друг к другу. Но, тем не менее, онкоурологическое отделение состоялось и, славу Богу, функционирует.

Команда «Трактор»

Команда «Трактор», как известно, один из символов Челябинска. Это действительно так на протяжении многих лет. Мое же отношение к этому виду спорта и к тому, что его окружает, оно делится на два достаточно неравнозначных периода. Получилось так, что в нашем дворе, где я жил, это перекресток проспекта Ленина и улицы III Интернационала, в советское время жило довольно много ведущих хоккеистов «Трактора». Это были понятные ребята, которые здесь выросли, которые играли. «Трактор» ходил в крепких середняках. Но все хоккеисты были наши, челябинские. Вот это понимание в спорте, что вот это наши, которые играют с их игроками, оно полностью соблюдалось. Это интересно. Это была наша команда. Они, естественно, чаще, чем все остальные жители двора, покупали машины, по тем временам самые лучшие: 24-я «Волга», 3-ки, 6-ки «Жигули». Но это тоже было понятно. Это не были абсолютно безумные дикие гонорары, которые эти пацаны получают сейчас. Это был «Трактор», за который мы болели. Я очень хорошо помню бронзовую медаль, которую «Трактор» завоевал при тренере Кострюкове. Вот это было интересно.

Потом, честно говоря, было не до хоккея. Сейчас разговоры о «Тракторе» и тот ажиотаж, который поднимается в вулкане истерии, особенно среди молодежи, у меня вызывают резко негативное отношение, скорее презрительное, это своеобразная мозговая отравка. Никакого «Трактора», на мой взгляд, сегодня нет. Есть команда наемников, которые за большие и слишком большие деньги будут играть за кого угодно: сегодня – за «Трактор», завтра – против «Трактора». И если вспомнить канадского негра Фаунтина, который был капитаном «Трактора», то это вообще цирк, дикость. И очень дурная, совершенно дикая эмблема. Почему-то она никого не раздражает. Почему эмблемой челябинской команды является какой-то белый медведь, который ломает клюшки? Ну при чем тут белый медведь? Если, допустим, можно еще как-то понять верблюда, который нарисован на нашем гербе, хотя это тоже весьма спорный персонаж. Уж белого медведя никогда близко нигде не было. И какого лучшего он должен вызывать восторг, непонятно абсолютно.

С рядом чиновников у меня в разные эпохи возникали разговоры, что когда я вижу, что месячный бюджет «Трактора», который часто равняется годовому бюджету онкологического диспансера, и те гонорары, которые получают хоккеисты, мне непонятно, за что. Это даже нельзя назвать заработками, это гонорары, это дикие, непонятные деньги, ведь хоккей – это все-таки игра, без которой легко можно жить, которая никакого влияния не оказывает на жизнедеятель-

ность нашего большого миллионного города. Деньги, которые получают эти ребята (они практически все приезжие), вывозятся на пределы области и не тратятся здесь, и ни в коей мере не работают на экономику. Чем они лучше, чем они больше приносят пользы, чем хороший врач, нормальный учитель или грамотный инженер? Мне это абсолютно непонятно. Мне кажется, то, что происходит вокруг профессионального хоккея и футбола, это очень разрушительно и вредно для молодежи. Школьники, студенты видят, что деньги платятся не за знания, не за ту пользу, которую ты приносишь обществу, а за совершенно непонятные действия, часто бессмысленные и не имеющие никакого отношения к реальной жизни. Возмущение, негодование, если хотите – классовая неприязнь.

Не люблю я «Трактор», не люблю хоккеистов, не люблю футболистов-профессионалов, уважаю тех, кто занят настоящим делом: врачей, учителей, военных. Вот так.

И еще хочется отметить, что сумма Государственной премии России, которых выдается всего пять в год за действительно выдающиеся достижения в науке, технике, искусстве, составляет 25 млн. рублей, а недавно футбольному тренеру сборной страны по футболу выплатили 1 млрд. рублей – то есть Госпремии за 8 лет!!! Мне кажется, что это просто безумно и безнравственно!!!

Кроссовки Раска

С Рейнгольдом Эдуардовичем Раском я познакомился еще в студенческие годы. Некоторое время он вел в нашей группе цикл «онкология», а потом много лет вместе работали. Биография Рейнгольда Эдуардовича, который себя называл всегда потомком викинга (но в этом что-то, наверное, есть), достаточно интересна и многогранна. Офицер одного из первых спецназов в Советском Союзе. В силу обстоятельств был демобилизован, в достаточно взрослом возрасте поступил в медицинский институт, стал онкологом, торакальным хирургом. И с ним связано несколько интересных историй. В той команде, которая была тогда в диспансере (это Цейликман, Раск, Анищенко, Кожевников), Рейнгольд был, наверное, самым академичным и самым мощным. Я поражался его способности цитировать журналы, книги.

Нужно отнести, конечно, к оригинальнейшим чертам Рейнгольда его физическую подготовку, страсть к тяжелому железу. Всегда в кабинете были гантели, штанга до глубокой-глубокой старости. Напомню, что в 80-е годы белые кроссовки «Адидас» были символом аристократизма, благополучия, вообще ужаснейшим дефицитом.

Я думаю, что в музее диспансера обязательно что-то из этой атрибутики будет, так же, как и кроссовки «Адидас», которые вызывали восторг у всей мужской половины диспансера.

Мой первый контакт со студенческой вузовской наукой произошел сразу на первом курсе, когда, поступив в институт, я сразу записался в кружок онкологии. Кафедра располагалась тогда в бараке во дворе здания на улице Коммуны. Там сейчас локализуется банк «Балтика» или «Балтийский» – что-то такое. Это было ужасное сооружение, одноэтажное, провонявшее формалином, в цементных ваннах в железных клетках плавали измочаленные трупы. Но это отдельная история.

Мои родители учились в одной группе с профессором Турыгиным Виктором Васильевичем. Жили они в нашем дворе. Напомню, что времена были 1975 года, достаточно дефицитные. И в гастроном на улице Российской привезли свежих карпов. Бабушка заняла очередь, поручила мне стоять. И буквально в нескольких метрах от меня стоял Виктор Васильевич. Мне было очень лестно стоять рядом с профессором, тем более он меня узнал. Мы о чем-то говорили высокопольезном. Карпы были куплены, принесены домой, успешно съедены. А где-то весной на заседание кружка принесли сборник работ сотрудников кафедры. И я с большим удивлением прочитал статью об особенностях кровоснабжения продолговатого мозга карповых рыб Виктора Васильевича Турыгина. И понял, что если просто человек рыбу съедает, то ученый из ухи или жареного карпа извлекает еще и научную продукцию.

И в том же сборнике была еще одна статья, которая пора-

зила мою фантазию. Статья называлась «Особенности кровоснабжения и иннервации полового члена кота». Началась она с сакраментальной в то время фразы «изучение данного вопроса имеет большое научное и практическое значение».

Коли уж мы упомянули старое здание института, надо сказать что в этом легендарном корпусе на 4-м этаже в мужском туалете на военной кафедре находилась еще одна реликвия – на подоконнике ножом многократно вырезанная, закрашенная и снова восстановленная сияла мудрая эпитафия – «Война – хуйня, главное – маневры!»... Не исключаю, что она появилась в 1944 году вместе с Киевским мединститутом.

Михаил Иванович Воронин

С этим человеком нас жизнь связала надолго: практически всю сознательную врачебную жизнь работаем вместе. Но разговор не об этом. Познакомились мы с ним на третьем курсе. Тогда молодой ассистент Миша Воронин только пришел на кафедру. И мы были первой группой, которую он вел. А в нашей группе достаточно сильные и интересные учились три будущих профессора: я, Саша Зурочка и Алексей Фокин. Мы отнеслись к молодому ассистенту с шуточками, прибаутками. Миша, как водится молодому преподавателю, проявил максимальную строгость. И к нашему большому удивлению, всех нас троих и еще несколько человек с треском и звоном обананил. Отработки мы потом сдали. Жизнь пошла своим чередом, началось профессиональное

общение. А когда я пришел на кафедру заведовать, я Михаила неоднократно упрекал за очень лояльное отношение к студентам, за либерализм. Он сказал: «Ты понимаешь, меня жизнь научила: надо помнить, что твой нынешний студент завтра может оказаться твоим начальником».

Центральные бани

Последним циклом в институте на 6-м курсе был цикл экстренной хирургии. Прошло уже распределение: мы знали, где будем учиться и чем заниматься, было понятно, в частности, мне и Алексею Фокину, что экстренная хирургия не совсем то, что нам пригодится в качестве первой необходимости в повседневной работе. Но мы, молодые балбесы, в этом, конечно, были не правы. Экстренная хирургия, вообще экстренная медицина нужна всем, потому что с этой ситуацией можешь столкнуться не только на работе, но и в быту, на отдыхе, где угодно. Но это пришло потом. А тогда апрель и май, весна, позади институт, впереди – госэкзамены. Причем совершенно очевидно было, что мы их сдадим и сдадим неплохо. Вопрос был в том, будет красный диплом или нет. Но и в этом мы тоже мало сомневались. И захотелось дать себе отдых и отквитаться за все 6 лет соблюдения дисциплины, посещения занятий и поведения хороших мальчиков-студентов. Наше утро начиналось с того, что мы приходили в отделение, здоровались с докторами, с нашим куратором Николаем Федоровичем Долговым. После этого

мы спускались вниз в раздевалку. Естественно, мы в ординаторской оставляли портфели, какие-то книжки, тетради, внизу снимали халаты, переходили напротив в красный дом. Сейчас там банк, а раньше была очень старая баня. Бани тогда были в диковинку. До часа дня мы парились, плескались в воде, из открытого окна наблюдали жизнь городской больницы. В час дня выходили, надевали внизу халаты. Поднимались в отделение экстренной хирургии, брали портфели, вежливо говорили всем до свидания и шли через дорогу в пельменную кушать пельмени. Вот таким образом мы прозанимались, фактически два месяца примерно длился цикл. Наверное, в бане я тогда напарился на многие-многие годы вперед.

Софья Львовна Дарьялова

Валерий Валерьевич Чиссов любил говорить, что в короне Онкологического института имени Герцена очень много драгоценностей, но самый крупный бриллиант – это профессор Софья Львовна Дарьялова. Блестящая женщина, уникальный, потрясающий ученый и очень интересный человек. Чтобы понять колорит этой женщины, нужно сказать, что она была женой, впоследствии, к сожалению, вдовой Аркадия Вайнера. Яркая представительница московской еврейской интеллигенции, которая всегда подчеркивала свою самобытность. Софья Львовна была у меня оппонентом по докторской диссертации, что позволило еще больше сбли-

зиться в человеческом и профессиональном отношении, чем я очень горжусь.

Интересный штрих, когда я защитил докторскую диссертацию, был устроен небольшой сабантуй в Институте радиологии. Я очень гордый тогда выставил приличный коньяк, виски, вино. Мне коллеги сказали: «Ты что? Софа пьет только водку. Бегом ноги в руки и ищи что-нибудь приличное». Пришлось быстро соорганизоваться.

Тогда же мне был повязан красный пионерский галстук самого молодого доктора наук – онколога. Был такой обычай.

Канары

В процесс познания мира в свое время попали на Канарские острова. Совершенно потрясающее место: Гран-Канария, Ланселот, Тенерифе – вулканы, океан. И сам факт попасть на Канары особенно в те годы был в высшей степени престижным и достойным. Там проходила Всемирная конференция по медицинской физике, которая проходит каждые четыре года. Потом в рамках этой конференции удалось побывать в Сиднее, еще в некоторых странах. Но, тем не менее, Канары. Жили мы на острове Тенерифе, вулканический остров. Гостиница была расположена на скалистом берегу. Вулканический берег, отвесный, очень большой высоты. В гостиницу мы входили как бы сверху, там был бассейн, рецепция и все этажи шли счетом наоборот: с 17-го или 18-го до уровня океана. Вот в такой экзотике проходил конгресс.

Очень меня поразил один лектор европейско-формальной приверженности к традициям. Конференция носила очень серьезный статус, были и достаточно жесткие требования к дресс-коду, то есть обязательно белая рубашка, галстук, но больше ничего не оговаривалось. И все мы были очень удивлены, развлечены и порадованы находчивостью одного из лекторов. На лекцию мы немножко опоздали, смотрим, стоит холеный, лощеный европеец, лысенький, в белоснежной рубашке, в красной бабочке, читает лекцию. Тему лекции не запомнил, а дресс-код остался в памяти. После окончания выходит из-за трибуны, а под белоснежной рубашкой и бабочкой шорты-бермуды и шлепанцы. Это было потрясающе.

Вообще природа Канар удивительна. Я помню поездку на вулкан. Автобус сначала входит в слой облаков, пробивает их и выходит наверх, практически в лунный пейзаж, где никогда не бывает ни воды, ни дождей и есть черта, где буквально ощутимо заканчиваются облака и начинается уже то, что выше, – фумаролы, вулканические бомбы, просто луна. И в этой экзотике связана с Канарами еще одна достаточно забавная история, которую нельзя обойти стороной.

В те годы было у меня хобби воровать пивные кружки. Причем интерес представляла не сама кружка, а процедура ее похищения из ресторана. Может быть, не самое красивое развлечение, но увлекательное и интересное. В этой сфере я достиг кое-каких успехов. Так вот, на Канарах как-то внепланово вечером мы были все одеты в шорты, без су-

мок. Намечался какой-то банкет, фуршет. Быстренько наша делегация собирается, приезжает. Под открытым небом на берегу моря хороший испанский стол: вино, пиво, напитки. И мы тут же (нас было четверо) знакомимся с пятью очень интересными испанками, завязывается какой-то разговор на плохом английском. В общем, все хорошо. Но пятая испанка вскоре куда-то исчезает. Мы не сразу ухватились, не очень пожалели. Нехорошо, конечно, получилось с ней. Но ладно. Спустя какое-то время эта испанка возвращается, приводит с собой четырех мужиков и говорит: «Кабальеро, позвольте вас познакомить с мужьями ваших дам». Беседа и общение приняли совершенно иной характер.

Вечер как-то сам собой начал сворачиваться. Но я вспомнил, когда мы выходили из автобуса, ребята надо мной посмеивались, что тут-то в шортах и в майке ты кружку спереть не сможешь: ни портфеля, ничего. И мне пришла в голову мысль следующего рода: выходя из ресторана, я взял свою барышню под руку, рядом идет ее муж, который оказался кем-то из руководителей конгресса, крупным испанским медицинским физиком, пользовался таким уважением, почетом. На выходе из ресторана официанты наливали желающим напитки. И вот тут я идею реализовал. Мы подошли, я взял пивную кружку, ее наполнили пивом, и совершенно внаглую, разговаривая со своей новой знакомой и ее мужем, под удивленные взгляды официантов выходим за пределы ресторана, даму отдаю законному супругу, а сам

гордо захожу в автобус, выпиваю свое пиво, говоря: «Вот так, ребята, надо работать».

Фантастика

Многие в юные молодые годы увлекались и увлекаются фантастикой. А для нашего поколения вообще это было очень свойственно. Дело в том, что это был период расцвета полета в космос. Я не помню, как взлетал Гагарин, но в памяти остался полет Титова. Мне было уже года три с лишним, я помню эти радиопередачи, телевизионные комментарии. Естественно, это все будоражило фантазию и оставило след в памяти, в душе приверженность, желание работать в каких-то больших масштабных проектах. Это свойственно многим из моего поколения. Социологи говорят, что нынешнее поколение, которое вошло в активную жизнь уже после совершенно диких и подлых времен перестройки и 90-х годов, тоже имеет тягу и желание не только к стяжательству, наживе и деньгам, но и желание участвовать в чем-то масштабном, интересном, действительно продвигающим прогресс. Вот достаточно много фантастических произведений описывало жизнь в XXI веке, строились различные прогнозы. Что удивительно, реальная жизнь повернулась совершенно иначе. Если крупнейшие фантасты Станислав Лем, Артур Кларк, Андре Нортон связывали изменения жизни с полетами на другие планеты, с освоением Солнечной системы – с чем-то вот таким масштабно-серьезным, то в действи-

тельности посмотрите, космонавтика в значительной степени сошла на нет, романтики там осталось мало. То, что сегодня функционирует, носит сугубо прикладной характер: или военно-космическая разведка, или средства связи, прогнозы погоды. А реальную жизнь изменили мобильные телефоны и персональные компьютеры. Действительно изменили очень здорово. Сейчас сложно, почти невозможно себе представить, как можно ехать в командировку, как можно вообще проводить день, не имея в кармане мобильного телефона или не имея на столе персонального компьютера с выходом в Интернет.

XXI век уже идет вовсю, уже 2015 год, уже можно говорить, что в определенной степени его тренд определен. И очень жаль, что того космоса, того полета фантазии, творчества, которое было в обществе в 60-70-е годы, увы, рядом с нами нет. Это заменили утилитарные смартфоны и настольные компы.

Увы, мы не полетели на Луну, неизвестно, когда полетим на Марс, и полетим ли вообще... А остались на Земле с земными мелкими проблемами и страстями.

Бразилия. Острова Зеленого Мыса

Полет в Бразилию представлялся чем-то сродни полету на Марс, по крайней мере, в детстве и юности это было непредставимо. Тем не менее, такая поездка состоялась. Вылетели мы небольшой компанией 7-8 человек радиологов, меди-

цинских физиков из Московского онкоцентра и из Челябинска. Вез нас старый добрый Ил-62, который до Рио-де-Жанейро долететь без посадки не мог. Посадка такая была на Кипре. Там еще какой-то народ сошел, какой-то народ подсел. И дальше предстояла долгая дорога: ночью лететь над Средиземным морем, пересечь Атлантику и где-то к утру мы планировали достигнуть Рио-де-Жанейро. В хвосте самолета образовалась небольшая компания, совершенно разнородная: помимо нас, нескольких онкологов, там сидел полковник из генштаба Бразилии, который по каким-то служебным делам летал в Россию; на Кипре к нам подсел парень, бразильский футболист, который играл за какой-то клуб в Италии; и две московские девчонки, которые, не скрывали, что они валютные проститутки и едут отдыхать в Бразилию. Они сказали: «Мальчики, мы абсолютно безопасны, мы едем отдыхать, поэтому относитесь к нам просто как к товарищам». И вот такой компанией мы летели. Тогда еще можно было употреблять некоторые горячительные напитки в самолете. Несмотря на то, что с языком было, мягко говоря, нехорошо, я даже сейчас затрудняюсь сказать, как мы объяснялись. Но беседа текла весело. Потом мы задремали.

Затем, вроде бы задним числом что-то в районе Канар, как-то самолет повел себя не так. Но в итоге мы просыпаемся, самолет идет на посадку, смотрим, это явно не Бразилия, а остров. Как, что, чего получилось?! Когда мы приземлились и нас вывели в маленький аэропортик, где сто-

ит один наш самолет, с закопченной гондолой правого двигателя, экипаж объяснил, что вышла неприятность – техническая неполадка. Грубо говоря, один из двигателей просто загорелся, его потушили. Находились мы в Кабо-Верде, на островах Зеленого Мыса. Вот уж куда я никогда не думал попасть, как это сюда. Маленький островок длиной 7-9 км, шириной 5-6 км с кучей совершенно замечательных пляжей, с единственной гостиницей. Надо сказать, что туристы туда прилетают один раз в год, когда какие-то рыбы косяком проходят в этих краях и там потрясающая рыбалка. Все остальные 11 месяцев в году гостиница стоит пустая. Нас туда заселили.

Первое, что я помню, это сидящий в углу под потолком таракан размером с хорошую мышь или даже крыску, который приподнялся и злобно на меня зашипел. Но это местные кабо-вердийские тараканы. Но надо сказать, что, слава Богу, завезти их в Россию практически невозможно. При температуре ниже плюс 20 градусов они не выживают – вот такие нежные твари. Поскольку нужно ждать, как выяснилось, примерно сутки, пока в Москве соберут новый борт, загрузят на него необходимые запасные части для ремонта двигателя нашего самолета, соберут ремонтную бригаду и он прибудет сюда, сутки нужно чем-то заниматься. Мы всей нашей компанией наняли машинешку типа что-то современной «Газели», грузовик, и почти сутки мы ездили по этому островку. Ночной пляж черного вулканического песка,

белый коралловый песок, скалы, лагуны изумрудно-зеленой воды, совершенно дармовые фрукты, грошовые рыба и морепродукты в забегаловках тут же рядом с пляжами. Местные жители оценили наше появление как определенную манну небесную. На Кабо-Верде есть даже своя валюта и свои деньги. Монеты где-то у меня остались. Во Вторую мировую войну это был аэродром подскока для английских самолетов. И говорят, нацисты, которые на подводных рейдерах плавали в Латинскую Америку и, может быть, в Антарктиду, тоже останавливались там периодически для пополнения запасов воды, продуктов и для отдыха.

Ночные, дневные прогулки по островку скрашивало еще то... Естественно, вся одежда осталась в самолете. Кто в чем осенью в Москве залез в самолет, то есть было некомфортно. Пример показали наши подружки-близнецы, которые быстро скинули практически все, включая лифчики, которыми размахивали по ветру во время движения, они нам сразу сказали: «Не стесняйтесь. У нас дефектов нет. Можете тоже раздеваться».

Стара-Тура

Первый зарубежный выезд был в Словакию. Маленький городок, совершенно провинциальный Стара-Тура. Все было в диковинку, все было необычно. Маленькая гостиничка, которая нам казалась тогда суперсовременным отелем. Естественно, в первый день мы тут же пошли осваивать окрест-

ности и местные обычаи. Рядом мы обнаружили совершенно местную, совершенно провинциальную пивную. С пивом тогда в России и в Челябинске было, мягко говоря, плохо, то есть его просто не было. А тут настоящее чешское пиво по весьма смешным ценам без очереди. Мы, естественно, посетили. Я не помню название пива, какое было, но местные мужики пили его очень интересно. Помимо пива они заказывали еще боровичку, что мы тут же скопировали. В пивную кружку ставилась очень длинная тонкая рюмка, в которую наливался этот напиток. По сути, самогонка с примесью можжевельника и елки с явно выраженным елочным запахом и привкусом. Но пилось очень хорошо. За соседним столом сидела группа ребят из онкоцентра и Молдавии. Так получилось, что поменяли денег они недостаточное количество, поэтому рассчитаться не хватило. Был совершенно нормальный жест, когда я сколько-то им дал крон. Все счастливо разрешилось. Но вот такая помощь в пивной заложила хорошие товарищеские отношения, которые до сих пор живы. И когда я бываю в онкоцентре, захожу в отдел медицинской физики, в радиологический отдел, встречаю своих друзей, они говорят: «Тебе все открыто. Ты тогда нам помог рассчитаться в пивной за пиво с боровичкой». Поэтому, друзья мои, не надо никогда жмотничать, это все аукнется и отольется добром.

История с боровичкой потом аукнулась спустя много лет. Периодически в каких-то рассказах, беседах я своему другу

Илье Волчегорскому рассказывал, что есть такой напиток, очень интересный. Илья не лишен иногда желания попить хорошего пивка, что вызывает еще больше уважения к этому человеку. И вот волею судеб мы оказались уже в 2010-м или 2011 году в Вене в составе делегации Челябинской области по ядерной медицине. И принимающая сторона нас ведет в пивной ресторан. Встречал, кстати, чех. Я у него спрашиваю: «Скажи, пожалуйста, вот в этом ресторане боровичка есть?» Оказалось, что, конечно, есть. И тогда Илья Анатольевич сказал: «А я все эти годы думал, что с боровичкой ты хорошо и интересно выдумал. Но никогда это не высказывал. Думал, ну выдумал – интересно, как хорошо выдумал и название какое красивое». Но тут был совершенно посрамлен тем, что боровичка действительно существует, и тем, как она хорошо пьется с чешским пивом.

Академик Павлов

Мое становление и формирование как радиолога во многом обязано учебе в Москве на кафедре академика Александра Сергеевича Павлова. Надо сказать, что вот эта полноценная учеба 4 месяца в Москве – это была классическая настоящая учеба. Я напомним, что и Москва была в то время не похожа на современную Москву. Это был совершенно светлый просторный город без тени и намека на пробки. Абсолютно безопасный, где можно гулять и в час, и в два, и в три ночи. Доступный по деньгам фактически в любые культур-

ные и питейные заведения. Мы, начинающие врачи, могли себе это позволить. Компания была действительно из всего Советского Союза. Запомнились ребята и барышни из Омска, из Новосибирска, из Харькова, из Брянска. Естественно, мы, уральцы. Надо сказать, что сейчас мы периодически встречаемся на конференциях, на съездах и вспоминаем с очень большой теплотой кафедру и как доброту нас учили.

На кафедре сохранялись патриархальные отношения. В учебной комнате стоял самовар, всегда были сушки, всегда был некий чайный перерыв. Но разговор не об этом. Руководил кафедрой очень интересный человек – крупный масштабный ученый академик Александр Сергеевич Павлов. Не знаю почему, он сразу взял меня под свое крыло, и по сей день сохраняется патерналитет. Александр Сергеевич немало способствовал нашему культурному развитию. Но при финансовой доступности культурных и питейных заведений была обратная сторона этого процесса – дефицит бюджетов и проблема, чтобы достать билеты в хороший театр, на хороший концерт. Александр Сергеевич предоставил в наше распоряжение пачку своих бланков. А бланк академика Академии медицинских наук тогда ценился очень высоко. И письмо, написанное на этом бланке, открывало очень многие двери. У нас ни разу не было сбоев по этому поводу. Мы позволяли себе печатать письма такого содержания, допустим, директору Театра сатиры или директору цирка на Цветном бульваре Юрию Никулину: «Прошу способствовать органи-

зации посещения вашего театра на такой-то спектакль группы ведущих онкологов-радиологов Советского Союза». И вы знаете, в общем, обеспечивали. И мы посетили очень много театров. У нас висело расписание: за 4 месяца мы ни разу не повторились. У нас обычно было 4 дня культурных и 3 дня неких развлекательных в парке, кафе, еще что-то. И Москву я узнал тогда.

Вернемся к Александру Сергеевичу, к этой крайне интересной личности. Когда мы учились, это уже был пожилой человек, которому было под 70 лет. Потом, когда отношения с ним сложились более доверительные, товарищеские, он мне неоднократно рассказывал о своей жизни, это были беседы в Академии медицинских наук, в основном выборные сессии, когда шел процесс подсчета голосов. Все эти вещи длятся иногда до 10-12 часов вечера. Отсутствие, уход, мягко говоря, не приветствуется. Надо чем-то заниматься. Александр Сергеевич, сохраняя покровительство, рассказывал о себе. Он окончил медицинский институт в 1942 году, попал на фронт, после короткого обучения стал врачом танкового полка. Воевал под Сталинградом, потом на Курской дуге был тяжело ранен, потом демобилизован. Кстати, в боях он участвовал не в тылу, а врач танкового полка ехал в танке с экипажами. Танк был подбит, где он и получил тяжелое ранение, которое несколько изменило его судьбу. По возвращении он поступил в Институт рентгенорадиологии. И вскоре, в 1946 году, был приглашен в качестве научного со-

трудника – потом он стал заместителем начальника по науке в спецлаборатории в Мавзолее имени Ленина 9-го Управления НКГБ СССР, где работал до 1960 года. При нем из эвакуации привезли тело Ленина с определенными проблемами, которые возникли из-за неаккуратного хранения, неправильного ухода во время эвакуации, участвовал в их устранении. Он участвовал во вскрытии и бальзамировании Иосифа Виссарионовича Сталина. При нем же Сталин был извлечен из Мавзолея.

Вскоре после этого он был направлен в качестве представителя Советского Союза в Европейский отдел ВОЗ, где проработал несколько лет. И там, как он говорил, долгими швейцарскими вечерами изучал литературу, пользовался библиотекой и фактически оттуда он привез ту радиологию, которая легла в основу той специальности, где мы работаем. В частности, он внедрил системное облучение больных с лимфогранулематозом, изменив разительнейшим образом результаты лечения этого заболевания. Затем он был некоторое время директором Института Герцена. В последние годы, когда мы учились, он был директором Российского научного центра рентгенорадиологии, тогда Московского НИИ рентгенорадиологии. И вот такая славная жизнь. До сих пор Александр Сергеевич в строю, несмотря на свои 94 года. Публикует статьи. Два года назад, когда мы отмечали по линии Ассоциации его 93-летие, он меня сильно журил, что я пропустил одну важную интересную публикацию

в «Российском онкологическом журнале». И я был вынужден признать, что Александр Сергеевич прав и действительно журить меня было за что.

7 ноября 1975 года

Первый курс. Поступление в институт. Жуткий серьезный стресс. Несмотря на окончание 31-й школы, где средний балл 4,75, понятно, что вступительные экзамены оставались и остаются очень большим рубежом, очень сильным стрессом. Тем более что тогда не было ЕГЭ, было, по-моему, 12 экзаменов в школе. Потом с интервалом в месяц четыре вступительных экзамена в институт, каждый балл которого был буквально на вес золота. Но, к нашему счастью, после всех этих стрессов, всех нервотрепок нас, как всех первокурсников, отправили, естественно, в колхоз. Это была «Чайка» за селом Миасское, не Бог весть где, особенно сейчас, но тогда казалось, что выехали на край света в пионерский лагерь, мало приспособленный для жизни осенью и в некой прохладе, тем более для городских ребят. Куча новых знакомств, куча новых встреч, группа, в которой предстоит учиться будущие 6 лет. Естественно, первые знакомства, первые влюбленности.

107-я, 108-я группы были одной колхозной бригадой. Я был комиссаром бригады, так уж получилось. И буквально в первые дни познакомились с некой девушкой, и завязалось что-то. Потом спустя некоторое время барышня заболела, и

я остался один. Этот месяц в колхозе оказался очень длинным. Приехав назад на занятия, как бы заново состоялось знакомство. Уже все мытые, все чистые, все пригожие и хорошие. Ольга оказалась рядом – за одним столом на целом ряде занятий. Это было все не случайно. Все развивалось, как положено на первом курсе среди студентов, – первые поцелуи на посвящении в студенты. Рядом был все время мой близкий товарищ, которому, как я понял, барышня тоже достаточно нравилась.

Приближалось 7 ноября, которое мы встречали обеими группами на квартире одной из нашей девушек в центре города.

Потом много было событий. Сейчас мы очень дружны с этой девушкой – уже взрослая сложившаяся замечательная, красивая женщина со своей жизнью, со своей семьей.

И, конечно, жаль, что тогда все пошло не так, как могло бы пойти. Но это одна из жизненных развилок, которые у нас встречаются, которые определяют жизненный путь так или так. Но жизненный путь пошел так, как он пошел.

Москва. 1985 год

Во время учебы мы жили в знаменитом общежитии на улице Поликарпова, в котором учились врачи, по-моему, где-то если не с 30-х, то с 50-х годов. Рядом с улицей Беговой на задах больницы имени Боткина в таком авиационном районе, где расположены, как мы позже выяснили, тогда это

были какие-то большие здания, территории без вывесок, без обозначений, «ОКБ Сухого» – завод, выпускающий знаменитые истребителя Сухого, «ОКБ МиГ». Улица Поликарпова говорит сама за себя. Циклы были тогда длинные, народ молодой, приключения были разные. И вот у одних из наших соседей комнаты были трехместные. Была такая договоренность: ребята-анестезиологи где-то раздобыли или получилось как-то по-другому такую большую металлическую кнопку размером с ладонь, которой пользуются строители для закрепления толя. И если к кому-то кто-то приходил, появлялась барышня, дабы избежать ненужных встреч и стуков, хозяйин, принимающая сторона, крепил эту кнопку на дверь. И все было хорошо до поры до времени, пока один из них не пришел, что-то не заладилось, он расстроенный ушел, проводил барышню и забыл снять кнопку с двери. И как все смеялись, когда спустя примерно неделю они встретились на кухне в конце коридора (кухня была общая) все трое и стали выяснять, а кто же всю эту неделю был в номере. И сам виновник, возвратившись, проводив барышню, увидел, что кнопка стоит на двери, решил, что там, видимо кто-то из соседей, тоже пошел искать пристанище у друзей на этаже. Так они проболтались примерно целую неделю.

Владивосток

Познание мира тянуло на разнообразные приключения. И в начале 2000-х годов мы с тремя коллегами решили, вос-

пользовавшись ситуацией, поучаствовать в весьма интересной конференции, которая проводилась ни много ни мало во Владивостоке. И родилась мысль съездить туда на поезде. Понятно, что расстояние, понятно, что время. Я пошел к начальнику Управления здравоохранения. Тогда это был замечательный врач, великолепный человек Алексей Викторович Козлов, врач до мозга костей, грамотный администратор, руководитель. Я сказал Алексею Викторовичу: «Есть возможность поехать во Владивосток. Дай мне две недели». – «А что две недели?» Я ответил: «Четыре дня конференция и поездом проехать туда. Просто интересно. Вроде как дел никаких срочных нет». – «Вот не соврал – молодец! Поезжайте».

Мы купили билеты. Было куплено купе в прицепном вагоне поезда «Харьков–Владивосток». Как космонавты, загрузились продуктами на весь путь, а это было ни много ни мало 6 суток 18 часов. И отправились в экспедицию. Только так можно почувствовать в такой поездке масштабы нашей страны, нашей Родины, только так можно понять, что Байкал – это действительно только середина государства. На удивление дорога оказалась очень богатой, цивилизованной: на каждом полустанке продавалось много различной хорошей сибирской деревенской еды (пельмени, капуста, брусника, вяленое мясо). Где-то, когда мы уже прилично проехали на восток, на одном из небольших полустанков, а полустанок там – весьма относительное понятие, поезд часа в три, вдруг

станция – это, по сути, такой центр цивилизации. Смотрю, стоит мужик кондовый в сапогах с бородой, держит в руках литровую банку воды, а там какие-то странные непонятные болотного цвета опалесцирующие жгуты. Я выхожу и спрашиваю: «Почем?» – «Два рубля штука». Уже контакт завязался. Я говорю: «Хорошо. А по два рубля штука это что?» – «Что за человек?! Сира!» Я говорю: «Понятно. А сира для чего?» – «Как для чего?! Жуй да плюй». Я говорю: «Понятно. Уже хорошо. А серу из чего делают?» – «Ха, из чего делают. Берешь листвинку, топором хвою, кору наебываешь, наебываешь, в бак сваливаешь, варишь, то, что всплывает, застывает – вот тебе и сера». То есть это отвар из смолы и хвои, видимо, изначально использовался как противогинготное средство, а опосредованно как аналог жевательной резинки. Пломбы, по крайней мере, у некоторых из нас он повыдирал очень здорово.

А дальше сера послужила таким пропуском в местную жизнь. На любой станции стоило было начать разговор «бабы, сера-то есть?» – всё, ты свой! Они тут же расскажут, у кого сира, у кого пельмени свежие, у кого несвежие, что лучше купить, скидочку сделают. И все было совершенно замечательно. И дальше мы ехали, как короли, каждая станция была наша. А поезд, шедший из Харькова (я напоминаю, уже не было Советского Союза), остальные вагоны в поезде были плацкартные и ходить по ним было просто жутко. Это «Титаник», третий класс. Как казалось, от миазмов воздух мож-

но, как холодец, резать ножом. А почему нам пришлось ходить? Мы, естественно, с собой взяли некий запас спиртного, который на третий день стал заканчиваться. И под утро, часа в 4-5, мы проезжали знаменитую станцию Слюдянка на берегу Байкала, где торговали браконьерским омулем, пойманым буквально вечером, браконьерской икрой омулевой оранжевого цвета, совершенно потрясающего вкуса. Мы купили и у всех лица были с досадой, что придется вот так на сухую. И тогда я из-под матраса вытащил спрятанную бутылку «Парламента» – восторг был полный. Представьте, пять утра, берег Байкала, омулевая икра, копченый омуль, прохладная водочка. Но это была последняя. Дальше пришлось ходить в вагон-ресторан, и там мы познакомились со ставшим потом знаменитым сортом водки Nemiroff, которая только-только появилась на Украине. Она была в некрасивых бутылках с некрасивой этикеткой, но, тем не менее, это уже был Nemiroff.

И, наконец, после вот этих всех путешествий, покачиваясь под стук колес, на седьмые сутки мы вышли на вокзале во Владивостоке. Нас встретили коллеги из местного онкодиспансера, очень хорошо встретили. Поскольку до начала конференции оставался еще день, нас пригласили прокатиться на море. В первый день была совершенно интересная компания во главе с начмедом диспансера, доктора, которые имели лицензии капитанов. На яхте под парусами мы прошли по бухте Золотой Рог, вышли в океан. Совершенно незабы-

ваемые впечатления.

А на следующий день нас гостеприимные хозяева повезли на остров Русский в некую бухту. Это был конец августа, уже было прохладно. Абсолютно пустынное место, как казалось нам. Мы нагишом попрыгали в воду, доплыли до берега, вернулись. Естественно, в это время была приготовлена некая еда. Вдруг я вышел на палубу, смотрю, от необитаемого берега отделяется маленькая алюминиевая лодочка, в ней сидит человек, который подплывает, вылезает на палубу с характерной изломанностью походки и множественными, очень живописными татуировками на теле, он сказал: «Привет, ребята. Вы здесь как, рыбачить приехали или отдыхать?» Я ответил: «Вообще отдыхать». «То есть рыбачить не будете?» – «Ну будем». «Тогда хорошо. Мы тут, богодухи, занимаемся рыбалкой и всем прочим. А если отдыхать будете, водка есть?» Я ответил: «Конечно, есть». – «А устрицы нужны?» Я сказал: «Интересно было бы, конечно». «Хорошо. За бутылку два мешка устриц». Свистит, кричит – с берега отплывает вторая лодочка. Разговор у нас завязывается, кто, что, откуда. Я сказал: «Из Челябинска». – «О, Челябинск знаю. Там вот такая правильная зона. Беспредела никакого нет. Братан, рад. Все для тебя». Второй человечек подвозит два мешка устриц, вываливает их на палубу. И вместе с устрицами выпадают несколько трепангов, которые на восточном рынке для японцев, для китайцев идут просто на вес золота. Привезший пытается забрать назад. Пахан, кото-

рый сидел в челябинской зоне, сказал: «Оставь. Пацан из Челябинска. Ты лопухнулся. Забирать западло. Пусть трепангов поедят – узнают Дальний Восток. А Челябинску привет».

Сиэтл

В 1992-1993 годах начались первые работы по созданию нейтронного центра. Здесь нельзя не вспомнить Эдуарда Магду, который был первым, кто упомянул вообще о возможностях использования нейтронного генератора, находящегося в Снежинске, в медицинских целях. Постепенно разговоры из абстрактной плоскости перешли в совершенно конкретную. Затем были обсуждения с руководством института, с Владимиром Зиновьевичем Нечаем – трагическая фигура, который после определенного рода беседы в Москве приехал домой и застрелился в своем кабинете, когда было высказано высочайшее мнение о том, что закрытые города нам не нужны. Но, тем не менее, постепенно идея создания нейтронного центра оживала, приобретала конкретные контуры. Курирующим вице-губернатором был тогда Владислав Ячменев. Проект оценил Вадим Павлович Соловьев. И что удивительно, тогда без наличия электронной почты, мобильной связи, исключительно через факсовую связь мы вышли на Центр нейтронной терапии в Сиэтле Университета штата Вашингтон.

Кстати, к своему стыду, именно тогда узнал, что штат Вашингтон и город Вашингтон расположены абсолютно в раз-

ных частях Соединенных Штатов, более того, даже на разных побережьях. Отделом экологической безопасности тогда заведовал Володя Матвеев, а замом у него была Светлана Машкова, которая сейчас работает министром области именно по этому разделу. После таких переговоров в факсовом режиме мы получаем приглашение посетить Центр нейтронной терапии в Сиэтле и в Хьюстоне. Получаем визу, паспорта. В совершенно дремучие годы получаем финансирование из области. Достаточно смешная была ситуация, когда нужно было получать деньги, а тот, кто помнит, как они выглядели, это были буквально мешки и авоськи купюр. Мы вместе с Эдуардом, имея в кармане газовый пистолет, получили в банке эти деньги, потом поехали в другой банк, обменяли на дорожные чеки. Повторяю, что тогда понятия о кредитных карточках еще не было и нужно было с собой иметь или наличные, или как совершенно продвинутую вещь дорожные чеки American Express. Поскольку сроки действия визы и поездки были достаточно сжатые, закуп билетов проходил в очень стрессовом режиме. И на заключительном этапе оказалось, что билетов эконом-класса у нас нет, оставались билеты только первого класса. На что Вадим Павлович сказал: «Леший с вами, значит, берите первый класс и летите так».

И вот отправление. Тогда любая поездка, тем более, представьте себе, поездка в Соединенные Штаты была большим событием. Ил-96, первый класс. На взлете выносят черную

икру, холодную водочку, горячий блин, и в таком оптимистическом настроении мы двинулись в путь. Но не тут-то было. Снегопад московский задержал вылет. Потом мы довольно долгое время потеряли на обработку самолета антиобледенительной смесью и после прилета в Нью-Йорк встретились с небывалыми морозами. Грузовые люки у самолета замерзли. Мы потеряли еще достаточно много времени. Потом была сцена практически как в «Брате-2». На выходе через карантин (были очень либеральные времена) досмотры носили формальный характер, и большой шматок сала, который лежал у Эдуарда Магды в портфеле, совершенно спокойно перекочевал на территорию Соединенных Штатов. Но там нас ждало большое разочарование: поскольку мы прилетели поздно и с большим опозданием, ближайший трансконтинентальный рейс на Сиэтл уже ушел, а следующий – только утром.

Очень хорошо, что еще в Москве нам рассказали про такую штуку как Stand-by-ваучер, который за 500 долларов обеспечил в течение месяца пролет в любой конец Соединенных Штатов без ограничения количества полетов на авиакомпании Delta при наличии свободных мест. И с этим Stand-by-ваучером, шматком сала в дипломате мы оказались в JFK. Смелости ехать в город и искать гостиницу у нас не хватило. Ночевать пришлось прямо здесь. Должен сказать, что сейчас и наши аэропорты взяли моду, когда на креслах между сиденьями имеются ручки-подлокотники и лечь це-

ликом никак невозможно. Вот благо, что была компания археологов с Украины, которые тоже куда-то на Запад летели. У них к салу оказалась горилочка. Мы очень хорошо провели этот вечер.

Надо сказать, что в экстремальных ситуациях мы вспоминаем то, чего и помнить не должны. Вспомнился Артур Хейли, его «Отель», «Аэропорт». «Отель», система «call out», когда звонишь по известному телефону, оператор спрашивает согласие у твоего визави оплатить разговор, а тебя соединяют. Нужда такая была не столько из-за бедности, столько из-за того, что у нас все деньги были в 100-долларовых купюрах. А магазины и все прочее просто в аэропорту не работали. Мы дозвонились до университета, мы дозвонились каким-то образом еще куда-то. Потом с нами связались представители русской диаспоры, которых мы никогда сроду и не знали. Утром, когда мы взяли билеты на Солт-Лейк-Сити, оттуда транзитом на Сиэтл, мы уже знали, что мы не брошены, что нас там ждут. И как-то стало повеселее.

После бессонной ночи с салом и горилкой мы погрузились в самолет, к обеду были на берегах Великого соленого озера. Пересели на сиэтловский рейс. Но приключения на этом не кончились. В Сиэтле имеется большая военно-воздушная база. Были какие-то учения, и аэропорт был закрыт. И нас посадили в каком-то маленьком городке на границе с Канадой, может быть, даже и в самой Канаде. И там, не выходя из самолета, мы просидели еще три часа, перезнакомились

со всеми пассажирами – самолет был небольшой. Нас угощали из запасов стюардесс водкой. Мы учили их пить этот чудесный напиток. Нам подарили кучу сувениров. Но, тем не менее, после двух бессонных ночей и перелетов мы в Сиэтле оказались глубочайшей ночью. Никто нас в аэропорту не встречал. Большой досадой было то, что при получении багажа выяснилось, что моя сумка достаточно серьезно порвана. Но опять помог Хейли: мы вспомнили книгу «Аэропорт». Я обратился к администратору, показал порванную сумку, мне предложили 20 долларов или новую сумку. Я, конечно, выбрал новую сумку, поскольку жить еще предстояло долго. Старую порванную сумку я достаточно успешно зашил в отеле. И той, и другой долгие годы пользовался с большим успехом.

После достаточно длительного интересного путешествия на такси по Сиэтлу были и есть подозрения, что таксист нас все-таки, как свойственно людям этой профессии, покатал изрядно. Мы приехали в кампус, где нас встретила американская улыбающаяся целлофановая барышня и таким птичьим языком начала объяснять, что нас ждут, для нас приготовлены номера, и мы хоть сейчас можем заселиться. А тогда мы были еще не очень привычны к житию в одноместных номерах. Я как старший спрашиваю: «Если ли у вас большие номера?» Она говорит: «Конечно, есть». Показывает фотографию громадного американского двухместного номера с колоссальными кроватями. Я спрашиваю: «А могут ли три

джентльмена жить в таком номере?» Она ответила: «Конечно, могут. Но при этом двум из вас придется спать в одной постели», при этом очень похабно заулыбалась. Мы тогда были люди абсолютно непросвещенные, к тому же после двух суток пути. Я сказал: «Знаете, нас это нисколько не смущает. Мы бы хотели как можно скорее заселиться». Желание клиента – закон. Мы поселились. Вскоре появились ребята из русской диаспоры: парень питерский, актер, и американка. Они нас очень внимательно расспросили, не хотим ли мы есть, знаем ли, куда идти на работу. Мы сказали, что есть мы не хотим, куда на работу идти не знаем. Они сказали: «Да, вам нужно спать, отдыхать. Утром мы за вами придем, отвезем, все покажем». Надо сказать, что они слово сдержали – появились утром в назначенное время. Мы уже пришли в себя. Отвезли нас в университет, привели к доктору Гриффину, и началась уже плановая жизнь. Потом они исчезли в никуда, больше мы их не видели и не слышали, то есть помощь была совершенно искренняя.

На следующий день появилась русская девушка из Ташкента, которая вышла замуж за американского специалиста через американское посольство. Тогда это было модно. Она была где-то на 6-7-м месяце беременности. И в таком виде она нас посвящала в американскую жизнь. Когда мы прощались, спросили: «Как тебя отблагодарить, что сделать?» Она смутилась: «Ребята, у вас, наверное, ведь по-старому: обувь или еще что-то завернуто в газеты?» Мы ответили: «Ну да».

«Если можно, вот этих газеток. Тут нет русской прессы, нет русского телевидения. А очень хочется почитать». За такой, с позволения сказать, гонорар тогда работали русские американцы.

Затем началась очень интересная плодотворная работа. Мы много чему научились, много чего увидели в Америке. Это ускорило нашу работу по созданию нейтронного центра. Я думаю, что минимум на 2-3 года и в клиническом, и в техническом плане. По окончании первой недели Том Гриффин проводит в пятницу совещание по нашей стажировке: какие проблемы, что интересно, что хотите увидеть еще. Все очень конструктивно, совершенно классный человек, который тоже занимался с нами с большой душой. Мы ездили и по Сиэтлу, и были на самом высоком небоскребе в Сиэтле, что было тогда для нас в большую диковинку. В ответной речи я сказал: «Да, очень интересно. Но меня поражает то, с какой симпатией относятся к России. Мы выходим к завтраку – многие встают и практически все нам аплодируют». Том ухмыльнулся и сказал: «Россия здесь ни при чем. Мне уже рассказывали. Вы живете в одном номере, вас принимают за группу пидорасов, и все в восторге от открытости ваших отношений». Вот таким образом я впервые в жизни был предводителем группы русских гомосексуалистов.

Если говорить о наших местных делах, то вот эта поездка в Америку, конечно, это было событие (начало 1994 года) после всех пертурбаций, которые мы пережили. Помимо

явного позитива, который мы привезли с собой, достаточно большие проблемы возникли и в домашней среде. У некоторых людей, которые были весьма близки и в воспитании, и в формирование которых было вложено много усилий, люди весьма молодые, то есть просто очень молодые, выиграла зависть, неадекватная оценка себя в том плане, что поехали и не взяли. Но взять всех было невозможно, это естественно, из диспансера по такой программе. И к потере нужно было отнести то, что несколько человек, которые считались друзьями и близкими людьми, были потеряны и потеряны навсегда. Америка требует жертв.

Из современного. Немцов

Нельзя пройти мимо событий, которые происходят сегодня. 2015 год. Совершенно неожиданная информация об убийстве Немцова в Москве всколыхнула многих. Меня тоже, честно говоря, зацепило и зацепило своей неадекватностью. Получилось так, что к 40-му дню этого события случайно смотрел по телевизору передачу, посвященную «Уралвагонзаводу». Рассказывалось о генеральном конструкторе этого уважаемого предприятия – о человеке, который разработал танк «Т-90», самый покупаемый танк в мире. Завод, который дает работу рукам и мозгам тысяч людей, тысяч уральцев, наших земляков. Завод был на грани закрытия именно тогда, когда Гайдар, Немцов и иже с ними, дабы понравиться американцам или выполнить их заказ, го-

ворили о том, что мы должны не только уничтожить и разрезать на металлолом, но и уничтожить танковое производство, танковое КБ. Именно из-за решений этих же людей покончил жизнь самоубийством директор Федерального ядерного центра профессор Владимир Зиновьевич Нечай.

И вот я слышу в один день, с одной стороны, историю великого человека, который довел проект до окончания, который спас отечественную танковую промышленность индийским контрактом и умер в день, когда наши танки начали выходить в Индию. Умер, а в качестве награды получил орден «За заслуги перед Отечеством» III степени. Конечно, заслуги перед Отечеством не имеют грани, и данная награда вызывает всяческое уважение. Но для такого человека III степень, III сорт – это очень как-то коробит. После этого он не вспоминался...

А здесь по поводу авантюриста, жулика, карточного шулера в молодости, человека, который во многом способствовал разорению нашей страны, поднимается такой неадекватный шум. Конечно, гибель молодого мужика заслуживает всяческого сожаления, но как о политике ничего хорошего сказать нельзя. И удивительно, что в Москве поднимается такой гвалт по поводу представителей пены, которая смела все то, что было хорошего в перестройке. А хорошее там было. Люди, которые украли у нас страну, люди, которые украли у нас веру в идеалы и возможность позитивного развития нашего общества. Земля пухом погибшим. Но неадекватная память

по поводу весьма сомнительных исторических персонажей коробит и оскорбляет память о других, куда более достойных людях – наших современниках и наших соотечественниках.

Немцов и иже с ними украли у нас надолго веру в правду и честность власти.

Внучка

Все мы, рано или поздно, становимся дедами и бабушками. И воспоминания от общения с внуками, конечно, самые светлые. То, чего мы недодали детям, будучи занятыми работой, карьерой, вообще страстями, всяческой суетой, вкладываешь или пытаешься вложить во внуков. И очень интересно их видение нас. Кате было, наверное, три с небольшим. Однажды приходит она с дочерью на работу ко мне в кабинет. Входит, останавливается и говорит: «Ой, дед, а что ты здесь делаешь?» Я отвечаю: «Катя, я здесь работаю». «Пол, что ли, моешь?» То есть, видимо, в ее представлении, а наверное, во многом так и есть, это и есть настоящее дело, настоящая работа.

Ирландия

Однажды судьба занесла в эту замечательную зеленую страну и подарила кучу интересных впечатлений. Совершенно неожиданным для меня явилось то, что ирландцы с большим предубеждением относятся не только к англичанам, но и ко всем остальным иностранцам. Страна очень пьющая.

Легенда гласит о том, что когда по непонятным причинам в средние века викинги двинулись на запад, они в Ирландии, в Северной Ирландии, частично в Шотландии сбросили гребцов, слуг, рабов – тех, кто называется люмпенами. И уже своей компанией двинулись дальше до Исландии и Гренландии. Про Исландию будет отдельный разговор. В Гренландии, к сожалению, не был. Но в Исландии живут настоящие викинги. В Ирландии своеобразные, достаточно ленивые и пьющие люди. Единственное место, где я видел утром в рабочий день сразу после открытия универсама выходят несколько мужичков (3-4-5 человек) и из горла распивают бутылку виски. В ирландских пабах закуска, и то в виде орешков и чипсов, появилась в нулевые годы как большая уступка иностранцам. Потому что, по представлению ирландцев, любая закуска губит градус, и нормальный человек может в лучшем случае виски запивать Guinness. Настоящей полноценной еды в ирландском пабе вы не найдете.

О характере людей говорит тот факт, когда в конце XIX века разразилась известная эпидемия вредителей картошки, картофельный урожай практически погиб, от голода вымерло много тысяч ирландцев. Так называемый термин «зеленые рты», когда они пытались есть ботву. И вымирали целые села, которые жили картошкой. Вот вместе с тем рядом были поселки рыбаков, которые занимались рыбной ловлей в море, но переквалифицироваться не хватило ни желания, ни стремления. Даже голод к этому не подвигнул. Даже сейчас в

стране, где невероятное количество озер, болот, рек, речушек и невероятное количество пресноводной рыбы (карпов, карасей), вообще пресноводную рыбу ловят только поляки и другие мигранты из континентальной Европы. Ирландцы до этого не опускаются.

Другое ирландское увлечение – это устрицы. Наверное, по-другому на острове, окруженном со всех сторон достаточно холодным плодородным морем, и быть не может. Устриц едят везде разных сортов. Мы как раз попали в период сбора устриц. Вот тут я почувствовал вкус этого продукта. Надо сказать, что Дублин очень резко отличается от западного побережья, которое считается захолустьем, глухоманью. И в одном небольшом городке, где мы и познакомились с устрицами, есть ресторан – двухэтажное каменное строение, средневековое абсолютно по всем параметрам. Оно принадлежит палачу, который отрубил голову Карлу I, сподвижнику во время английской революции. Город переходил из рук в руки, в том числе здесь был Кромвель, молодцы которого в храмах кормили лошадей из купели для крещения, устраивали поилку для коней. Этот человек, который отрубил голову монарху, ему было обещано, что за эту работу будет построен ресторан, таверна. Он в Англии так и не смог найти место и город, где бы разрешили ему жить, и фактически дошел до края света в самую западную часть Ирландии, где и построил свой паб, который до сих пор передается из поколения в поколение и называется «Паб у палача».

А по зеленым лужайкам Ирландии пасутся овцы, бегают колли. Кто постарше, помнят, наверное, чудесный фильм про колли Лесси. И лень ирландцев выражается в том, что собаки великолепно дрессированы. Причем дрессируют не хозяева, а дрессируют родители собак, щенков из поколения в поколение. Хозяин, если захочет поесть шашлычка, он примерно, как джойстиком, командует собаке: допустим, один свисток вперед, два свистка – направо, три свистка – налево, четыре свистка – назад, длинный свисток – стоп. И так вот подгоняя свору сторожей к выбранной овце, подгоняет ее прямо к дому, где режут, устраивают барбекю. Чудесная страна с людьми, которые начинают готовиться к выходному с четверга вечером. И нет ничего зазорного опоздать на работу в понедельник, потому что был выходной, или опоздать на работу в пятницу, потому что с вечера изрядно готовился к выходным.

ПМЗО

Тема моей кандидатской диссертации была достаточно интересной – «Первично-множественные злокачественные опухоли». Спасибо Екатерине Ивановне Бехтеревой, что подсказала эту идею. Работа с материалом на эту тему дала мне очень много в плане образования общепатологического и общемедицинского. Но хочу поговорить не об этом. Начал я заниматься этим в ординатуре. Была маленькая дочь. Но у меня уже появился автомобиль «Запорожец» красного цве-

та. Я чувствовал себя полноценным серьезным мужчиной. И вот не забуду, когда летом приходилось работать, а в медицине дежурства никто не отменял. Всегда самые молодые врачи дежурят в Новый год 31 декабря и 1 января и всегда им достаётся отпуска в период холодной водки, то есть зимой и весной. А летом они работают, в то время как старшие товарищи могут сходить в отпуск. Наверное, это правильно. По крайней мере, не нами заведено, не нам отменять. И вот редкие моменты творчества, которые случались в жизни, я помню, что гнилым уральским летом в августе я приехал на Еловое на базу медицинского университета, которая в течение многих лет была таким несколько элитно-богемным местом отдыха. Там удалось познакомиться с представителями профессуры ещё той эпохи. Никогда не забуду Юрия Ивановича Малышева, который приезжал на роскошной шоколадного цвета вазовской «семерке», они только появились и назывались «советский Мерседес». «Мерседесов» мы тогда практически не видели, поэтому сравнение вполне сходило. Он всегда вытаскивал из багажника ящик мороженого – пломбир в вафельных стаканчиках – и раздавал институтскому молодняку. Красивый запоминающийся жест, а дети были просто в восторге.

Я помню дождливый вечер, когда за один день под дождем почти как в Болдинскую осень написал в один присест большую часть литературного обзора, который потом неоднократно в разных видах трансформировался в статьи, в за-

метки и в различные публикации, за что спасибо уральскому дождливому лету и лагерю «Медик».

ГРЦ

Город Миасс. 100 тысяч с небольшим населения. Недалеко от Челябинска. Является родиной отечественного морского ракетостроения. В далекие 40-е годы здесь был построен первый на Урале завод по производству ракет. Сначала это была немецкая Фау-2, потом модернизированные и более современные машины, в частности то, что сейчас называется «Скад» и успешно используется во многих странах мира, к счастью, в неядерном снаряжении. И в начале 50-х годов сюда был командирован из КБ Королева молодой инженер Виктор Петрович Макеев, который организовал здесь одну из передовых, может быть, самую передовую школу морского ракетостроения в мире. Именно его ракеты противостояли американским «Поларисам», именно три, фактически четыре поколения ракет стояли на боевом дежурстве, обеспечивали сдерживание в Советском Союзе, России американцев. Очень интересно, что по инициативе Виктора Петровича в Миассе была проложена троллейбусная линия, что абсолютно не соответствовало нормативам градостроительства в те, да и в современные годы, и намного опередило время. Очень нравился Виктору Петровичу троллейбус в Москве и в Челябинске.

Вспомнилась байка, говорящая что после сообщения

ТАСС об апрельском Пленуме ЦК КПСС все новости несли только ухудшение ситуации...

Понятно, что перестройка со всеми ее гнусностями и безумием не могла не коснуться ракетного центра, прошла она здесь в полный рост, тем более что в феврале 1986 года в день своего рождения умер Владимир Петрович Макеев. Это самым жестоким образом сказалось на развитии данного направления у нас в стране. Так и те блестящие заготовки, которые были сделаны, прошли очень болезненные этапы доведения, но так и не пошли в серию. Но самое главное, что удалось сохранить коллектив, сохранить тех мужиков, которые сейчас, будучи седыми и не слишком молодыми, имеют горящие глаза, которые с увлечением говорят о том, что же они умеют делать. В начале 90-х годов, когда ГРЦ был практически на нуле, не было ни заказов, ни работы, несколько молодых инженеров решили уехать из страны по приглашению Северной Кореи. Поскольку, что называется, они были «ботаниками», они решили полететь из Москвы на самолете прямо в Северную Корею, где и были остановлены соответствующими органами, хотя в те времена ничего не стоило проехать внутри страны до Астрахани, до Баку, на автобусе перебраться в Иран и дальше двигаться, куда хочется. Мне и моим сотрудникам довелось неоднократно побывать и в музее Макеева, и в некоем помещении, где хранятся образцы техники, производимой в ГРЦ. Все это производит потрясающее впечатление, немножко, правда, отдает памятью о бы-

лом величии, хотелось, чтобы сия чаша не коснулась ракетного центра, там и дальше бы производили ту замечательную технику, которую эти люди умеют делать. А дело, похоже, идет к тому. Слава Богу, руководство страны взялось за ум, наконец, дошло, что прав был Александр III, который говорил, что «у России есть только два союзника: ее армия и флот».

Есть у подводников такая песня, от которой мурашки бегут по коже:

«И ядерным взрывом снесет города последний удар субмарины».

Любимые книжные герои

У каждого из нас есть любимые книги, любимые герои. А читать я, надо сказать, очень любил с детства. И здесь не только заслуга приличной библиотеки дома и особенно у моего друга Алексея Кобылко, который жил на этаж выше меня, с которым дружили фактически как себя помню и до сих пор. Но напротив дома через дорогу был Челябинский молочный завод, и, как это было положено в приличные советские времена, при заводе была библиотека. Это был старый деревянный домик, видимо, в свое время как-то доставшийся заводу, обстановка была абсолютно патриархальная: сидела очень милая женщина-библиотекарша и мне как соседу и читающему мальчику позволялось рыться по книж-

ным полкам без всяких карточек и без всяких абонементов. Хотя это было не по правилам, но страшно интересно. Надо сказать, что подборка книг была, на мой взгляд, и тогда, и сейчас просто отличная: очень много научной фантастики, классической и приключенческой литературы, исторической. Там были Жюль Верн, Конан Дойл. Там я впервые прочитал произведения Яна «Чингисхан», «Батый», «К последнему морю». Там я начал читать классику. Если говорить о героях, то у меня, безусловно, резкий контраст вызывали герои русской литературы, советской и классической зарубежной. Безусловно, к одному из самых позитивных персонажей я бы отнес Сайруса Смита из «Таинственного острова». Это такой гимн торжеству знаний, не просто знаний, а знаний прикладных, знаний конкретных, которые в нашей цивилизации сделали человека. Вспомните, как на пустом острове фактически из ничего... Но как из ничего? Все было, но нужно было уметь это извлечь и использовать. Как он изобретает из часов увеличительное стекло, добывает селитру, строит кирпичную печь! Потрясающе! Вообще, если подумать, по сути были современниками Толстой, Достоевский, Салтыков-Щедрин и тот же Жюль Верн. Но сравните взгляд на жизнь Жюля Верна, его герои светлые, прогрессивные, конструктивные деловые люди. Чернуха Достоевского, оторванность от жизни, абстрактная возвышенность Толстого. Пожалуй, Салтыков-Щедрин ближе к реальности, но реальность эта достаточно мрачная, тяжелая и малоперспектив-

ная. Поэтому на вопрос о любимом книжном герое я бы ответил, что это, конечно, Сайрус Смит из «Таинственного острова» Жюль Верна. Светлый, грамотный, сильный человек. Очень бы хотелось, чтобы побольше наших соотечественников и земляков читали эту книгу и обратили внимание на этот персонаж. Хотелось, чтобы он был не только книжным, но был и нашим современником.

11-я школа. Детство

Прекрасно помню, как я пошел в школу в первые дни. Школа №11 тогда не была никаким лицеем, была просто нормальной добротной советской городской школой, где учились обычные нормальные дети из обычных семей. Но было отличие – до начала 60-х годов в этом здании располагался Челябинский политехнический институт и его новые базовые кафедры, готовящие ракето- и танкостроителей! В оставшихся после ЧПИ учебных мастерских, расположенных в бараках, было много очень интересной и непонятной техники, на которую можно было тайком поглядеть через дырочки и щели в стенах!

Школа располагалась прямо рядом с моим домом. Я, родители и деды тогда жили в доме №130 по улице III Интернационала, в центре города. Но фактически это был крайний район рядом с громадным болотом и рекой, разделяющими центр и ЧТЗ. Ныне на месте болота – великолепный комплекс БОВИД. Мне очень нравилось такое мудреное на-

звание, но я долго не мог понять, что оно означает, что такое III Интернационал, почему не II, не IV, где I и II мне было тоже непонятно, но льстило. Так же, как и то, что мой день рождения 18 марта приходится на день Парижской коммуны, и в перекидном отрывном календаре, который висел на стенке, наверное, у многих людей были необычные для советских времен картинки с мужиками в кепи, с девушкой на баррикаде. Это все придавало жизни в то время некий шарм. Так вот, я очень помню волнение при приходе в школу. Тем более что в садик я не ходил, воспитывала меня бабушка. Я считаю, что это достаточно большое достижение – домашнее воспитание. Хотя сейчас как-то практичнее считается, что ребенок должен быть в коллективе с детства. Ничего я не потерял от отсутствия детского коллектива. Благо, у меня были и есть друзья, которые остались на всю жизнь, которых также воспитывали бабушки и мамы-домохозяйки. Нас было таких в нашем доме немало. Так вот, школа вызывала некий трепет. Классным руководителем была Зинаида Васильевна Калинина. По-русски простая женщина. На мой сегодняшний взгляд, талантливый педагог, которая в простых словах доводила до нас основные простые базовые истины. Надо сказать, что детская психика – интересная вещь. И многие вещи действительно, как писал Фрейд, записываются в память надолго и оставляют в судьбе некий достаточно серьезный след. Поэтому, дорогие родители, дорогие дедушки и бабушки, дорогие учителя, серьезно относитесь к тому, как вы об-

ращаетесь с детьми, что вы им говорите, все это может записаться на всю жизнь.

Я очень хорошо помню период, когда нам начали выставлять оценки. Сентябрь, наверное, октябрь мы учились без отметок, мы просто писали, выполняли задания, писали крючочки в специальных тетрадях. И вот наступил этап, когда начали ставить оценки. В первые дни, которые казались очень долгими, было страшно волнительно, оценки ставились достаточно простые: тройки, четверки, не было двоек и пятерок. Я помню, как меня зацепило, когда первая пятерка была поставлена не мне. Это был Женька Куркин, с которым дружили в школе, потом остались приятельские отношения. Но я до сих пор помню, как это меня зацепило и возникло желание, почему не я, почему кто-то, почему кто-то получает пятерку, а я – нет. Оно осталось на долгие годы. И, наверное, были и есть неким мотивом и жизненным стимулом вот эти вещи: если кто-то, почему не я, если не я, то почему кто-то. Потом я нечто подобное прочитал почти в этих же самых фразах, а может быть, фраза, взятая оттуда, по-моему, у Айзека Азимова или у Брэдбери. Но это неважно. Главное, что, видимо, эти ощущения свойственны не только мне, я не одинок и подобное происходило со многими маленькими мальчиками и девочками.

Еще одно ощущение из младших классов. Это октябрь – начало ноября. Очень холодно. Снега еще нет. На улице темно. И за окном на дереве висит тряпка, видимо, выброшен-

ная с верхнего этажа. Сейчас такого нет и близко. Тряпка из обычной мешковины. Когда приходилось протирать такими тряпками доску, они очень противно пахли чем-то прокисшим, сырым. От них на руке оставались следы мела, и такая мерзость висела перед окном, на которую каждую минуту волей-неволей опирался взгляд. Но тряпка хотя и осталась в памяти, та советская школа с классическими тяжелыми партами – одно из самых светлых и сильных впечатлений детства...

И еще о Фрейде

Где-то на заре появления первых видеофильмов, видеосалонов смотрел фильм. Не помню ни названия, ни, естественно, режиссера. Суть такова, что некий психотерапевт, психолог в Соединенных Штатах имеет практику и к нему приходят разные люди. Мужчина, у которого все хорошо, все успешно, бизнес и все ладится, но никак не ладятся отношения с женщинами. И среди клиентов есть дама средних лет, красивая и обаятельная, очень успешной профессии, без всякого успеха в личной жизни. И вот психолог начинает разбираться в их судьбах, копать в глубину и находит решение. Однажды он их приглашает в поездку в маленький городок, где они провели детство. Заводит во двор, где стоит старый заброшенный дом, в котором давно никто не живет. Они поднимаются вместе на чердак. Женщина засовывает руку за стропила, извлекает оттуда старое ржавое с остатками крас-

ки детское ведро, мужчина видит это ведро, и многое в его жизни переворачивается. Оказывается, когда-то в детстве они жили в этом городке, жили в этих домах, и маленькая девочка в песочнице отобрала у маленького мальчика ведро, но, не зная, что с ним делать и испытав душевную травму оттого, что сделала больно совершенно незнакомому и не виноватому ни в чем мальчику, который горько плакал при этом, она не смогла играть этим ведром, она спрятала его под крышу, потом, естественно, забыла. И вот такое разрешение психологической драмы мне кажется очень интересным.

Возвращаясь к проблеме детских впечатлений, хочу рассказать одну историю. Однажды уже в классе третьем нас пригласили в бассейн «Электрометаллург». Это было достаточной диковиной, интересной тогда. Бассейн только появился. Весь класс выстроили. И некий тренер, которого не интересовали мы ни как дети, ни как люди, ему нужно было пушечное мясо для соревнований, заставил нас по четверкам заходить в воду и плыть наперегонки. Естественно, без подготовки, без указания на то, зачем это делается. В первой четверке я пришел вторым. Двое последних тут же были отсеяны. На втором заплыве я проиграл. Не оглянувшись ни на меня, ни на других ребят, этот пловец-спортсмен выстроил нас и сказал: «Вы, вы и вы остаетесь. А вы и вы больше мне не нужны. Не появляйтесь на моих глазах и вообще проваливайте из бассейна». Не то что это изменило судьбу, но до-

статочно больно зацепило самолюбие, достаточно больно зацепило меня как личность. И с тех пор осталась некое предвзятое, абсолютно негативное мнение о профессиональном спорте и о профессиональных спортсменах. Ну не люблю я их. Не понимаю, не уважаю и не люблю.

Флавиан

Среди многообразия современной литературы, многообразия современных авторов есть очень интересный персонаж – священник Флавиан, который выпустил целый ряд интереснейших книг, в принципе как бы религиозных, но и нерелигиозных. Мне он очень нравится как писатель, как человек совершенной оригинальностью взглядов на жизнь и на сюжеты. Пишется из его личной практики – практики провинциального священника, который по жизни сталкивается с различными людьми, с различными ситуациями. Очень похоже на жизнь врача....

Есть интереснейшая серия о паломничестве, о посещении Афона. Получилось так, что эту книгу я прочитал сразу после приезда с Афона, где тоже был, к сожалению, только в однодневном паломничестве. Это, безусловно, святое место, куда Богородица ступила после Вознесения Христа, и Христос отдал это место ей для вечной жизни. Раньше я полагал, ставил примерно на одну доску Ватикан и Афон. Это совершенно разные вещи. Ватикан – это экспансия, это экспансия католицизма в мире, достаточно жесткая структура.

Афон – наоборот, это цитадель сохранения православия в первозданном виде, в чистоте. Безусловно, там есть разные монастыри. Сначала мы приехали в крупные монастыри, где нас заводили в церковные лавки, иконы различные, поделки. Положительных эмоций это, естественно, не вызывало. И в монастыре третьем, это был монастырь, наверное, самый основной, Всецарицы. Я зашел, это была лавка, и кольнула мысль, Господи, ну вот опять заводят, раскручивают на покупки, коммерция. Наклонился к мощам. А в рубашке были очки, которые я всегда там носил. И вдруг очки у меня выпадают на пол и из них выскакивает стекло. Выскакивает столь аккуратно, не расколовшись, я его легко вставил на место. Расценил это и потом, проанализировав и проговорив с людьми, которые понимают в богословии, это тогда был легкий щелчок со стороны Богоматери: что, щенок, усомнился, подумай, где ты находишься и куда ты пришел «...».

Восторг вызывали монастыри, где монахи действительно живут монашеским трудом, употребляют то, что заработали, то, что руками своими сделали, поймали в море. Но есть и анекдотические вещи. Так, человек, который нас сопровождал, это грек, кстати, советский, кандидат медицинских наук, терапевт, в прошлом ассистент кафедры пропедевтики Ставропольского мединститута, который в 90-е годы вместе с семьей вынужден был переехать в Грецию. Объяснил это очень просто: «Когда началась перестройка и постперестроечный бардак, вся муть поднялась со дна, и мы оказались для

кавказцев – православные, а для казаков мы стали черножопыми. И пришлось уехать в Грецию». Он впервые за 2 тысячи лет существования Афона организовал там нечто вроде участковой медицинской службы, медицинский пункт. До этого никакой медицинской помощи монахам не было. Как профессионалу мне было очень интересно с ним поговорить, а кто же монахи, откуда они приходят, чем вообще болеют, какой спектр заболеваемости и смертности. Очень удивительные факты узнал. С одной стороны, многие нынешние афонские монахи – это молодые ребята без жизненных перспектив из бедных славянских стран. Небольшая часть – это люди, которые пережили жизненные трагедии, потеряли семьи, близких в войнах, в катастрофах, в террористических актах. И небольшая часть, но довольно активно увеличивающаяся – это бывшие серьезно верующие католики и протестанты, которые перешли в православие из-за той бесовщины, которая процветает в западной церкви. С одной стороны, отраднo, с другой стороны, конечно, страшно от происходящего. Действительно идет разрушение европейской цивилизации и на смену ей идут Содом и Гоморра.

То, что касается смертности и заболеваний, я спросил: «А чем болеют?» «Как ни парадоксально, это очень тяжелые пневмонии, герпес Зостер и опухоли прямой кишки». Я говорю: «Так это же ВИЧ». Он ответил: «Конечно, ВИЧ. Потому что значительная часть из молодых людей, которые приезжают сюда из славянских стран, это наркоманы, наркома-

ны конченные, отчаявшиеся, которые не видят для себя никаких перспектив и здесь пытаются укрыться и спасти свое тело и душу». А климат Афона в чем-то близок крымскому, позволяет легче переносить ломку. И вот этот уход в монашескую жизнь, когда в течение суток молитвы, отсутствие адекватного промежутка для сна, достаточно быстро человека вводят в своеобразную сомнамбулу. Это создает условия для избавления и от наркотических недугов. Хотя не будем отрицать, здесь и влияние чисто религиозных, духовных вещей, которые имеются в этом святом месте. Нельзя быть конченными материалистами.

Вместе с тем время накладывает свой отпечаток и на Афон. Там поведали нам достаточно смешную, но и обидную вместе с тем историю. Один из популярных русских монахов, скитник, то есть живет в скиту, не монастырский монах и совсем не полный аскет, человек приехал сюда в начале 90-х годов вроде бы как за шубой жене, пришел на Афон и остался. На самом деле, наверное, история была более примитивная. Судя по дальнейшему развитию событий, просто приехал прятаться от каких-то коммерческих или бандитских разборок. Так вот, оставшись на Афоне, принял новое имя, порвал со своим питерским прошлым, обосновался. Надо сказать, что монахам не возбраняется на Афоне пить вино, благо, что вина много и оно дешевле и доступнее, чем вода. В какой-то степени этому способствует и тот ритм жизни, о котором мы говорили. Так вот, скитник Герасим,

а вроде бы так его звали, за все эти 20 лет практически ни одного дня не просыхал, но никому не отказывал в благословении, соблюдал все необходимые обряды. К нему потянулись друзья из Питера, из Москвы. Сейчас его скит представляет собой коттедж метров на 400-450, часовня, гектара четыре участок с виноградником. И там пребывают люди, которые хотят приобщиться к святым тайнам и повысить свою святость. Дело в том, что передвигаться по Афону очень сложно, это крайне пересеченная местность, горы, дороги плохие или их полное отсутствие, грунтовые. На машине заднего привода двигаться вообще невозможно, пешком – весьма проблематично. Можно видеть рядом на расстоянии полукилометра-километра другой монастырь. На самом деле эти два участка может разделять глубокое длинное ущелье и крюк нужно делать километров 20. Поэтому адекватным средством передвижения являются машины 4WD, полноприводные, лучше, конечно, джипы. И вот где-то в середине 90-х годов друзья, посетившие Афон, решили купить Герасиму автомобиль. Тогда он единственный раз выезжал в город Салоники, в мир, за границу Афона. Надо сказать, что в Афоне существует и граница, и таможня, которую, правда, в основном сделали, чтобы не вывозили исторические раритеты, с одной стороны, и, с другой стороны, чтобы не проникла никакая особь женского пола, дабы не вводить монахов в соблазн. На Афоне ничего нет женского пола крупнее курицы. Они, единственное, зачем нужны: для несения яиц,

для писания икон. Иногда забредают кошки, но с этим бороться невозможно. Ничего крупнее не было и нет со дня основания афонского государства. Так вот, когда в салоне купили автомобиль, Герасим сел за руль, не имея прав ни в России, ни в Греции, естественно, отметив это событие, вынес стеклянную стену автосалона и еще две новые машины на улице. Друзья, дабы сгладить негатив, тут же оплатили расходы, купили новую машину уже без его участия, погрузили на паром и увезли в Афон. С тех пор он не выезжает в мир, но машины периодически приходится менять. Последняя история была в апреле, когда из одного монастыря в другой ехала братия после какого-то праздника и видят, в полнолуние в ночи раздается церковное пение, кто-то поет гимны. Они сначала решили, что это некое знамение, остановились, смотрят, под обрывом лежит разбитый вдрабадан, несколько раз перевернувшийся джип, а рядом лежит Герасим, в дымину пьяный, но абсолютно целый и распевает церковные псалмы. Но, вместе с тем, этот персонаж несколько не снижает духовные ценности и глубины Афона, я думаю, что об этом еще расскажу, скорее, оттеняет то святое, то ценное, что есть на Афоне, от современной мирской жизни, которая, увы, присутствует снаружи, и даже Афон не всегда может ей противостоять

ПЭТ-технологии и философия жизни

Занятия ПЭТ-диагностикой в последние годы составили

значительное содержание моей профессиональной деятельности. И углубившись в эту тему, естественно, пришлось столкнуться с рядом интереснейших фактов. К сожалению, опять же у нас не достаточно широко распространилась радионуклидная диагностика поражения головного мозга и центральной нервной системы при паркинсонизме и болезни Альцгеймера. Классическим примером является президент Рональд Рейган, который при одном из плановых обследований в Лос-Анджелесе в госпитале морских пехотинцев... А именно туда приписываются для медицинского обслуживания экс-президенты Соединенных Штатов. Очень уважаемое, хорошо оснащенное медицинское учреждение. Ему было сделан ПЭТ головного мозга и диагностирована развивающаяся болезнь Альцгеймера. Это позволило Рейгану осознать свое будущее, распорядиться имуществом, интеллектуальными результатами своей жизни по своему усмотрению и в здравом уме попрощаться с нацией и близкими и спокойно уйти в состояние овоща. Это мне напомнило другую историю из совершенно другой эпохи. Это была середина 80-х годов. В медицинском институте было три легендарных профессора: Юрий Иванович Малышев, известный хирург, много сделавший для развития медицины, хирургии, кардиохирургии в частности. Может быть, к этой фигуре мы еще и вернемся. Это блестящий теоретик, заведующий кафедрой патофизиологии Геннадий Константинович Попов и Владимир Николаевич Пирогов, профессор-фтизиатр, про-

шедший практически всю войну комсоргом лыжного диверсионного батальона. Что это такое, наверное, рассказывать, детализировать не надо. Примерно в то же время Пирогову исполнилось 70 лет. 60 лет исполнилось Попову и 50 лет Юрию Ивановичу Малышеву. Юбилеям в газете медицинского института был задан традиционный вопрос: «Назовите, пожалуйста, ваши самые счастливые годы жизни». Владимир Николаевич Пирогов, естественно, сказал, что это День Победы, что абсолютно понятно, ясно и естественно. Геннадий Константинович Попов назвал день защиты докторской диссертации, что тоже понятно и ясно. И Юрий Иванович Малышев сказал, что самыми счастливыми, безусловно, были первые 4-5 лет его жизни, и он надеется снова впасть в это состояние, если удастся дожить. С последним я согласен наибольшим образом, но, к сожалению, Юрию Ивановичу дожить до этого счастливого состояния не удалось. Умер он достаточно молодым в здравом рассудке и светлой памяти. Увы.

Дополнение к теме любимых героев

Вторым любимым героем и второй любимой книгой я бы назвал серию о Незнайке, а точнее, «Незнайка на Луне» великолепного советского писателя Николая Носова. Я думаю, что эта книга, эти персонажи оказали большое влияние не только на меня, но и на многих моих сверстников, когда в середине 60-х годов появилось это произведение. По сути, это

очень талантливое изложение политэкономии капитализма и реалий капиталистического государства, написанное в очень легкой форме, блестяще подано все то, с чем мы потом, будучи взрослыми людьми, столкнулись в 90-е годы. Это рекламный бизнес, липовые акционерные общества, лопающиеся банки и бизнес, построенный ни на чем, бессмысленное зарабатывание денег и бессмысленная их трата. Я имею в виду пример Пончика, который разбогател на соли и разорился, промотав все это на водном колесе. И сам Незнайка, удивительно любознательный, удивительно цельный, искренний персонаж. Мне он оказался очень близок по жизни, причем во всех книжках, начиная от «Цветочного города», «Солнечного города», где в идеальном варианте описано то, чего мы ждали после авантюрных заявлений Никиты Сергеевича Хрущева на XX и XXII съездах КПСС, некоего идеального коммунистического общества. И вот этот оптимизм Незнайки после возвращения с Луны, после многих приключений, кстати, достаточно тяжелых, пребывание его в безвыходных ситуациях на острове дураков и так далее, когда он заявляет: «Ну, вот и все, друзья. А теперь я готов к новым приключениям». Очень бы хотелось, несмотря на все жизненные передраги, сохранить в себе эти черты, этот взгляд на жизнь. Я всегда своим молодым коллегам, значительно более молодым, советую эту книгу прочитать, прочитать серьезно и отнести к ней не как к детскому развлекательному чтиву, а как к серьезному литературному произведению,

каковым оно и является.

Еврей-подводник

Моим соруководителем по кандидатской диссертации, а фактически первым по научной значимости был легендарный проректор по научной работе Челябинского мединститута профессор Лев Яковлевич Эберт. Чтобы представить себе этого человека, нарисуйте образ – маленький, щупленький, лысый очкарик, классический ученый еврей-ботаник, которые вместе с тем был капитаном первого ранга, войну провел после окончания Военной медицинской академии в блокадном Ленинграде врачом подводной лодки и неоднократно участвовал в боевых подводных походах. Вот такой персонаж. После войны увлекся и активно занялся бурно развивающейся микробиологией, а затем иммунологией. В конце 50-х годов приехал в Челябинский медицинский институт, где и остался на всю жизнь. Так вот, в моей кандидатской был небольшой, но самый важный фрагмент, посвященный иммунологическим аспектам первичной множественности злокачественных опухолей. И на уровне написания диссертации Лев Яковлевич ее, как положено, редактировал. Но, будучи человеком занятым, он совмещал правку моей диссертации с проректорским приемом. Очень отличная получилась жизненная и административная школа. По правую руку сидел я с диссертацией, Лев Яковлевич параллельно вел беседу с людьми, которые приходили к нему по

самым различным вопросам, коих немало было к проректору по научной работе крупного медицинского вуза. При этом ни разу, прервавшись со мной, он не сбился, а возвращался точно на середину фразы, которую мы обсуждали, и продолжал так, как будто перед этим не было серьезного разговора.

Надо сказать, что беседы с посетителями он делил на три категории, чему учил и меня. Первая категория, когда приходит человек, ему нужно официальное подтверждение делать некое важное, нужное дело, кое нужно делать, и препятствий никаких нет. Такому он говорил: «Все, иди, работай, не трать время, не мешай мне. Все хорошо». Вторая категория – это люди, которые приходят, когда однозначно ответ: «Нельзя. Не надо. Ни при каких обстоятельствах». На это тоже нечего тратить время и рассусоливать, деликатности нет: «Ни за что, выбрось, занимайся настоящим делом». И третья категория – это люди, которые предлагают нечто дельное, надо поддержать, но в той редакции, как предлагает автор, это сделать нельзя. Поэтому задача – из второй категории перевести в первую. С этими он тратил намного больше времени. И во второй раз человек приходил из первой категории, то есть когда все хорошо, все правильно, «иди, работай, не трать свое время и не мешай мне». Очень талантливо, очень эффективно, пытаюсь в своей жизни использовать это как кальку в отношениях с коллегами. Не надо мешать тому, кто делает все правильно, идет в нужном направлении. Надо остановить авантюриста или дурака, которого совсем

не туда несет, и надо помочь человеку отточить свою мысль и планы для того, чтобы он дальше продуктивно, хорошо и интересно работал.

Профессиональная порядочность

Во врачебной научной среде большую роль играет порядочность человека. Во многом это завязано как на личностные, так, если хотите, и на религиозные отношения. Об этом, я думаю, разговор будет чуть-чуть позже. Так вот, в жизни пришлось очень-очень много времени, слишком много, провести бок о бок с людьми, которые у меня вызвали уважение, любовь, и с теми, которые у меня вызвали другие чувства. Когда я успешно заканчивал клиническую ординатуру, за плечами были выступления на всероссийских конференциях, была хорошо разработанная тема кандидатской диссертации, были публикации. На меня подали документы на поступление в аспирантуру, а в те времена это было очень здорово, это был такой счастливый золотой билет. Когда я был готов к экзаменам, которые, несмотря на некую формальность, все-таки требовали подготовки и по специальности, и по философии, и по иностранному языку. За два дня до экзамена заведующая кафедрой мне сказала: «Знаешь, Андрей, тебе не надо идти на экзамены в аспирантуру, потому что в аспирантуру ты не будешь поступать. Будет поступать сын одного из наших сотрудников». Я был, честно говоря, ошарашен этим, для меня это был очень жесткий удар

под дых. Как же так?! Я работал, я имею успехи. А сын сотрудника был бесталаный молодой человек, существенно старше меня, успевший себя к этому времени ничем не проявить профессионально, к тому же стать уже практически спившимся алкоголиком, что он и подтвердил в последующей жизни. Но, однако, в аспирантуру я не поступил и дальше шагал своим путем, но осадочек, как говорится, остался. В последующем этот человек, сотрудник кафедры, неоднократно засвечивался в ситуации, когда нужным ему людям очень талантливо озвучивал гипердиагнозы, когда выдавал свои подозрения, когда-то обоснованные, когда-то – нет, за истину, получал некоторую свою мелкую и крупную выгоду. К сожалению, и я тоже купился дважды на его посулы и псевдоавторитет. Это касалось очень близких мне людей. Честно говоря, был ошарашен. Не забуду негативный пример этого человека, который, впрочем, дожил до старости, считая себя великим онкологом и ученым, существует рядом с нами. Увы, бывает и так.

Проблемы нравственности и бесовства в медицине и в науке

Современная наука, медицина в частности, дает в руки людей, в руки специалистов очень мощные инструменты воздействия на общество, на человеческое тело, на человеческий разум, и использование их во многом зависит от наличия тех внутренних тормозов, которые у носителя техноло-

гии есть или нет. Причем это касается не только медицины. Проблемы значительно шире и глубже, особенно сейчас, когда у нас в обществе нет идеологии, нет нравственных ориентиров, активно живет, существует и продолжает развиваться перестроечная отрыжка вседозволенности и магии золотого тельца «доход ради дохода», причем слово «зарабатывать» часто подменяет более откровенные понятия «жульничать», «украсть», «надуть ближнего». Так все-таки к нравственным проблемам. Представим себе ученого-атомщика или ракетчика, который владеет технологиями создания систем, которые способны нанести колоссальный вред большому количеству людей. Это может быть бомба, это может быть ракета, это может быть иное техническое устройство, проданное за деньги или использованное совершенно не в благих целях.

Я уже упоминал в этой книжке про группу ракетчиков, которые пытались уехать за границу. Но вместе с тем судьба сводила и с крупными учеными – конструкторами ядерных боеприпасов, которые, будучи смертельно больными, по сути, уже за гранью нашего мира, сохраняли нравственную чистоту и не помышляли о том, чтобы по каким-то мотивам раскрыть те секреты, то умение, которым они обладали. В медицине наблюдаются такие же тенденции, когда врач молодой или немолодой, но незрелый получает в руки некую новую технологию, к тому же еще подраскрашенную желтыми красками СМИ как чудодейственную, и начинает бессовестно «зарабатывать» на этом деньги. Врач-онколог посто-

янно сталкивается с людьми, которые, узнав о заболевании, о прогнозе, готовы снять с себя последнюю рубашку, и не каждый удерживается от искушения эту рубашку не присвоить. Знал я одного доктора, который работал у меня в отделении, а потом им короткое время заведовал, который подсовывал пациентам препарат, не имеющий отношения к лечению данного заболевания, говорил, что это дорого, хотя препарат был просто банально украден из отделения. Люди при этом говорили, что мы не можем отдать деньги сразу, нам нужно продать трактор, нужно продать скотину в деревне. Этот стервец заявлял: «Не фашисты же мы. Подождем. Что же делать? Конечно. Задаток можете дать. Остальное принесете после». Впоследствии этот псевдодоктор-бизнесмен был пойман и осужден за взяточничество и, слава Богу, что он ушел из медицины. Я думаю, что если бы он сохранился здесь, к чему прилагали усилия его родственники, да и он сам, ничего хорошего ни коллективу, ни пациентам он бы не принес. В нынешних условиях вакуума идеологии и дефицита совести я считаю, что альтернативой бесовскому началу может быть только православная идеология, только православие как моральная доминанта в Нашей Стране может противостоять торжеству «золотого тельца» и корыстолюбия в душах людей.

Будва. Продавец цветов

В течение ряда лет, 5 или 6, повезло участвовать в ре-

гулярных школах Международной ассоциации хирургов-онкологов, которые проводит мой друг и коллега, член-корреспондент РАН Игорь Решетов в Черногории в чудесном адриатическом городе Будва. Обычно в этих семинарах участвуют врачи-онкологи из славянских стран: Россия, до последних лет Украина, Белоруссия, Черногория, Сербия. Иногда приезжали итальянцы и наши бывшие граждане, ныне проживающие в других странах. Но речь не об этом. Черногория сама по себе замечательный край с потрясающей историей, изумительной красоты, к сожалению, бедный, к сожалению, без промышленности, с низкообразованным населением. А в последние годы в связи с резким уменьшением туристического потока из России и Украины просто бедствующим. И вот такая история. Ужинаем мы всей компанией в ресторане на берегу моря. Рыба, мидии, «Вранок» (местное вино), ракия. Все очень здорово. По залу ходит маленький невзрачный мужичок с букетом роз и непонятно, то ли продает, то ли предлагает. В итоге закончился наш ужин. Он стоит один на набережной около ресторана, букет цветов опущен вниз и сам весь какой-то побитый, помятый. Я говорю: «Как жаль. Мужик живет тем, что продает цветы, а его цветы никому не нужны. Может быть, купим, дадим мужику заработать хоть чуть-чуть за вечер? Мы-то ведь имеем возможность». Но разговор как-то замялся. А утром на пляже разговорились с дамами, нашими соотечественницами, которые постоянно живут в Будве (кстати, одна из них

из Челябинска), и выясняем, что, оказывается, мужичок этот несчастенький-то несчастенький, но это практически профессиональный альфонс, а иногда и сутенер, который промышляет обеспеченными немолодыми дамами или поставкой молодых барышень, приехавших на отдых, по желанию или по дурусти своим более состоятельным друзьям. Такая грустная история. Не всякий достоин жалости, кто вызывает сожаление. Увы.

Миша-пловец

Достаточно длительное время некая компания людей, с которыми я с удовольствием был в составе по субботам, собирается и ходит плавать в бассейн Челябинского университета. Это своеобразный страт. В конце перестройки я попал в Университет марксизма, ленинизма на излете социализма, на излете этого уважаемого заведения. Но надо сказать, что там читались очень интересные и познавательные лекции по политологии, по общественным знаниям. Все это было очень свежо и интересно на фоне застоя и скуки 80-х годов. И очень интересные вещи были посвящены теории стратов. Что такое страт? Это группа людей на данный момент, в данной ситуации, объединенных общим интересом. Это могут быть страты пешеходов, могут быть страты водителей, у которых имеются свои интересы и взгляды. В данном случае образовался страт людей, которые любят субботнее утро начать с бассейна, а потом собраться в одном

из трех кафе, расположенных поблизости, и потрепаться на разные непрофессиональные и интересные темы, касающиеся в основном книг, кино, политики и вообще черте о чем. Состав команды абсолютно разнородный: там были и есть и врачи, и менеджеры. И вот один из людей нашей команды – Миша, человек очень серьезный, очень зрелый, в недалеком прошлом крупный промышленный руководитель. Еще к Мишиным чертам нужно отнести его большую скрупулезность, дотошность и самодисциплину. Если мы все плавали в бассейне один день, в субботу, то Миша плавал во вторник утром и в четверг утром. Но и так сложилось, что достаточно интересно было над ним подшучивать. Он эти шутки хорошо воспринимал. Представим себе эволюцию нашего юмора. У Миши хорошая новая машина ярко-кирпичного цвета Audi Q5. Но был у него грешок: мыл он ее относительно нечасто. И дабы поразвлечься самим и немножко подзадорить Мишу, перед купанием (а мы приезжали чуть-чуть позже) очень прикольно было пальцем на грязной дверце авто написать короткое нецензурное русское слово, а именно – «ХУЙ». А потом сидеть и рассуждать: «Надо же, как хулиганы в районе ЮУрГУ распоясались, что творят, а ведь студенты хотят высшее образование получать. Какое безобразие? Куда Шестаков смотрит?» Миша заезжал на мойку. Потом Миша стал брать влажные салфетки, канистрочку с водой. В конце концов, когда мы рассекретились, Миша, к счастью, не обиделся. Но шутка себя изжила. Но машина у него теперь все-

гда чистая! Украшение города и пример молодежи!

Через некоторое время мой сын, лазая в Интернете и помогая мне приготовить один из докладов, нашел серию цитат Мао Цзэдуна с его изображениями, с картинками. Шальная идея стрельнула мне в голову: «А что, если...» Я распечатал достаточное количество этих листовок, выехал на работу пораньше, подкрался к Мишиному автомобилю, который стоял во внеурочный для нашего купания день, в четверг, около бассейна, аккуратнейшим образом, чтобы не сработала сигнализация, приподнял задний дворник, под него всунул парочку листовок в левый передний, в правый передний, и довольный поехал на работу. Через некоторое время днем звоню своему другу и шурина Саше, говорю: «Саш, вот так и так, у Мишки листовки». Он звонит ему и спрашивает: «Миш, как жизнь, как чего? Как тебе творчество великого кормчего?» Миша, раздражаясь эмоциональными словами, не всегда хорошими: «Так это вы! А я маюсь, я полдня занимаюсь, кто, чего, как, откуда, почему только мне? Почему не соседям? Сначала подумал, что это обычные рекламные листовки. Схватил – оказалось все серьезно. Паразиты!»

Пришлось Мише дать немножко успокоиться, пожить спокойно. Жизнь продолжалась в размеренном ритме. Надо сказать, что завтракали мы обычно или в «Пенке», которая расположена на первом этаже, в цоколе бывшего института «Гражданпроект», или в ресторане гостиницы Park Inn, или в булочной напротив бассейна, по-моему, «Поль Бейкери».

Обычно на завтрак брали глазунью, и решили мы опять Мишу подкупить. Тем более такой юмор уже вызревал. Подходя, мы просили выбрать яйца побольше, Миша подходил последний – ему какие останутся. И задумали мы в конце декабря реализовать эту идею. Купили грохотку перепелиных яиц. Все было хорошо. Мы приехали в Park Inn раньше Миши, подошли к повару, к парню, который жарит яичницу, сказали, что так и так. А мы очень долго туда ходили, нас все знали. Сначала спрашивали, из какого номера, мы говорили, что все из 215-го, живем на полу, ребята пугались, потом привыкли к компании взрослых непонятно как одетых людей, которые заходят и веселятся. Но вышел облом: повар сказал, что это невозможно, жесткий запрет на привоз любых продуктов, не закупленных рестораном. Мы дошли до большого начальства – ничего не вышло. И в итоге Миша ушел в Новый год, не тревожась и не зная, что над ним нависло. Прошли новогодние праздники, начались опять походы в бассейн, и вот в пекарне «Поль Бейкери» у нас все получилось. Правила там помягче, режим пожиже, девочки после неких убеждений, не будет ли скандала... Мы передали благополучно девочкам грохотку с яйцами. Миша, придя вслед за нами, подошел, заказал себе глазунью, быстренько приготовили, позвали сначала меня, что можно забирать. Я забрал полноценные. Девушка сказала: «Вот готовые еще». Я говорю: «Слушай, рук не хватает и бегать надоело. Иди сам». Мы видим Мишу по-детски с обиженным выражени-

ем лица, который несет сковородку, где вместо полноценных двух яиц разбиты два маленьких крохотных перепелиных. «Как? Что?» Мы отвечаем: «Тебе, наверное, по новому курсу евро дали». Михаил сначала обиделся, потом рассмеялся. Девочкам мы подарили за это коробку конфет. Когда стали уходить, он спросил: «А куда девать остальные яйца?» Мы ответили: «Миш, носи домой. Ты честно их заработал, тебе покупали». «Объяснить жене наличие презерватива в кармане мне было бы значительно проще, чем вот эту початую грохотку перепелиных яиц», – прозвучал ответ.

На этом страдания Михаила не закончились – была еще угроза пельменей с металлическими рублями внутри и много чего, но чувство юмора и ум этого человека, адекватная реакция на шутки не только провоцируют меня на продолжение шуточек, но и вызывают глубокое уважение и любовь к этому умному и широкообразованному человеку.

Но Михаил! Не надо расслабляться! Все еще впереди!

9 мая 1965 года. ЧТЗ

9 Мая – безусловно, великий праздник, от которого мурашки бегут по коже, но, к сожалению, который на протяжении моей жизни видоизменился. Мое первое осознанное впечатление от 9 Мая связано с 9 мая 1965 года, когда впервые этот день объявили праздничным. Было открытие монумента танка на Комсомольской площади ЧТЗ. Дед, который всю жизнь проработал на тракторном заводе, на танко-

вом производстве, взял меня на это мероприятие. А я как раз начинал догуливать последнее лето перед первым классом, когда можно считать «молодость заканчивается». Так сформулировал мой тогдашний товарищ Феликс Раевский, сосед по дому. Это был мой гуру и учитель по жизни. Получилось так, что мы дружили, я готовился в первый класс, а Феликс поступил на первый курс политехнического института. Казался очень взрослым и мудрым человеком. И он меня поучал: «Андрюха, в школу-то охота?» Я говорил: «Да, Феликс, охота». «Ну и дурак, – говорил, – как ярмо наденешь – до пенсии не разогнешься». Примерно так. И как раз в эти дни (был отличный майский день) мы пришли с дедом на площадь. Меня поразило, что было много взрослых мужиков, а участникам войны тогда было, соответственно, лет по 40-45. 1965 год – только входили в моду нейлоновые рубашки, изумительно ярко-воинствующе белые, и на груди, на шее, на руках у многих были страшные послеожоговые рубцы. Много было бывших танкистов. И вот это следствие войны, ассоциация с войной у меня осталась на всю последующую жизнь. И честно говоря, сейчас достаточно коробит, когда по городу едет машина с гремящей, абсолютно непатриотичной дикой музыкой, с соответствующей публикой внутри и развевающимися георгиевскими ленточками, которые играют роль такого модного хиппи-антуража. Вызывает большое раздражение и неприятие, честно говоря, обидно за тех людей, которые в 1965 году с ожогами на теле выходили от-

крывать памятник танку в нашем же городе.

Домодедово. Шулеры

В середине 90-х годов летом, где-то в июне, случилась достаточно интересная поучительная история, когда я полетел на защиту к Елене Надвиковой в Москву, в Центр рентгенорадиологии. Она была в моем первом десятке защит кандидатских диссертаций. Не поучаствовать было совершенно грешно и неправильно. Хотя последующая жизнь показала, что я был абсолютно не прав... Но сама работа была весьма интересной. И обстоятельства складывались так, что лететь нужно было на один день. Был еще старый аэропорт Домодедово без всяких удобств. Ходили маршрутки, автобусы в центр города, электрички еще не было. Прилетев утром, я увидел, что автобус ушел. Я как бы знал и говорили, что ни в коем случае нельзя садиться в «левые» машины, какие-то такие, но черт попутал. Выхожу из аэропорта, смотрю на площади, пыльной, грязной в то время, нет рейсовых автобусов, маршруток тоже нет. Подходит совершенно нестрашный, такой домашний мужичок в потертom пиджаке, лет 60, говорит: «В город?» – «В город». «Вот привез шефа. Хочется немножко подкалымить. Давай, могу довезти. Цена до ближайшего метро как в маршрутке. Но я тут еще подберу несколько человек». – «Хорошо, подбирай».

Скоро приводит мужичков, которые оказались из Тюмени, из Уфы. Садимся в машину. Левая дверца оказалась сло-

манная. Но я сел первый – оказался у левой задней дверцы, сломанной. Справа от меня сели еще два человека. Один сел вперед. Водитель. Поехали. Разговор о том, о сем. Как раз начиналась стройка «Аэротеля» рядом с аэропортом. И разговор о том, что финны строят. Рейсы действительно прилетали из городов, о которых люди и говорили, как раз в это время. То есть все было хорошо просчитано. Человек из Тюмени говорит: «Да я тоже с финнами здесь работал, подарили игру интересную – финский преферанс». «О, – говорит впереди сидящий, – а я коллекционирую карточные игры. Запиши, пожалуйста, правила». Он спрашивает: «А как записать-то? Показать надо». Извлекается колода карт, дипломат, давай раскидывать. Я никогда не имел большого интереса и лишен, к счастью, интереса к азартным играм. Говорю: «Нет, мужики, у меня свои мысли, свои планы. Не-не-не». – «Даже не поучаствуешь, не поможешь?» Я говорю: «Нет, не помогу, неинтересно, не буду и не надо». – «Так точно?» «Да, точно. Давайте до метро и все. Я заплатил». Машина останавливается у обочины, недалеко от остановки «Домодедовское кладбище», что достаточно символично. Водитель выходит, дверца, сломанная слева, неожиданно открывается, и говорит: «Вылезай». Я, еще не понимая ситуации, говорю: «А что вылезай? Мы же договорились до метро». – «Ты что, не понял? Перед тобой комедию сыграли, время потратили, бензин сожгли. Ты, парень, по морде честно за все это заработал». Я понял, что действительно по морде я заработал

честно. Высадили меня, в общем, обошлись очень по-мужски и гуманно, на автобусной остановке. Вылез. Благополучно добрался на рейсовом автобусе. И заклинаю вас: никогда не садитесь в случайные машины и никогда не берите карты в руки с незнакомыми людьми.

Как потом мне объясняли люди, грамотные и сведущие в этой сфере, действительно в Домодедово работала и, наверное, работает банда шулеров, которые такие образом «раздевают» лохов. И стоило взять колоду в руки – все бы закончилось намного плачевнее. Но я им очень признателен за урок и за то, что даже совершенно законно не дали по морде. Спасибо, мужики!

Аша. Авария

Очень много приходилось и приходится ездить по области. Однажды летом, где-то в самом начале 2000-х годов, поехали мы небольшой компанией, в которой были тогда еще совсем не профессор Насрулла Шаназаров и профессор Саша Жаров. Приехали проверять онкологическую службу в город Ашу. Лето. Отличная уральская природа. По дороге туда остановились в месте, где мы всегда летом останавливаемся, у пересечения шоссе М5 с речкой Юрюзань, там есть изумительное место для купания. Воды было в реке достаточно много. Хорошо искупались. Особенно забавно, когда в жаркий день ложишься в быстрину, берешься руками за камень, тебя, как тряпку, полощет в течении.

Приехали в Ашу, за два дня сделали все необходимые дела, тоже, естественно, посетили и речку, и лес, и где-то в обед отправились домой, чтобы засветло успеть в Челябинск. И между поворотами на Бакал и Сатку видим жуткую аварию: лесовоз, непонятно в силу каких причин, ушел в кювет, по дорожной части раскатились бревна. Два человека. Открыта дверца. Выходим. Водителя, видимо, выбросило из кабины. Открытый перелом правой голени в нижней трети. Открытый настоящий: сломаны обе кости, на кожно-мышечном лоскуте висит стопа. Слава Богу, его напарник воспользовался аптечкой. Заверяю вас: это, как показала жизнь, нелишняя абсолютно вещь. Он успел наложить жгут. Мы подъехали. Что было в нашей аптечке, то есть толченый пенталгин, холодная вода, проверили жгут, поправили повязку, чем могли, помогли, созвонились с бакальской скорой. Тут же остановилась еще какая-то машина, выскочила очень активная безграмотная баба, которая начала всем командовать. Кто она, мы так и не узнали. От помощи мы нелюбезно отказались. Вот она быстро и уехала.

Что было действительно страшно, что подъехала машина ГАИ. Два сотрудника Госавтоинспекции не поинтересовались, что с водителем, не поинтересовались, кто мы, что мы, на каком основании мы что-то делаем с человеком, не узнали, вызвана ли скорая, начали отводить потоки, чтобы не попортили бревна – вот такие вещи. Интересы никакого не было. Вскоре подъехала скорая – обычный УАЗик-буханка.

Вылез водитель. Совершенно юная девочка, недавно окончившая медучилище, лет 17, тоненькая, слабенькая, маленькая. То есть при полном отсутствии интереса гаишников им бы с водителем никогда на носилках этого парня в кузов не затащить. Подняли, помогли установить капельницу, позволили в больницу, что едет вот такой, чтобы готовили операцию. Мы с достаточно дрожащими руками и ногами двинулись вперед. Потом через несколько дней звонили из Сатки. Было естественно, что ногу мужику спасти не удалось. Была ампутация. Но, славу Богу, ни сепсиса, ни гангрены не было. Кто он, что он, ни имени, ни фамилии, естественно, я не знаю, ни дальнейшей судьбы его. Но вот это ощущение незащищенности на дороге и понимание на своей шкуре, что может сложиться ситуация, что, кроме тебя, твоего попутчика и неких случайных людей на дороге, тебе никто не поможет. Если бы его напарник не наложил вовремя жгут, то, я думаю, его бы просто не было бы на свете. Поэтому, друзья мои, аптечки, соблюдение правил дорожного движения, скоростной режим и помощь на дороге – это действительно святое. Одно из самых страшных впечатлений моей врачебной практики – это вот эта оторванная нога, висящая на кожно-мышечном лоскуте.

31-я физико-математическая школа

Классный руководитель Владимир Николаевич Тимофеев. Когда он появился в нашем классе, это был 9-й класс, вы-

звал большое удивление, даже, если хотите, определенный восторг, вольнодумец, образованный вольнодумец, прекрасно знающий литературу Серебряного века, современную советскую литературу. Это было большой редкостью в то время. Особенно это было контрастом после нашего классного руководителя Тамары Алексеевны Логиновой, которая занималась с нами с 5-го по 8-й класс. Тамара Алексеевна была таким учителем с пионервожатским прошлым в классическом понимании этого типа: строгая, собранная, абсолютно социально-адекватно-ориентированная для середины 70-х годов. И вот Владимир Николаевич, который мог появиться в субботу утром на уроке литературы изрядно поддатым, который мог читать вместо программных материалов стихи Андрея Белого, Игоря Северянина, Сергея Есенина, который преподнес нам известную, популярную теперь книгу «Тревожный месяц вересень», которая была для того времени очень смело и правдиво написана, во многом открывала правду на те процессы, которые шли в Западной Украине в конце войны и после войны, которые нашли свое эхо именно сейчас. Он писал и стихи, будучи глубоким пенсионером, издал небольшую книжку своих стихов. В основном это короткие, я бы сказал эпиграммки, записки, часто остроумные, часто удачные, но мне запомнилось вот что:

Хорошо быть старым:
Водки пьется меньше.

Транспорт возит даром
И не надо женщин.

Остроумно, грустно, светло. Владимир Николаевич оставил свой след в наших жизнях. Спасибо ему за это.

Любимые афоризмы

Есть ряд афоризмов, которые помогают в жизни осмысливать ее, относиться с юмором, переносить невзгоды. Авторство части из них я знаю, части – нет.

Вот некоторые из них:

«Лес горит от своих деревьев».

«За каждым подвигом стоит чья-то безалаберность, которая имеет имя, отчество, фамилию и должность, а должна иметь еще и срок» – Лазарь Моисеевич Каганович.

Черчилль: «Внезапные заморозки погубят весеннюю завязь». «Не пытайтесь жить вечно, ничего из этого не получится».

Из Екатеринбурга старик Букашкин, местный андеграунд: «Ну, до чего же хорошо: и жизнь прожил, и жив ишо!»

Конрад Аденауэр: «Никогда не путайте энергию с силой».

«Все живы, когда каждый у себя, и все для кого-то мертвые».

«До прихода к психотерапевту он просто ссался в постель, а теперь еще и гордится этим».

Астрид Линдгрэн: «Если он ест олады с вареньем, то не

может быть настолько ужасным».

Лесков, умирая, сказал: «Жизнь дана не для счастья».

Кто-то из восточных деятелей: «Умный хвастает старым батюшкой, глупый – молодой женой».

А вот Корней Чуковский: «Я составил список людей, присутствие которых на моих похоронах крайне нежелательно». Дельный совет, вообще нужно такой списочек тоже составить.

Сергей Капица на вопрос: «Какой день лучший в вашей жизни?», ответил: «Завтрашний».

Несколько мрачновато, хотя это надгробная эпитафия на мемориальной доске Николая Владимировича Васильева, академика РАН, многолетнего заместителя директора по науке Томского института онкологии: «Гори, гори во мраке пламя, когда придет прощанья час! Спасибо тем, кто рядом с нами, спасибо тем, кто сменит нас!» Николай Владимирович сыграл довольно большую роль в защите моей кандидатской диссертации. Он был блестящим иммунологом, председателем ученого совета, на котором я защищался. В течение 30 с лишним лет каждое лето он выезжал в экспедицию на место падения Тунгусского метеорита и был самым большим специалистом в Советском Союзе по его изучению. Очень любил женщин, периодически привозил новых жен из экспедиций. И вот его иммунологическая теория продолжения рода: «С точки зрения биологии дело бессмысленное. Но при этом происходит первичный обмен базовыми элементами имму-

нитета. Если нравится, имеет смысл продолжать, если нет, на этом можно невинно и закончить».

Тем не менее, следующая фраза достаточно важная для жизни, звучит следующим образом: «Я его прощу и забуду навсегда». Очень мудро, иногда полезно.

Нельзя пройти мимо лозунга израильских чиновников, который висит во многих официальных конторах и присутствует в реальности: «Невозможное мы делаем сразу! Чудеса требуют немножко больше времени!»

А вот Екатерина II писала: «Кроме закона должна быть еще и справедливость».

Ожидай неожиданностей... Очень полезно в жизни помнить об этом, несколько раз пригодилось.

«Если у женщины горят глаза, значит, тараканы у нее в голове что-то празднуют».

«Каждый умирает в одиночку и уходит голым». Сложно поспорить.

Один из командиров Минсредмаша писал: «Требуй невозможного – получишь максимум!»

Герман Геринг следующим образом формулировал свои принципы: «В своем штабе я буду решать, кто еврей, а кто нет!»

Габриэль Лауб о коррупции, которая относится и к нашей стране: «Порядочный человек берет взятку в одном-единственном случае – когда представится случай».

Давид Абрамович Фишман, главный конструктор ядер-

ных боеприпасов писал: «Говно двух сортов не бывает».

А вот Рылеев о наших порядках сказал следующее: «И повесить-то не могут по-человечески» после того, как оборвалась веревка, на которой была первая попытка повесить декабристов.

Лаврентий Павлович Берия об электорате говорил: «Он (в смысле Никита Хрущев) больше с народом, а я в основном – с людьми».

По-моему из «Гариков» Губермана: «Еврей, прости анти-семита, он иногда бывает прав».

Следующий афоризм хотелось бы отнести к очень многим нашим деяниям и деятелям и не только из спортивного лексикона. «Много и интересно перемещался по полю, но результата не принес».

Еще из Давида Абрамовича Фишмана: «Уступи в малом».

О межлюдских отношениях. Пришлось проходить по жизни. «Ты убил, и еще вступаешь в наследство на том месте, где псы лизали кровь Навуфея. Псы будут лизать и твою кровь».

Илья-пророк: «Так в жизни тоже бывает».

А вот из чиновничьей жизни: «Сижу в президиуме, а счастья все нет».

Из нашего бывшего министра Тесленко: «Надо не только успеть все взять от жизни, но и успеть перевести это в Лондон». Не успел.

Один из любимых афоризмов. Братья Стругацкие: «Она была такой красивой, что не могла быть при этом ни умной,

ни доброй». Очень полезно.

Мао Цзэдун говорил: «Что мыслимо, то осуществимо».

Или вот еще из него же: «Знания места не занимают».

Апостол Павел: «Быть всем для всех, чтобы спасти хотя бы некоторых».

И опять Мао Цзэдун: «Враг сам по себе не исчезнет».

Еврейская мудрость гласит: «Оставьте нам право на наших подлецов».

Мао Цзэдун: «Враг наступает – мы отступаем, враг устает – мы побеждаем».

И снова Мао Цзэдун: «Третья мировая. Мы против, но мы не боимся».

Автора не помню, но звучит следующим образом: «Благодарение Бога, что я всегда желаю большего, чем могу достичь».

«Как высрат, так и заморожен».

«Начальство скажет – по-лошадиному насрем».

Челентано: «Первое время у меня поживешь, а утром домой поедешь».

«Не делай ничего и не будет ничего несделанного», китайская конфуцианская мудрость.

«Я знаю, что после моей смерти на мою могилу нанесут кучу мусора. Но ветер истории развеет их», Иосиф Виссарионович Сталин, 1943 год.

«Я его прошу и забуду навсегда».

.....надеюсь, что список не окончен!

Томск. Защита

Кандидатскую диссертацию я защитил весьма рано, неприлично рано по диспансеровским меркам. В те времена положено было защищаться в 45-47-48 лет. А я молодым пациентом, это был 1986 год, то есть мне было 28 лет, даже еще 27 лет, не исполнилось еще 28. Вышел на защиту кандидатской диссертации. Вообще должен был защищаться в 1985 году. Но, как водится, вмешались непредвиденные обстоятельства. Я поехал на 4-месячную учебу в Москву с портфелем, с готовой диссертацией. Защита должна была быть в октябре. Я бы спокойно без лишних глаз улетел в Томск, защитился и планировал вернуться домой с учебы уже кандидатом наук. Но, однако, в ученом совете, как часто бывает, забыли подать заявку на вторую специальность ВАК. Виноватым, естественно, оказался я. Пришлось переделывать первую страницу автореферата. По тем временам это были очень существенные хлопоты и деньги. Утверждать все это нужно было через Главлит, то есть через цензуру. Но, тем не менее, 26 февраля 1986 года я прибыл в город Томск. Вернее, прибыл я, конечно, раньше. Но защита была 26-го числа. Мало кто помнит, но в этот день открывался XXVI съезд КПСС, последний полномасштабный солидный съезд. Томск, напоминая, был столицей антиалкогольной кампании Егора Кузьмича Лигачева. Спиртного не было вообще

никакого. Первый разговор начал со мной ученый секретарь института, сказал, что даже слова «банкет» в лексиконе нет и быть не может, чтобы никто от меня этого слова, даже намек не слышал. Нет, так и нет. Меньше хлопот. Хотя как-то так необычно было. Тем не менее, приходит день защиты. Совет должен открыться в 10 утра. Но два введенных члена, доктора из Новосибирска, едут, по дороге случается поломка машины, тогда не было мобильных телефонов, они с какого-то попутного отделения связи (очень благодарен им за эту поездку) звонят, предупреждают. В итоге пока машина чинится, пока они едут, время идет, и заседание совета нужно открывать в 2 часа дня. Разница между Томском и Москвой 4 часа. Но в это же время в Москве открывается XXVI съезд КПСС. Есть абсолютно строгое указание обкома партии проводить в это время только мероприятия, связанные со съездом. Николай Владимирович Васильев, о котором я уже упоминал в этой книге, академик, председатель совета, идет со мной к себе в кабинет, набирает телефон первого, второго секретаря обкома. Первый на съезде. Говорит, вот так и так, у парня из Челябинска защита, вот такая произошла штука с введенными членами. Секретарь обкома говорит: «Ну что делать? Что делать? Город Томск научный, поэтому все понимают, что такое защита диссертации. Надо защищать. Это же дело производственное?» «Конечно, производственное». «Пусть от Челябинска начнет свое выступление со здравицы в адрес XXVI съезда». С чего я и начал.

Потом удачно защитился. После защиты Николай Владимирович машет молча рукой, дает знаки мне и двум ребятам из Новосибирска: «Пошли». Спускаемся вниз в полуподвальное помещение в его лабораторию. Так же молча делается знак старшему лаборанту, который открывает сейф, извлекает бутылку темно-коричневого стекла со спиртом, отливает в другую лабораторную бутылку. Николай Владимирович извлеченным из кармашка халата стеклогграфом отмечает новый уровень спирта, жестом распоряжается закрыть сейф, ставится спирт в портфель, мы едем в гостиницу Томск, заказываем в номер горячий обед. Ребята холодные, голодные. После этого закрывается дверь, спирт смешивается в бокалах с газированной водой «Буратино» и этим божественным коктейлем мы отмечаем мою кандидатскую диссертацию. С этого момента я стал кандидатом наук.

Когда обед уже был в разгаре, даже перешел некий экватор, Николай Владимирович хлопает себя по колену и говорит: «Надо же, я обещал в обком партии позвонить, поделиться своими впечатлениями о докладе генерального». Набирает соответствующий номер, просит нас помолчать и не чокаться, не слушая ни одной минуты доклада Горбачева, хорошо поставленным голосом говорит: «Я как член Академии наук, как старовузовский работник глубоко тронут тем вниманием, уделенным генеральным секретарем в своей речи, о проблемах науки и высших школ...» и так далее по тексту. Вот такую школу я получил на заре своей научной

карьеру!

Ученики

Очень не люблю это слово, которое, к сожалению, часто практикуется в среде профессуры: «Это мой ученик, это мой ученик». Это не ученики, на мой взгляд, это коллеги, которым ты помог встать на ноги, ты помог указать путь, помог реализовать себя. Правомочно, когда тебя называют учителем, но ни в коем случае не наоборот. Почему я еще щепетильно отношусь к этому термину, потому что, называя кого-то своим учеником, ты делаешь его частью себя, ты распространяешь на него свои личные качества и делаешь его частью своей личности. На деле, к сожалению, не очень часто, но происходят ситуации, когда использовали твои знания, твой талант, твой азарт, на твоих плечах становились кандидатами и докторами наук, а потом хорошо, если просто уходили, но и иногда и предавали, причем предавали очень жестоко, цинично и бездарно. Есть у меня в биографии несколько таких попутчиков, в которых было вложено достаточно много, но которые при несколько изменившихся обстоятельствах не только равнодушно развернулись и отошли в сторону, но и покусились на то, что им совершенно не принадлежало, не предупредив, не извинившись. Такое своеобразное отношение к тебе как к мертвому герою. Хотя Акела тогда не промахнулся...

Очень жаль, что жизнь свела с рядом таких попутчиков,

но их немного среди кандидатов и докторов наук, которые у меня защищались. Подавляющее большинство это честные, порядочные, преданные делу люди. Но та небольшая прослойка иуд и хапуг, которые оказались рядом, заставляет нас с большей скрупулезностью относиться к тем, кому ты даешь дорогу в карьеру и в науку. Конечно, задним числом этих людей нужно было остановить и не подпускать к степеням известным. Но что сделано, то сделано.

В конце концов, большинству из них впрок это не идет, как говорила моя покойная бабушка: «Нищим не подаем. А этим сойдет».

Первый День России

В 2000 году довелось побывать, как потом выяснилось, на историческом событии – на первом праздновании Дня России, который состоялся в Москве летом. К самому празднику я до сих пор отношусь весьма скептически, потому что факт объявления Ельциным о независимости России разрушил великий Советский Союз, в котором мы жили, жили гармонично, жили осмысленно, развивались и творили. Но, тем не менее, пришел 2000 год, было объявлено официальное празднование этого чудесного непонятного дня. И губернатор Петр Иванович Сумин меня, тогда молодого главного врача, направил в Москву на это действо. От Челябинской области со мной был еще мой старинный учитель, товарищ, академик РАН, точнее АН СССР! Евгений Нико-

лаевич Аврорин, научный руководитель и директор Федерального ядерного центра, основной творец отечественного ядерного оружия, человек, имеющий громадные заслуги перед страной, лауреатство Ленинских и Государственных премий, несколько орденов Ленина, Герой Социалистического Труда СССР и прочее-прочее. Очень скромный человек такого ботанического вида. И вот нас с ним поселили в гостинице «Москва». Тогда она еще была цела. Утром выходим на Красную площадь. Впервые я тогда увидел мобильные рамки – металлоискатели. Евгений Николаевич с такой скромненькой орденской планочкой, что там – Герой Соцтруда, Ленинские и Госпремии, ордена Ленина много места не занимают... Подходим к рамке. А навстречу, раздвигая всех, идет такой классический аристократ-пролетарий, обвешанный кучей медалей – ударник 8-й, ударник 9-й, ударник 10-й пятилетки, знак почета «100 лет со дня рождения Ленина». Евгений Николаевич меня хватает за рукав и достаточно громко ерничает: «Андрюша, Андрюша, давай уступим дорогу. Посмотри, какой заслуженный, знаменитый человек идет». Мы, естественно, уступили этому великому человеку дорогу.

Я впервые, может быть, даже единственный раз в жизни был на трибунах у Мавзолея. Было очень интересное представление. Мы тогда еще не привыкли к гербу нашей области – верблюду. Мне до сих пор мало понятно, почему в угоду неким архаичным принципам, геральдическим построе-

ниям промышленная область имеет такой несуразный герб. Не трактор, не танк, не некий символ атомной промышленности, хотя Челябинск – это столица атомной отрасли Советского Союза и России. И вот когда вывезли на таких тележечках, как раньше возили на Первомайские демонстрации портреты вождей (оттуда, может быть, и взяли тележки в таком количестве), почти все гербы, где достаточно приличные звери стоят, вывозят нашего верблюда. Евгений Николаевич говорит: «Смотри, я сейчас, наконец, понял, почему нам верблюд достался – по алфавиту мы последние. Другие регионы порасхватили хороших зверей». Посмеялись. Но это горькое чувство юмора и неуместного герба остается у меня до сих пор при виде этого странного животного как символа нашей области. Слон или бегемот были бы, наверное, не менее уместны.

Мы были свидетелями интересного события. Не было еще, видимо, опыта проведения массовых публичных действий. После всех торжеств над Красной площадью появилась семерка истребителей. И, видимо, где-то произошли сбои, и раньше времени в воздух взмыли воздушные шары и зазвучал салют. И на пути истребителей появилось своеобразное воздушное загрязнение. Вызывает восторг четкость, с которой ребята мгновенно в доли секунды кинули свои самолеты в сторону от Красной площади, с ревом ушли мимо. Представляю, какие перегрузки они при этом испытали и что могло бы быть, если бы они зазевались и врезались в эту тучу

бело-красно-синих шариков. Какая трагедия могла бы случиться! Может быть, после этого День России никогда бы и не отмечался с такой пышностью и торжествами.

Патриотизм

Особую актуальность и, к сожалению, моду сейчас приобрели разговоры о патриотизме, которые к месту и не к месту встречаются на каждом углу. Достаточно удивительно наблюдать 9 Мая, когда люди, не имеющие ни реального представления о гвардии, не являющиеся носителями реального патриотизма, цепляют на машины, куда только можно, гвардейские ленточки. И еще более обидно, так же, как в январе на выброшенные елки, смотреть на эти ленточки, превратившиеся в мусор, валяющиеся либо в урнах, либо мотающиеся, как грязная тряпка, на антеннах машин. В этом плане вспомнилась такая цитата: «Патриотизм – это острая приправа, и он должен подаваться в гомеопатических дозах. Только тогда он срабатывает, как надо, а не превращается в балаган».

Когда я учился в школе, был такой предмет НВП (начальная военная подготовка). Вели его обычно отставные офицеры разного общекультурного и интеллектуального уровня. Был у нас такой, наверное, дельный офицер из бывших моряков, которые волею судеб по хрущевским армейским реформам оказался в сухопутных войсках. То есть у парня в некоторой степени судьба поломана, но речь не об этом. На одном из первых уроков при разговорах о патриотизме он

задает вопрос одному из моих одноклассников: «А скажи-ка, ты бы мог, как Александр Матросов, закрыть грудью амбразуру дзота?» Парень был неглупый, весьма порядочный, смутился и сказал: «Я не знаю даже, честно говоря. Сложно ответить». За что военрук ему тут же влепил трояк. Мы были удивлены, а почему трояк. Надо было сказать, что я готов. Сказать бездумно, сказать штампованно. Едва ли это можно назвать патриотическим воспитанием, но осадочек остался.

Цетине

Есть в Черногории в километрах 80 от побережья город Цетине или Цетинье – бывшая столица Черногории. Сейчас это довольно большое захолустье, живущее по таким горно-деревенским меркам. Хотя для Черногории этот центр довольно крупный. Там расположены многие старые посольства еще до Первой мировой войны, которые располагались в Черногории, царский дворец. Надо сказать, что черногорские цари были близкими родственниками Романовых. Сами носили частицу этой фамилии. Но очень здорово отличались от своих российских родственников тем, что жили примерно так же, как их соотечественники. Качественного отличия между домами простых, естественно, среднего класса и выше черногорцев не было. Достаточно скромный дом, множество реликвий, старинный парк, потрясающие горы. Но речь не об этом. В Цетине расположен старинный православный монастырь, который в течение веков был оплотом правосла-

вия на Балканах, на перекрестке очень важных дорог. Монастырь очень небольшой, фактически это цитадель, прилепившаяся к скале, подступить к которой можно было только с одной стороны. Основной святыней, которая там хранится, является десница Андрея Первозванного. Пожалуй, после Афона я бы сказал, что это место произвело на меня сильнейшее впечатление своей непарадностью, нетуристичностью и доступ к деснице достаточно свободный: нужно попросить батюшку, который охотно пускает в храм, допускает к раке. И представляешь, сколько же славянской крови пролито в окрестностях этого места, насколько святые эти горы, и поражаешься, как на фоне всего этого черногорская скупщина подавляющим большинством голосов голосует за вступление страны в НАТО. Что это: тупость, глупость, забвение истории, результат психологической войны, развернутой против славянских народов, или просто обычное блядство? Я думаю, что, скорее всего, увы, последнее. Не всегда у достойных родителей растут достойные дети.

Черногория

И еще о Черногории. Так получилось, что я с детства дружу с мальчиком из моего подъезда Ильей Ковачевичем. Но теперь это уже дед Илья Ковачевич, отец у которого был черногорец. И с детства слышались рассказы, упоминания о стране, которую в Советском Союзе не очень и знали. Была Социалистическая Федеративная Республика Югославия, с

которой были непонятные сложные отношения. А что такое Черногория, большинство моих сверстников и не знало. И вот Милован Ильич, герой Сопротивления, полковник Советской армии, проживший очень интересную жизнь, воевавший в Италии, в Черногории, вступивший в жесткий конфликт с Тито, после которого был назван изменником родины и приговорен к расстрелу, не мог поддерживать отношения с родней до 1964 года, то есть до момента снятия Никиты Сергеевича Хрущева. После ухода с политической арены этого авантюриста и вообще весьма темной личности впервые после войны (это прошло 20 с лишним лет) приехали их родственники. Тогда я был первоклассником, я вообще впервые увидел иностранцев и черногорцев. Простые интересные говорливые смуглые крестьянские люди.

Но это предыстория, откуда появился интерес к Черногории. Я уже говорил, что в течение ряда лет регулярно там бываю с участием в конференциях, в чтении лекций, на отдыхе. Первый раз я попал в Будву в 1979 году по путевке по линии «Спутника», будучи студентом пятого курса. Это была очень интересная крутая поездка, почти запредельная. Югославия была процветающей страной. Там я впервые увидел в магазине жевательную резинку и первый раз попробовал (не помню сейчас, что это было) «Пепси» или «Фанту» из банки с колечком и маленькой дырочкой. Кстати, хочу заметить, что маленькие дырочки из российского потребления довольно быстро исчезли. Не знаю, насколько прав-

да, но говорят, что наши деятели сумели запатентовать нынешнее большое отверстие, которое мы видим сейчас на российских банках под названием «большой русский глоток». Черт его знает, если даже неправда, то достаточно интересно, элегантно. Так вот, это был развивающийся, процветающий курорт. Хотя весной перед нашим приездом (мы были в августе) там случилось сильное землетрясение: были разрушены дома, разрушен первый супермаркет, построенный в Будве, с одной стороны. С другой стороны, мы видели, как это бурно, активно восстанавливается, видели активных людей. Прекрасное море. И потом, появившись спустя много лет, я увидел другую Будву. Это Будва в стройках: в стройках коттеджей, в стройках оголтелой недвижимости, куда не самые честные из наших соотечественников в существенной массе вливали свои деньги. Понятно, что это не Лазурка и даже не Испания, но не лучшие россияне решили там распорядиться своими деньгами. Но, тем не менее, налицо было продвижение, развитие. В основном были русские туристы, мало европейцев, иногда мелькали украинцы, слышал украинскую речь. И вот произошли известные события в Европе, известные события с курсом евро и доллара и с Украиной. И последний приезд осенью 2015 года – пустые пляжи, в значительной степени пустые отели, мало русских, практически нет украинцев, стагнация, запустение, обида на Россию, сквозящая среди местного населения. Напоминает это, правда, анекдот про гаишника, который каждый день брал с

проезжающего нового русского по 100 баксов за нарушение правил, а потом, когда новый русский исчез и появился через месяц, гаишник спросил: «А где тебя не было месяц?» «Ездил на Канары отдыхать». «Что же, на мои деньги жируешь, гад?» Черногорцы обиделись на нас за то, что прекратился поток в известной степени дармовых и не самых чистых денег. Пустые пляжи, пустые кафе, грустные лица. И как следствие этого вступление Черногории в НАТО. Очень грустно за славянское сотрудничество и за славянское братство. В конце концов, вспоминаются слова, по-моему, Рокфеллера, что «лучше дружба, построенная на бизнесе, чем бизнес, построенный на дружбе». Последнее, видимо, актуально как в отношениях между людьми, так и между народами.

Миша Рождественский

Вообще жизнь была богата, почему была, и продолжает быть богатой на встречи, на хороших людей. Вот один из самых светлых людей, с которыми мне довелось повстречаться и дружить, это Михаил Рождественский. Доктор, некоторое время главный врач Каслинской больницы. Я не помню, писал или нет, но корни мои из Каслей. Дед, мои прадеды из Каслей были одними из руководителей Каслинских заводов. До сих пор сохранился дом Волеговых, магазин Волеговых и группа Волеговских могил на каслинском кладбище, которое по старине и насыщенности персонажей из прошлого и позапрошлого веков можно сравнить с некими столичными

некрополями. Так вот, Мише досталась достаточно трудная жизнь. Он построил Каслинскую больницу, много чего сделал. Потом был достаточно цинично задвинут в тень. Предали тогдашние руководители. Но Михаил не сломался. Имея в роду священнослужителей, он имел вот этот стержень. Его деды восстанавливали каслинскую и кыштымскую церкви, соборы. Потом случилась беда. Некоторое время назад, лет 10, у Михаила была удалена злокачественная опухоль в почке. И через 8 лет обнаружен одиночный метастаз в корне легкого. Как раз в то время мы запускали «Кибернож». Это была даже не фаза освоения, а фаза просто начала работы на нулевом цикле. Были очень неблагоприятные внешние условия вокруг диспансера, вокруг меня. Но Михаил выразил желание быть первым пациентом на этом приборе. Мы согласились, очень тщательно просчитали программу лечения, провели сеансы стереотаксической лучевой терапии и получили полный успех. С тех пор прошло уже несколько лет. Дай Бог, чтобы было больше. Дружба Михаила с клиникой и с нами сохраняется. И вот некоторое время назад он приезжает в диспансер и привозит приобретенную на Афоне икону Богородицы «Всецарица». На просьбу освятить и передать икону в дар диспансеру откликнулся митрополит Никодим. И вот с тех пор эта икона висит у нас в конференц-зале. Я думаю, что зримо, незримо, но она оказывает влияние на всех присутствующих, сглаживает конфликты, заставляет глубже думать над судьбами тех, кто доверил нам свою жизнь и здо-

ровье в руки, ответственнее относиться к тем судьбоносным решениям, которые в рабочем порядке, иногда в текучке решаются на утренних конференциях.

Люди, которые оставили след в жизни и памяти...

В этой небольшой главе хочется упомянуть людей, которые оставили яркий и разный след в моей жизни, с которыми мне довелось общаться.

Они будут упомянуты вне хронологии, вне таблицы о рангах и, может быть, вне силы и яркости оставленных впечатлений...

Прошу тех, кто встретит или не встретит свои имена здесь, отнестись к этому с пониманием.

Понятно, на первом месте это мои родители, моя семья и, прежде всего, моя бабушка Варвара Семеновна Волегова-Белоусова, которая научила меня практически всему, начиная от умения читать и писать и заканчивая адекватным взглядом на современную российскую историю.

Вот эти люди –

А Николай Сергеевич Андросов, Игорь Владимирович Ахримеев, Александр Михайлович Аристов, Евгений Николаевич Авронин, Дима Альтман, Иван Степанович Анищенко.

Б Паша Бессолицин, Галина Братникова, Ольга Баранчугова, Сергей Бухонин, Катя Бургвиц, Игорь Бурко.

В Илья Волчегорский, Васильева Тамара, Анна Веснело-

ва.

Г Вадик Грабович, Валера Гамза, Виталий Грищенко, Наталья Горлова, Ахмет Гюлов, Ирина Гехт.

Д Софья Львовна Дарьялова, Слава Дмитриев, Илья Ильич Долгушин, Владимир Григорьевич Дегтярь, Лев Абрамович Дурнов, Борис Александрович Дубровский, Миша Дымников, Слава Дудник, Борис Иванович Долгушин.

Е Галина Степановна Ефимова.

Ж Михаил Васильевич Железнов, Юрий Жунедович Жириков, Саша Журавлев, Гена Жаринов.

З Гриша и Андрей Задорожные.

И Владыка Иов.

К Зинаида Васильевна Калинина, Алексей Викторович Козлов, Андрей Николаевич Косилов, Илья и Татьяна Ковачевич, Алексей и Татьяна Кобылко, Сашка Каплунович, Петья Карнаух, Валерий Иванович Кирюшкин, Валера Колодин, Антонина Геннадиевна Купряшкина, Арнольд Израилевич Козель (рэбэ), Андрей Дмитриевич Каприн, Сергей Клесун, Андрей Красильников, Артур Евгеньевич Клипфель, Клавдия Николаевна Костромина, Геннадий Андреевич Кожевников, Борис Каплун, Сергей Кремлев, Лена Кондакова.

Л Тамара Алексеевна Логинова, Саша и Лена Левиты, Андрей Лукин.

М Игорь Малявин, Светлана Ивановна Матвеева, Владимир Борисович Макаров, Женя Макаров, Юрий Станиславович Мардынский, Георгий Моисеевич Манихас, Гриша Ма-

тякин, Лия Маняк, Эдик Магда, Гена Мокичев, Ирина Сергеевна Михалевская, Ирина Мороз, Марина Москвичева.

Н Владыка Никодим, Миша Нечушкин, Валентина Павловна Нилова, Женя Назаренко, Татьяна Александровна Налимова.

О Олег Орлов, Сергей Олефиренко.

П Лидия Петровна Пинигина, Александр Сергеевич Павлов, Ирина Панова, Микола Иванович Пилипенко, Алексей Привалов, Григорий Иванович Петухов, Лида Прокофьева, Артем Петрович Пушкин.

Р Георгий Николаевич Рыкованов, Эдуард Акопович Рыбин, Евгений Владимирович Редин, Витя Редчук, Надежда Ивановна Рожкова, Игорь Владимирович Решетов, Люба Рассохина, Анатолий Николаевич Романов, Миша Рождественский, Владимир Николаевич Ручкин, Рейнгольд Эдуардович Раск.

С Петр Иванович Сумин, Сергей Геннадьевич Старицын, Вадим Павлович Соловьев, Володя Савченков, Валерий Владимирович Старинский, Владимир Алексеевич Солодкий, Раиса Георгиевна Санникова, Володя Сизых, Ирина Семенова.

Т Владимир Николаевич Тимофеев, Валерий Михайлович Третьяков, Юра Тарасов, Юрий Аркадьевич Тюков, Николай Иванович Тарасов, Виталий Рэмович Тесленко, Агата Ткачева, Дима Тарасов.

У Коля Устинов.

Ф Алексей Фокин.

Х Владимир Петрович Харченко, Игорь Хайденко, Татьяна Харисова, Оксана и Виталий Харины, Рустем Хасанов.

Ц Эдуард Гаврилович Цейликман, Земфира Сергеевна Цаллагова.

Ч Евгений Лхасацыренович Чойнзонов, Людмила Чернова, Валера Чикин, Михаил Чеплыгин.

Ш Владимир Николаевич Шевченко, отец Игорь Шестаков, Ирина Шимоткина, Юрий Степанович Шамуров, Насрулла Шаназаров, Александр Леонидович Шестаков.

Щ Виктор Борисович Щетинин.

Э Лев Яковлевич Эберт, Вадим Эрлих.

Ю Сергей Дмитриевич Югов, Югов Михаил Валериевич Югов.

Я Сергей Яйцев.

...

Уверен, что список не окончен и жизненное везение не завершилось и предстоит еще много встреч с яркими интересными людьми, которые оставят не менее яркий, но самое главное, только теплый след в памяти.

Мюнхен. «НВ»

2014-2015 годы. Существенно меняется ситуация в мире. И вот такой штришок. Летом оказываюсь в Мюнхене. Город, с которым много связано приятных и в большей степени тяжелых моментов в жизни. Но не могу отказать себе в удо-

вольствию зайти в знаменитую пивную «НВ», где бывали и Троцкий, и Ленин, и Гитлер говорил свои речи. Но, тем не менее, это некое такое сосредоточие, кульминация, доведенная до аффекта баварской германской пивной культуры. Зашли с товарищем в районе часа дня. Зал практически пустой. Заняли место за столом около оркестра, где упитанные мужики в кожаных штанах наяривают бравурные марши. Заказали пиво. Сидим, пьем. Через некоторое время на другом конце стола подсаживаются еще двое немцев, которые спокойно пьют пиво, не обращая на нас внимания. К нам подсакивает типа завзалом поляк и говорит: «Извините, этот стол забронирован за немцами, вот вам нужно пересесть подальше». Мы ответили: «Нет надписи «резервировано»». Но нам не хотелось конфликтовать, ссориться, хотелось пообщаться, поговорить. Мы спокойно перешли за соседний столик, допили пиво, расплатились с официанткой, выходим из зала и вдруг этот поляк с криком «стойте-стойте!» догоняет нас и начинает в полный голос спрашивать, а заплатили ли вы за пиво, рассчитались ли вы с официанткой. Я ответил: «А почему вы спрашиваете? Мы что, похожи на людей, которые не платят за свое пиво?!» «Так вы же русские!» Я не сдержался и очень грубо ответил: «Так не поляки же!» и сунул чек в физиономию. Такого представить себе еще год или три назад по отношению к клиентам в уважаемом заведении в принципе было невозможно. Увы, мир меняется.

Еще о братьях-славянах

Первая поездка за границу у меня была в 1976 году студентом второго курса. Естественно, в Болгарию. Традиционный маршрут, в том числе посещение Шипки. До сих пор стоят перед глазами (не знаю, кто это придумал) большие стеклянные кубы примерно по кубометру, даже больше, заполненные простреленными черепами и крупными костями людей со следами сабельных и огнестрельных ран. Вот такую цену заплатили Российская империя, русский народ за помощь братьям-славянам, которые в последующем во всех мировых войнах воевали на стороне наших противников и в Первой, и во Второй мировой. А потом с разбитыми носами и битыми физиономиями обращались к братушкам, братушки их спасали, кормили, одевали, проливали свою кровь, и все начиналось сначала. По сути, сейчас мы видим, видимо, третий в новейшей истории поворот после Первой и Второй мировых войн, когда болгары закрыли вход российскому газу на континент, а черногорцы вошли в состав НАТО. Обидно, если еще придется проливать кровь и жертвовать нашими соотечественниками ради неблагодарных и бездарных родственников. По сути, все, как и в обычной жизни.

Миасс. Праймериз

В 2015 году, как уже известно, задумал я поучаствовать в выборах в Законодательное Собрание. Надо сказать, что очень интересная эпопея, поучительная в плане познания

мира, родного края и людей. Одно из самых ярких впечатлений – это выступление на первом предвыборном собрании в клубе Златоустовского машиностроительного завода. Народа набралось не так уж и много: человек, наверное, 50-60 было. Естественно, активные пенсионеры. И вот после моего рассказа о том, кто я, что я, некой робости, встает старуха, очень похожая на Бабу-ягу, с таким классическим крючковатым пальцем, и повернувшись лицом к залу, спиной ко мне, громогласно заявляет: «А вот я его знаю еще кандидатом наук». И царит многообещающая пауза. «Мужа моего лечил». Ну, думаю, все, сейчас начнутся разглагольствования о том, что убили, зарезали, сожгли. Пиздец мне как политику... А она сказала: «Так вот, он лечил, и муж еще 17 лет после этого прожил». Не знаю, хорошо это было или плохо для бабки. Но на публику произвело скорее позитивное впечатление. А я избавился от страха перед своеобразной выборной аудиторией.

Еще одна картинка из выборной эпопеи. Недалеко от Миасса, километров 20-25, расположена совершенно необычная деревня Тыелга. Мы туда заехали не в надежде на голоса, всего 200-300 человек живет, но очень уж красивое, необычное место. Речка, которая весной и осенью перекрывает въезд в поселок. Старинное поселение еще с далеко дореволюционной историей. В центре небольшая площадь, окруженная столетними ивами. Новенький штaketник. Внутри сделанные жителями своими руками без всякого участия

бюджета и депутатов скамейки, качели, карусели для детишек. Дети, со всего села собравшиеся здесь. Добротные дома, везде антенны спутниковых телевизоров, спутниковой связи. Достаточно необычные небедные машины: чаще всего непаркетные джипы. Если уж «Нива», то от «Нивы» там только, пожалуй, корпус и эмблема. Справные мужики, не похожие на обычных деревенских людей, достаточно прилично, интересно, скорее по-туристически одетые женщины с приличной неброской косметикой. Собрались для разговора. Были удивлены, что впервые кандидат в депутаты заезжает к ним сюда. Поговорили. Из возможной помощи, возможных проблем осветили только одно – переключить бы электроснабжение с Кыштыма на Миасс. Потому что, когда весной были дожди, река разлилась, столб упал, не было электричества 5 дней, и у них электрогенераторы не вытянули, в морозильных камерах много продуктов испортилось. Подумалось, ничего себе деревня! Электрогенераторы, морозильные камеры. Уехали. Потом при случае у компетентных людей я поспрашивал, что это за село такое, чем они занимаются. Следов сельского хозяйства, кроме огородов, не видно совершенно. «Ты что, не понял, что ли? Старатели. И родители их были старателями, и дети были старателями, и эти старательствуют. Положенную толику в государство сдают. Себя не забывают. Живут замкнуто, состоятельно. Никто им не нужен». Пожалуй, единственный населенный пункт, единственная деревня, где мы встретились с

дельными людьми, не иждивенцами, которые сами себе сделали нормальную человеческую жизнь.

Бутафория

В 90-е годы многих, особенно представителей интеллигенции, захватило увлечение бутафорией. Появилась свобода в названиях, в титулах, в званиях. Появилось довольно большое количество кукольных бутафорских академий, за которыми ничего, кроме дипломов и красивого названия, не стоит. Различные ассоциации, союзы, центры. Конференции стали называться форумами. И так далее. И достаточно обидно было наблюдать ситуацию, когда казавшиеся дельными люди ударились в это увлечение. В частности, один из моих близких знакомых обвесил себя и свой кабинет до смешного громадным количеством псевдоакадемий и прочих-прочих наименований. Хотя если разбираться и смотреть чуть-чуть глубже, становится понятно, что с людьми все случается не случайно. Этот человек, который до сих пор не избавился от увлечения побрякушками, подобно обитателю джунглей, когда смотришь, склонен был к этому и раньше. Тяга к псевдоаристократизму, разделение окружающих на себя и людей с улицы, отношение к подавляющему большинству окружающих людей, как к «клеркам»... И понятно, что когда появилась возможность, очень охота самому себе присвоить «аристократические» звания, за которыми ничего не стоит, так же как за медным кольцом, вставленным в нос

папуасу, который мнит от этого себя самым великим, самым крупным, самым мудрым. Жаль людей, которые покупаются на эту дешевку, жаль тех, кто находится рядом с этими людьми. Особенно обидно, что некоторые из «бутафорцев» и без этой мишуры вполне достойно выглядели бы и в нормальной шкале ценностей...

«ВПК – ядерно-оружейный комплекс»

Урал характерен тем, что даже в условиях перестроенного и постперестроенного развала, развала державы, сохранил много настоящего, за что люди могут и должны уважать себя, уважать своих соотечественников и гордиться, что это есть, было и будет рядом с ними. Это такие предприятия как Государственный ракетный центр, Федеральный ядерный центр, Златоустовский машиностроительный завод, производственное объединение «Маяк». Определенную зависть вызывают люди, которым довелось работать в расцвет эпохи, когда в основе было дело и прежде всего дело, когда воздавалось талантам, воздавалось способностям, когда у руля стояли настоящие руководители, настоящие государственные деятели, которые за очень короткий промежуток времени трудом и талантом, а не спекуляциями и жульничеством создали высочайшие достижения технической мысли. Это ракеты Макеева, это ядерные боеприпасы Щелкина, Аврорина и Рыкованова. Очень жаль, что в доперестроенный период это все было до абсурда засекречено.

Если бы советский народ более детально знал о тех достижениях, которые имеет военно-промышленный комплекс, в частности наши уральские центры, уверен, что не было бы пути к власти той шпане, которая прорвалась к ней в конце 80 – начале 90-х годов. Очень горжусь, что мне довелось быть знакомым, дружным и поработать с этими предприятиями, с их руководителями и с людьми, которые с абсолютной уверенностью и гордостью могут называться научно-технической интеллигенцией и крупными большими учеными и патриотами нашей страны.

19 августа 1991 года

Очень хорошо помню этот день. Я был в отпуске. Мы проснулись утром, собирались ехать за грибами. Слышим по радио что-то совершенно непонятное, какие-то сообщения, потом знаменитое «Лебединое озеро». Надо сказать, что, несмотря на то, что ощущение приближающейся катастрофы витало в воздухе, пожалуй, с годов 1988-1989-х, но в тот момент я не мог представить себе, что все случилось и свершилось, и пена, которая захлестывала страну, берет вверх. Сложно рассуждать о мотивах, которые двигали руководителем ГКЧП, сложно оценивать технику исполнения, но то, что большинство населения страны, по крайней мере Урала, восприняло призыв к наведению порядка абсолютно адекватно, это совершенно точно. Я помню, как в течение 19-20-х чисел демократические средства информации веща-

ли о том, что в Челябинске ведутся танковые бои, что Чебаркульская дивизия вошла в город, хотя все было абсолютно спокойно, смиренно и хорошо.

Мое личное отношение к Борису Николаевичу Ельцину и к последующему периоду основывалось, как это ни странно, на американских представлениях о выборности и демократии. Там любой кандидат в президенты, в сенаторы, в губернаторы стремится быть своим парнем, чтобы каждый американец видел в нем человека, с которым можно выпить виски, пива, поболтать о том, о сем. Я с момента появления на политической арене Бориса Николаевича совершенно четко понимал, что будучи в командировке в поезде или еще где-то, я никогда с ним пить водку не сяду, от этого человека за версту пахло дурными приключениями.

Следующий день по значимости, который пришел так же внезапно и так же неожиданно, хотя было очевидно, что нечто безобразное надвигается. Это день подписания Беловежского соглашения. Я помню, утром, услышав это сообщение, я, честно говоря, не придавал ему значения, решил, что это опять какие-то очередные политические игры, да и мало кто тогда в стране мог предположить, что это настолько всерьез и настолько страшным образом изменит нашу жизнь, жизнь страны и судьбы миллионов и миллионов наших соотечественников, что фактически будут реализованы самые смелые планы наших извечных противников, геополитических врагов, расчленение Российской империи, а Советский

Союз – это, вне всякого сомнения, достойный наследник Российской империи. Очень обидно, что так получилось. И, безусловно, исторически очень интересно, что пришлось наблюдать эту историческую трагедию изнутри, частично пережив ее и связанные с ней невзгоды и самому. Множество поломанных карьер, особенно среди моих одноклассников, которые после школы в 1975 году пошли в технические вузы, в науку. К 1986-му, к 1991 году все это пошло под слом, сколько не востребуемых талантов осталось за бортом в нашей стране.

Моцарт и Сальери

Эта тема меня давно и всерьез интересовала. Тема действительно серьезная. С одной стороны, общественное мнение, романтически настроенные барышни, романтические настроенные учителя и классическая трактовка. Достаточно спорное, по-моему, произведение Пушкина и история говорят, что Моцарт – это светлый луч, Сальери – нечто темное, мрачное и вообще негодное. Хотя на самом деле отношения складывались не так. Сальери Моцарта не убивал. Но, даже не углубляясь в исторические реалии, а если взять просто художественные образы двух фигурантов, мне всегда был ближе Сальери. Сальери – человек, создавший реальную школу, человек, реально стоящий на ногах, трудяга, системник. Есть такая английская поговорка: «Система бьет класс». Любая система, если это здоровая система, создает структуру, со-

здает инфраструктуру и двигает прогресс. Моцарт – да, это нечто яркое, иногда украшающее, иногда уродующее, разрушающее, но бессистемное и не составляющее сколько-нибудь серьезной материальной основы в мире. Да, наверное, моцарты придают остроту, придают некую яркую раскраску, но все-таки даже в самой красивой птице главное не несколько ярких перышек, а ее способность летать, ее мускулы, ее крылья, ее голова. Если опускаться на совершенно приземленные сравнения, то, безусловно, Сальери – это здание, это фундамент, это коммуникации. Моцарт – это подкрашенный наличник. Сальери – это еда, это запасы на зиму. Моцарт – это пригоршня специй, не всегда брошенная в то блюдо, которое необходимо.

Даже самый яркий человек при несколько более длительном общении нас интересует не как автор каких-то ярких всплесков фраз, а как партнер, существо, на которое можно положиться, которому можно довериться. Именно такие люди имеют ценность.

Понятно, что моя точка зрения во многом и почти в основном не совпадает с наиболее распространенным и общепринятым взглядом, но я, безусловно, сторонник Сальери, себя я, наверное, тоже отнесу ближе к Сальери, хотя не чужд неким ярким вспышкам и высказываниям. Но сальери – это основа нашей цивилизации, это люди, которые создали наш мир. Моцарты лишь иногда где-то и не всегда уместно своими всполохами его раскрашивают.

О профессиях

Была такая книжка, в советские времена очень популярная – «Чем пахнут профессии» итальянского писателя Джанни Родари. Там очень хорошо все было прописано. Искажения, к сожалению, мы наблюдаем сейчас. Девальвировались настоящие профессии, где люди заняты делом, такие как учитель, врач, инженер, военный. На первый план вышло что-то непонятное: менеджер, банкир, посредник, а в общем, жулик и спекулянт. Есть у меня старший товарищ, которого очень уважаю, генеральный конструктор и генеральный директор Государственного ракетного центра, член-корреспондент Российской академии наук, профессор Владимир Григорьевич Дегтярь, который всегда подписывается очень просто: «инженер». Вот это я понимаю уважение к себе и уважение к профессии.

Хунвейбин

Совершенно закономерно, что мы все ближе сходимся с Китаем. Великий народ, великая страна с близкой экономикой, с понятными устремлениями. Но вместе с тем насколько мы разные и насколько по-разному подходим друг к другу. Некоторое время назад, будучи в Дайляне, познакомился с девушкой Леной, наша гид от руководства города. На самом деле она не Лена, а что-то очень мудреное типа цветка лотоса, проснувшегося на рассвете. Примерно так. Де-

вушка закончила обычный Даляньский (не Пекинский даже) университет, туристический факультет, русское отделение, потом три года стажировалась в России в различных городах Сибири. Я не помню сейчас, где конкретно. Но в одном городе она год проработала на вещевом китайском рынке под видом торговли, в другом работала в туристическом бюро, а в третьем – на официальной должности в мэрии по российско-китайским связям. Можно себе представить, насколько глубоко и хорошо она изучила наш менталитет и нас самих. Это подтвердил наш разговор, когда на мой вопрос: «Лен, объясни, чем отличается хунвейбин от дзяофаня?» она сказала: «во-первых, не дзяофань, а дзяфаньпэ, это по-русски немножко искажают, Хунвейбин – такой парень, очень хороший, очень интересный, приятный для барышень типа Павки Корчагина, но абсолютно непригодный к нормальной, спокойной, в частности семейной, конструктивной жизни, пользы практически от него никакой. А дзяфаньпэ – это злопыхатель, который при социализме ругает социализм, при капитализме – капитализм». Я подумал, Господи, а кто из нас настолько хорошо знает китайскую литературу и китайский язык, и вообще у скольких моих знакомых, носителей великого могучего русского языка, имеется такой словарный литературный запас. Вопрос, точнее, констатация факта: они нас знают, они нас видят, мы их – нет.

Иждивенчество

Вольно-невольно возникают мысли, сопоставляя историческое развитие страны с сегодняшним днем. Очень поздно в России было отменено крепостное право. Весь XVIII и XIX века российская интеллигенция, так называемое прогрессивное дворянство боролись против крепостного права, наконец, победили. Но как это блестяще описывает Салтыков-Щедрин, «победа и отмена крепостного права были не очень-то нужны крестьянам, и большинство крестьян встретило это явление крайне негативно». Иждивенчество, веками воспитанное в народе, дало себя знать, дает себя знать и сегодня. Если при Салтыкове-Щедрине крестьяне не хотели уходить от барина, потому что барин решает, барин судит, барин построит больничку, когда посчитает нужным, школу, церковь. Не построит – его можно за это ругать, разгневется – можно и усадёбку сжечь. Ну придут солдаты, ну заберут кого-то на каторгу... Но вместе с тем община будет жить. Ну побезобразит барин, ну попьанствует, ну девок и баб попортит в бане. Никому от той убыли большой нет. К сожалению, после двух мировых войн и Гражданской войны, когда самые лучшие, самые смелые вставали в атаку и гибли, определенная селекция народа произошла.

Прошла выборная кампания, в ходе которой приходилось общаться со всякими людьми. Но более всего меня поразила когорта садоводов в городе Златоусте. Город этот с большим количеством безработных, пенсионеров, которые в 90-е годы были уважаемыми людьми, занимающимися квалифициро-

ванны́м тру́дом, были выброшены за пределы заводов, и для многих садовые участки стали средством существования. Я тоже садовод. Есть участок, который содержится больше для отдыха и развлечения. Скорее это не сад, как принято у нас называть, а дача. Так, немножко огурчиков, помидорчиков и десяток кустов картошки, рассаженных тайком от жены по разным углам, чтобы в августе можно было копнуть и с первой помидоркой и под рюмочку водочки съесть.

Так вот, я не идеальный садовод, занимаюсь этим от случая к случаю. Я думал, что приеду в сады, которые для людей являются основанием их благосостояния. Оказалось совсем не так. У меня-то в саду все идеально. А вот эти участки, которые во многом кормят людей, от степени их запущенности я просто ужаснулся. Плюс к этому абсолютное нежелание что-то коллегиально решить в плане дорог, дорожек, внутреннего благоустройства. Кто-то должен сделать, кто-то должен принести, кто-то должен все решить. Особенно поразила меня ситуация, когда в одном из кооперативов были отсыпаны за казенный счет дороги, и мы услышали жесточайшую критику со стороны садоводов, что надо было шире, тут нужно было расширить, тут нужно было сделать откосы. Это при том, что последние 20 лет дорогой к саду вообще не занимался никто. Вот тебе и Салтыков-Щедрин, вот тебе и исторические параллели. Грустно, господа.

Любимые книги

Тема очень интересная, достаточно часто обсуждаемая. Но мне кажется неким лицемерием называть какие-то отдельно любимые книги на всю жизнь. Есть, конечно, литературные произведения, которые охватывают и увлекают на большой период жизни, но, тем не менее, нужно делать поправку на возраст, на окружающую среду, на разные эпохи, на разную моду, на разные увлечения, на разные взгляды. Мы не свободны в обществе. Достаточно вспомнить с точки зрения литературы достаточно интересный период с 1986-го по 1989-1990 годы, когда интеллигенция или то, что я называю интеллигенцией, выписывали большое количество литературных журналов, читали их. Когда в ординаторских постоянно слышались разговоры по обсуждению того или иного произведения, тех или иных литературных новостей. Сейчас этого нет близко. Пытаюсь разговаривать с докторами на эти темы, но количество читающей публики среди людей образованных и занимающихся серьезной профессией, не люмпенизированных неуклонно сокращается. Да и то, на чем нас купили в перестройку, достаточно сомнительные подделки Анатолия Рыбакова типа «Детей Арбата» со штампами, поверхностными взглядами, таким слюнявым розовеньким сюжетом.

«Ночевала тучка золотая» – весьма проблемная вещь. Выделю, пожалуй, «Новое назначение» Бека, «Зубра». Книжки, посвященные Тимофееву-Ресовскому, персонажу с весьма сомнительной репутацией, вообще малопонятному, пред-

ставленному, правда, абсолютно святым, носителем абсолютного разума. Что, я думаю, на самом деле не соответствовало действительно, тем более что мне довелось знать людей, которые с ним работали и знали его лично. Безусловно, масштабная эпоха, масштабная фигура.

«Белые одежды» – интересный роман по сюжету, посвященный якобы благому делу – разгрому лысенковщины. Но не все так просто в науке, не все так просто в этой теме. Вообще, как показывает жизнь, оценки людей и событий носят синусоидальный характер. Сначала Трофим Денисович Лысенко был абсолютным благом, потом стал абсолютным злом. Но нельзя забыть такой факт, что именно с его подачи были введены те самые существенные добавки к профессорско-доцентским окладам, именно он был инициатором привлечения талантливой молодежи, создания условий для молодых ученых в 30-е годы. Потом, правда, об этом забыли все те, кто пользовался этими благами.

Александр Беляев – один из талантливейших писателей нашей эпохи, нашей страны, да и, наверное, всемирной литературы. Был пропагандистом идей Трофима Денисовича Лысенко. В частности, «Звезда КЭЦ», на мой взгляд, представляет собой просто манифест лысенковщины, где было показано, что внешняя среда может изменять наследственные свойства организма. Трофим Денисович учил, что социальная среда может изменить сущность человека, но как показало дальнейшее развитие науки, ген оказался делим,

и доля истины в суждениях Лысенко, конечно, была, а Вейсман и Морган правы не на 100 процентов. Но это совершенно нормальная диалектика развития.

Если порассуждать дальше, восприятие книг и понятие «любимые книги», то в свое время одна очень умная женщина мне сказала, что надо стремиться читать книги в том возрасте, в котором их писал писатель, тогда возникают понимание и гармония. Достаточно глупо и примитивно было в 8-м классе преподавать нам «Евгения Онегина», которого Пушкин, уже будучи зрелым человеком, писал 30-летним светским львом. Потом, когда я «Онегина» перечитал именно в этом возрасте, книга открылась совершенно с другой стороны – более глубоко и емко. Надо сказать, что преподавание ряда произведений в школе вызывает непонимание, а часто даже отвращение. Трудно требовать, чтобы школьник в 9-м классе понял трагизм героев Достоевского и ту мерзость российской жизни, в которой находился писатель. Хотя при этом не нужно забывать и о личности писателя. Про того же Пушкина Бенкендорф писал, что «человечек ничемный, скандалист, за что ни возьмется – везде провал, одно, что стихи иногда приличные пишет». Не надо забывать и того, что главный пушкинский цензор Николай I взял на себя выплату всех долгов, которых Пушкин оставил за собой великую кучу, и спас семью не только от нищеты, но и обеспечил достаток.

Влияние среды также очевидно. Тот же Павка Корчагин,

о котором уже упоминали, скажем, в 70-е годы прошлого века, в годы нашего юношества, казался абсолютно идеальным героем. По книге был снят прекрасный фильм, но жизнь изменилась, условия изменились, изменился и взгляд на этого героя и на всю ту ситуацию, которая присутствует в произведении. Совершенно общим местом, даже хорошим тоном в какое-то время было смеяться над произведениями, написанными якобы Леонидом Ильичом Брежневым «Целина», «Возрождение», «Воспоминания и размышления». Хотя на самом деле понятно, что писал это не Брежнев, писали это талантливые писатели. Но это важный исторический документ – документальные воспоминания крупного государственного деятеля. Если эти книги прочесть с этих позиций, то небесполезно было бы сейчас вернуться к ним в оценке нашего прошлого.

Давайте посмотрим, как эволюционировала научная фантастика. Допустим, взять тех же мэтров нашей фантастики братьев Стругацких. От совершенно светлых ранних произведений «Понедельник начинается в субботу», «Путь на Амальтею» и других той эпохи. Я думаю, те, кто любит фантастику, понимают, о чем я говорю. Раннего Кларка, раннего Айзека Азимова и ряда других. Вера в прогресс, вера в то, что общество развивается по восходящей, если не по спирали, то линии. И возьмем сегодняшнюю фантастику. Довольно мрачные тупиковые произведения. Уже никто никуда не стремится, как правило, все сюжеты сводятся к борьбе всех

со всеми или борьбы отдельных героев с неким абсолютно абстрактным злом. Не вызывает это большого оптимизма, но, как говорится, есть то, что есть.

Если к литературе можно отнести литературные пародии и некоторые виды разговорного и эстрадного жанра, то здесь эволюция вообще ужасающая. От Аркадия Райкина, который талантливо и смело говорил об общественных пороках и проблемах через банальное передразнивание сверженных и ушедших в небытие генсеков: Леонид Ильич Брежнев, Ельцин, Горбачев, мы видим полную деградацию этого жанра вплоть до откровенного примитивного кривляния. Не буду называть исполнителей. Они постоянно на телевидении, вы их всех знаете и видите.

Если возвращаться к теме, что есть любимые книги, то это, наверное, книги, которые действительно оставляют след в твоей жизни и оказывают некое влияние на формирование тебя как человека и на твою судьбу. Для меня это «Незнайка на Луне», ранние Стругацкие, Артур Кларк, «Остров сокровищ», «Таинственный остров», «Дети капитана Гранта», «Остров Крым» Аксенова, безусловно, произведения Салтыкова-Щедрина и Джека Лондона. Это, безусловно, «Унесенные ветром» – эпохальное произведение об уничтожении цветущей и развитой цивилизации. Очень интересно, что по-украински эта книга называется «Похуело со вихором». Вот так вот, как российской культуры, так и американского юга с его высочайшей культурой как не бывало в результате

известных общественных процессов ...

«Остров Крым» В. Аксенова

Удивительное произведение, оказавшее на меня глубокое впечатление, и когда оно было напечатано в журнале «Юность», и совсем недавно, когда случились известные события в Крыму. Это, наверное, говорит о таланте писателя, об общественном чутье Василия Аксенова, который не рядит себя в одежды идеологического гуру. Эта книга о том, чего не было, но могло быть, и о том, что свершилось, но не так, не в то время, совершенно не в той ситуации и не всегда к месту. Любовный сюжет, нанизанный на глубокие рассуждения автора о современной истории Советского Союза и России и удивительные исторические перспективы, что могло случиться и что не состоялось. В известной степени присоединение Крыма к России – это продолжение этого романа. Книга будит ассоциации, будит мысли. Понятно, что история не терпит сослагательного наклонения, но рассуждать мы можем и должны, а что было бы, если бы было так. А если бы действительно красные не форсировали Сиваш, а если бы что-то случилось с Лениным, а если бы по-другому себя повел Троцкий, а если бы в 1937 году победил заговор маршалов, что и как было бы? Аксенов, конечно, не Солженицын, который сам взял на себя роль судьи русской истории и учителя нашего дальнейшего развития. Но все же срез событий, срез вероятностных событий, очень интересные че-

ловеческие судьбы и характеры, данные в «Острове Крым», заставляют о многом задуматься. Если кто-то не читал это произведение, советую прочитать. Напоминаю, что написано было в 1980 году, положено в стол, а вышло в «Юности» в 1986 году. Но второе прочтение произошло в 2014 году после возвращения России Крыма. Мне кажется, очень умная, талантливая книга, заслуживающая большого внимания. Ее я бы отнес к числу своих любимых.

Куба – любовь моя

Из разговора с кубинским гидом: «Официально на Кубе проституции нет. Но договориться всегда можно. Если вы окажетесь хорошим человеком и понравитесь девушке, она денег с вас не возьмет». Вот так. Социализм.

Куба и масоны

С громадным удивлением в центре Гаваны я увидел на крыше высокого куполообразного здания совершенно масонский циркуль. Спросил у гида, что это. Она охотно с улыбкой пояснила, что это штаб-квартира латиноамериканских масонов. Я спрашиваю: «А как Фидель?» «И он – масон, и Че Гевара – масон, и Сьенгофуэрос и Рауль тоже масоны». Таким образом, приоткрылась ситуация своеобразных отношений Кубы с остальным миром и с нашей страной в том числе. Согласитесь, достаточно прикольно: Фидель Кастро – масон.

Формула счастья

Когда только начинались заграничные поездки, в том числе и в страны отдаленные, мы мир открывали для себя, в том числе мир алкогольных напитков. Много было незнакомого, непознанного, вообще непонятного. И дабы упростить ситуацию выбора напитка на вечер, один уважаемый и известный онколог предложил такую формулу: нужно градусы умножать на количество миллилитров в бутылке и делить все это на цену. Чем выше показатель, тем больший эффект дает каждый вложенный доллар или тугрик в покупку напитка. Надо сказать, что в плане убойной силы формула работала абсолютно беспроблемно, но в плане вкусовых качеств давала иногда сбои.

Браконьерские деликатесы

В 90-е годы в период написания моим другом Валерой Гамзой кандидатской и докторской диссертаций решил он меня приобщить к охотничьему делу. Кстати, охотником я так и не стал. Но уйму интереснейших впечатлений получил. Так как-то в феврале берет он меня с собой к знакомым браконьерам. Погода была холодная: далеко за 20. Сначала мы ехали на «Буране», потом где-то на опушке уже в глухомани большой «Буран» бросили. Лыжи были спрятаны в потаенном месте. Обошли полянку кругом, чтобы не оставить следов, и вышли к полуземлянке, к полуизбушке,

приткнувшейся к довольно крутому горному откосу, внутри была печурка, снаружи – родник, который даже в 20-градусный мороз не замерзал, накрытая палатка с грудой камней. Вечером, кстати, там устроили баню по-черному. Потрясающе. Когда по снежному коридору (а снега было почти выше головы) бежишь из этой палатки-бани в домик, где топится печка, потрясающе. И вот там я узнал две вещи. Первая, около избушки сугроб, утыканный как ежик водочными бутылками. Я спрашиваю: «А что это?» «Это водка готовится». Я спрашиваю: «А что ее готовить?» «Ну как? Водка, чтобы стала «глицериновой», она должна не менее 20 часов пробыть при температуре не выше 20 градусов. Тогда образуются крупные кристалло-гидраты из воды и спирта, меняются физические свойства водки – она становится похожей на глицерин, меняется вкус и меняется физиология действия». И действительно, такая приготовленная неспешно на природе водка оказалась на редкость вкусной и, наверное, даже полезной, лилась точно как глицерин или подсолнечное масло, нет, скорее, как глицерин все-таки.

И вторая. Браконьерский деликатес. Рядом с избушкой был разложен очаг, над очагом стоял котел с чем-то абсолютно черным, замерзшим в лед. Я спрашиваю: «А это что?» «Это браконьерские пельмени». Но после того как устроились, разожгли костер, варево растопилось. Это оказался очень густой до черноты мясной бульон, где плавали куски лосятины и комки теста. На вопрос «а где же пельмени?»

мне совершенно аргументированно ответили: «Какие тебе пельмени? Кто же тебе будет лепить, жевать будет? Вот так и ешь». Мужики в течение двух недель, сколько там были, периодически подкладывали новые куски мяса, подливали воды, бросали куски теста и таким деликатесом питались. Надо сказать, что после баньки да под глицериновую водочку лучше ничего я никогда не ел. Спасибо большое Валере за эти экскурсии на уральскую природу и познание родного края.

Французская грамматика

Если вы обращали внимание, во французском языке особенно, как и в ряде других западноевропейских, букв в слове намного больше, чем звуков. И читается едва ли половина из них. В чем дело? Оказывается, ларчик открывается по-русски просто. В основе обыкновенное жульничество. В средние века грамотные люди были на вес золота и стоимость бумаги, стоимость письма зависели от количества букв, которые вывел писец. Отсюда своеобразие галльской грамматики и галльского лукавства. В Reugeot четыре звука занимают на машине чуть не полкапота.

Отцы и дети

Некоторое время назад подарили мне небольшую иконку, где изображены Христос и его отец. Вообще в Библии в привычном богословии, как правило, присутствуют Богородица и Христос. Отец, плотник, как-то на вторых ролях или от-

сутствует вообще. Хотя на самом деле тема отцов и детей очень важна. И, наверное, в развитии и становлении Христа как человека и богочеловека отец сыграл не последнюю роль. Плотник, который знает, что он воспитывает отнюдь не своего ребенка, воспитал, вложил силы, наверное, душу. И не только, я думаю, благодаря Святому Духу, но и благодаря отцу Христос стал тем, кем он стал.

Вообще история имеют много парадоксов на эту тему. Взять, допустим, проблемы Сталина и его сыновей. Конечно, отец Сталин отдал своего сына в жертву высшим интересам государства, народа согласно своим представлениям о том, что есть на сегодня высшая ценность. К сожалению, этот отцовский подвиг сегодня совершенно забыт, где-то, может быть, оболган, но, во всяком случае, не был по-настоящему оценен ни в советские, ни в постсоветские времена, хотя, я думаю, сам сюжет и психологизм ситуации могут стать вровень с самыми значимыми и известными трагедиями в истории человечества.

Следующая забытая история, точнее, вообще неосвещенная и неизученная. Это Берия и его сын Серго. Почему-то считается у нас в стране малоприличным, когда у талантливого отца появляется не менее талантливый сын. А судя по документам, по информации, которые дошли до нас, именно так и было. И Лаврентий Павлович был очень талантливым человеком, на мой взгляд, советский Рузвельт, может быть, советский Пиночет, который был в состоянии повер-

нуть развитие страны в совершенно другое конструктивное русло, лишённое завиральных идеологических штампов и представлений. Странно, конечно, что менее образованный и менее умный Никита Сергеевич Хрущёв сумел его перехитрить. Может быть, это связано с той супернагрузкой, которая была на нём в течение военных и послевоенных лет во время реализации атомного проекта. Может быть, и другие причины. Об этом, наверное, никогда не узнаем. Но феномен сына, который в молодые годы проявил недюжинные инженерные способности как руководитель службы аудио-контроля за союзническими делегациями в Ялте и Тегеране, был конструктором первых крылатых ракет, это никуда не денешь. Так же, как никуда нельзя деть тот факт, что, будучи советской «железной маской», лишен имени, лишен и биографии, не имевший права вспоминать вообще о своем отце, он с нуля поднялся, снова защитил соответствующие диссертации и снова занял ведущие посты в советском военно-промышленном комплексе в области ракетостроения. Но это тоже одна из самых серьезных исторических трагедий, о которых мне приходилось когда-то слышать. Сын, у которого отобрали отца, отобрали память.

Интересная тема «Отцы и дети», очень интересная.

Иуда – герой или иуда?

Еще одна интересная тема, о которой хотелось порассуждать, – это фигура Иуды. С одной стороны, канонический

изменник, абсолютное зло. С другой стороны, мне кажется, все не так просто. А может быть, действительно крамольные мнения, которые в последнее время имеют место быть. Может быть, Иуда был тот агент высшего разума, можно назвать его Богом или как угодно, который создал условия для того, чтобы Христос совершил свой подвиг и Христос стал Христом. Но при этом Иуда пожертвовал навечно своей репутации. Вспомним, какие терзания испытывал Христос в Гефсиманском саду накануне распятия, когда в нем боролись человеческая ипостась, человеческое тело, которое боялось смерти, боялось боли, и божественное начало, которое требовало от него этого – «ты должен совершить!». Это две программы жизненного бытия, которые схлестнулись в одном человеке. И кто знает, если бы Иуда не предал Иисуса стражникам, может быть, Иисус и сломался бы, может быть, и не совершил то, что должен был совершить. А может быть, Христос был и не единственным, и не первым. Сколько ходило тогда по Палестине различных проповедников... Но случилось, как случилось: Иуда передал Христа стражникам, и у Христа не было другого пути и другого выбора, как пройти Виа Долороса, на Голгофу и совершить то, что он должен был совершить. А Иуда самоликвидировался, как мы знаем, повесился, навеки очернив свое имя, очернив свою репутацию, но, быть может, тем самым создав условия для того, чтобы другой человек выполнил сверхважное задание. Скажите, пожалуйста, разве не похоже это на некие исто-

рические сюжеты, на книги, связанные с работой разведки, контрразведки, с подвигами подпольщиков в годы Великой Отечественной войны, во время чеченский событий? Мне кажется, очень похоже. И вот такие фигуры как Иуда и Христос мне лично кажутся ближе, и Христос становится понятнее, и понятнее его человеческое начало, и более понятны его терзания и мучения, и значимой становится фигура Иуды. Это не просто чернильное пятно, пометка в Библии, а очень важная фигура, которая помогла реализовать промысел Божий. Но, повторяю, это всего-навсего мое мнение, мнение человека, не очень компетентного в богословии.

Игорь Хайденко

Много идет из детства, много идет из юношества. Редко встречаясь с человеком из юношества, находишь его так же интересным и близким, как и тогда... Тогда мы формируемся как люди, формируются наши симпатии, антипатии, определяются типажи людей, с которыми нам близко, понятно, и неприятные типажи. Вот одним из таких ярких персонажей был Игорь Хайденко, который пришел к нам в класс после 8-го. Это была 31-я физико-математическая школа. Сразу хочу сказать, что в области специальных предметов он был, безусловно, сильнее всех нас, вместе взятых. Такой своеобразный мальчик, скорее, интроверт. Но мы с ним достаточно близко сдружились, и 9-10-е классы провели рядом за одной партой. Игорь очень интересно рисовал, у него был своеобраз-

разный почерк. Вообще человек был необычный. Всего два года, казалось бы. Были люди, с которыми я больше дружил и провел юношеские и детские годы. Но, к сожалению, не обо всех остались такие впечатления. Потом был институт, потом была жизнь, когда нужно было вставать на ноги, устраивать личную жизнь, семейную. И в общем, мы потерялись. В последний раз мы встречались в Москве в 1992-1993 годах, наверное, потом он приезжал в Челябинск в 1995 году, после этого не получалось. И на последней встрече, посвященной 50-летию нашей славной школы, славной без кавычек, потому что 31-я школа – это действительно уникальный феномен 60-х годов, когда создавалась научная база для развития промышленности и наукоемких производств на Урале, когда встал на ноги Челябинский политехнический институт, никакой не ЮрГУ, а мощный серьезный Политех с мощными факультетами, серьезной профессурой. И тогда же по образцу Новосибирска была задумана и реализована идея создать в городе физико-математическую школу для способных ребят. А я себя и моих одноклассников без тени кокетства отношу именно к ним. Нас действительно отбирали, нас действительно очень здорово, крепко учили. И многим жизненным успехам я обязан именно тому, что нам дала школа. Так вот, и в этой среде, когда было понятно, кто мы, что мы, куда мы будем поступать, подружился с Игорем, потом жизнь нас развела. И во время юбилея школы я совершенно случайно, а скорее всего, не случайно, получаю его новый те-

лефон, координаты. Связываюсь. Игорь откликается на звонок. Мы встречаемся в Москве. Конечно, очень интересно увидеть школьного товарища спустя столько лет. Я, наверное, уже мало похож на того, кем был, даже в 1995 году. И Игорь тоже такой своеобразный рослый ежик с живыми, как и тогда, веселыми глазками, своеобразной манерой речи. Мы провели чудесный вечер. Я думаю, что еще не последний. Очень легко и приятно общаться с человеком, которого хоть ты и не видел много лет, но достаточно хорошо представляешь стержень, который находится внутри него. Я очень рад этой встрече, думаю, что она не последняя. Игорь, тебе эту книжку я подарю обязательно, и в отличие от предыдущей, с дарственной надписью, а ты уж там рассудишь, насколько интересно все получилось. Привет.

Тайны «профессорятника»

В отечественной истории есть много душещипательных и жутких историй об использовании заключенных на «стройках века», Беломорканале, Магнитострое, Норильскникеле, «Маяке» и так далее... Большой хирургический корпус Челябинского областного онкологического диспансера также частично строился при помощи заключенных – это неизвестный, но абсолютно достоверный факт, чему автор свидетель, с этим связана такая история – в январе-феврале 1999 года было еще холодно и утром очень темно. Раз в неделю утром

проводилась строительная пятиминутка в помещении нынешнего МРТ, которое получило почему-то название зимний сад – был такой большой пустой зал с вечно потом протекающей крышей. Так вот, проводил это мероприятие вице-губернатор Андрей Косилов. По каким-то причинам мы с ним чуть припоздали и вдвоем по деревянному помосту поднимаемся к торцу здания и входим в коридор, где сейчас расположены кабинеты профессоров Яйцева и Пановой и «профессорятник». Идти надо было по длинному темному коридору, едва освещенному парой слабых лампочек. И именно в будущие кабинеты нашей уважаемой профессуры привозили заключенных женщин, которых потом разводили по 3-му и 4-му этажам, где они штукатурили и красили. Понятно, что двери были зарешеченные, как и указанные этажи – тюремный режим... И вот идем мы этим темным коридором в едва различимом свете лампочки ватт на 15 и слышим громкий шепот из-за решеток: «Смотри! Смотри! Какие два пухленьких красавчика идут! Их бы к нам сюда! Затрахали бы! Живые бы не ушли!» Мы с Косиловым резко прибавили шаг, и хотя нас с барышнями разделяла решетка и в общем-то девушек мы не чурались, как то мы заробели... Так вот, проходя мимо «профессорятника», вспоминайте эту историю!

Леонид Ильич Брежнев – взгляд спустя годы...

Под знаком этого человека прошли наши школьные и ин-

ститутские годы. Мы слушали речи, рассказывали анекдоты, постоянно видели его по телевизору. После смерти, да еще и при жизни он был персонажем анекдотов, не всегда умных, но часто смешных, остроумных, забавных. Сейчас прошло достаточно много лет, меня посещает мысль, а все-таки что была за фигура и такая ли историческая судьба престарелого клоуна на самом деле была его достойна? Мне кажется, что еще не пришло время оценить роль этого человека в истории нашей страны. Во-первых, это скорее трагическая фигура, он обладал самой достойной биографией из всех советских лидеров. Говоря на американский манер, «self made man» – человек, сделавший сам себя, получивший образование в 20-30-е годы, то есть тогда, когда образование ценилось, образованные люди стране были нужны. И он использовал этот шанс для вертикального лифта, участвовал в создании промышленности, рано стал крупным хозяйственным деятелем, пройдя все этапы роста, причем стал не на фоне скупки акций, как сейчас, или других манипуляций, а на фоне профессионального роста. Потом была война. Да, даже анекдоты поганые про Малую землю: «А не скрывался ли ты в окопах Сталинграда, когда шли бои на Малой земле?» Бои на Малой земле, и правда, были совершенно жуткие и имели колоссальное значение для итогов противоборства, и воевали там не в шутку. И политрук Брежнев просто физически на этом пяточке не мог сидеть в тылу и в укрытии. Но если брать итог войны, человек, который шел во главе

сводного полка фронта, а это был Леонид Ильич Брежнев, не мог быть назначен туда по блату. Ну не назначали ни Сталин, ни Жуков кого-то по блату вести сводный полк фронта по Красной площади в День Победы. Не было этого и быть не могло. В послевоенные годы Молдавия, Казахстан, целина. А если посмотреть немножко вглубь, то строительство Байконура происходило при секретаре ЦК Казахстана Брежневе. А потом он был секретарем ЦК по военно-промышленному комплексу. То есть наши космические и ядерные победы не обошлись без фигуры этого человека.

Свержение Хрущева – одной из самых неприглядных фигур нашей истории, полуграмотного самодура, который чуть-чуть не вверг страну в разорение и в пучину атомной войны. Слава Богу, что он возглавил эту группу, которая сумела мирно, без военного переворота, совершенно цивилизованно впервые за последний век в нашей истории убрать негодного руководителя от руля страны. Спорные, но жесткие действия в период пражского кризиса. И, наконец, самое главное, что при Брежневе впервые при российской, советской истории появился адекватный средний класс. Врачи, инженеры, военные, квалифицированные рабочие. Человек, если он не охламон, если он не раздолбай и не пьяница, тогда к 30-35 годам мог иметь классический набор для среднего класса на Западе, а именно квартира, дача, возможность проводить отпуск вне огородных грядок и дома, иметь некое хобби. Конечно, беднее, чем в Европе, конечно, не как

в Америке, но это был полноценный средний класс, который обеспечивал стабильность и комфорт в обществе. Потом, к сожалению, это все было утрачено, осмеяно и потеряно. Я думаю, что превращение фигуры Брежнева в некий комический персонаж во многом связано с тем, что люди, которые пришли вслед за ним, понимали значимость этой фигуры. Если посмотреть на другие аспекты его деятельности, он пытался воздать должное фронтовикам, потому что он понимал, что такое война. И давайте вспомним лексику. Вот при Брежневе доминировала 9 мая терминология и логика окончания войны, война закончилась. Это сейчас мы говорим, мы победили. Но победили-то не мы, а победили такие люди, как Брежнев, его современники и они говорили 9 мая «война закончилась». Это было для них главное.

Если говорить о расслоении в обществе, оно, конечно, было и должно быть. Расслоение в обществе – это стимул для развития. Но если мы посмотрим на партийные привилегии, которые имели место быть тогда на фоне той ответственности, которую руководители области, страны имели, и сейчас не будем говорить об олигархах, будем говорить о руководстве, это были просто детские игрушки, которые не шли в сравнение с тем, что появилось потом в последующие годы. Я предлагаю серьезно отнестись к этой фигуре, не клеить ярлыки и задуматься над фигурой Брежнева, который создал страну, внес вклад в Победу и созданный экономический задел, который мы не можем растащить, разорить и проесть до

сих пор....

Житейские мудрости

Одна мудрая профессор-онколог – Софья Львовна Дарьялова (вдова Аркадия Вайнера) в свое время в молодости учила меня жизни: «Андрюша, ни одну женщину никогда все-рьез не может обидеть сколько угодно неуклюжее и грубое приставание».

Украина

Я уже упоминал, что достаточно давние связи имеются с Харьковским институтом рентгенорадиологии и вообще украинскими радиологами. Одним из ярких представителей является профессор Николай (Никола) Иванович Пилипенко, директор Института рентгенорадиологии в городе Харькове. Кстати, институт расположен рядом с Институтом ядерной физики, где до войны Курчатов проводил первые опыты с ураном. Этот институт первый принял на себя пострадавших на Чернобыльской станции. Первые пораженные сотрудники, пожарные прошли именно там. Но, тем не менее, суть не в этом. Фигура Николая Ивановича достаточно самобытная. Такой украинско-советский профессор, проевропейски настроенный, одетый всегда на французский манер: беретик, шарф, прекрасно разбирающийся в искусстве. На этого человека легла всей тяжестью та разруха, которая коснулась советской, российской, украинский науки в

конце 80-х и в 90-е годы. Надо отдать должное его остроумию и политическому чутью. Вскоре после объявления о независимости, он получил известность и признание со стороны правых сил тем, что успел вовремя издать очень интересный словарь онкорadiологических терминов, словарь англо-украинско-российский. Есть у меня эта книжка с его дарственной надписью. Украинский язык вообще очень интересен, но некие названия просто вызывают восторг. Допустим, «рак вульвы» звучит как «пухлина пыхвочки». И сейчас, когда он уже достаточно пожилой человек, уже не директор института, видимо, достаточно обиженный новыми властями, вынужденно лишенный, по крайней мере, достаточно широкого научного общения, по крайней мере, с Россией точно, отвечает на мое приглашение посетить юбилей нашей клиники следующим письмом

Дорогой Андрей!

Искреннейше благодарю за память обо мне, проявившуюся в истинной роскоши приглашения меня на юбилей Центра, созданного Вашими усилиями, и потому особенно значительное для Вас торжество (знаю, что говорю не пустую любезность, но истину, ибо очень хорошо знаю роль личности, без которой "талантливый коллектив" оказывается малопродуктивным или и вовсе бесплодным).

Еще в самом конце 70-х имел удовольствие дважды (!) посетить старинный университетский город России Томск,

где я слышал не испорченную современными (по той поре уже) журналистами русскую речь, близкую к речи С. Петербурга образца допролетарского. К слову, еще единожды имел возможность наслаждаться бунинским языком в конце первой декады 21-го века в месте, поверите, для меня абсолютно неожиданным – Ницце, где ещё до сих пор сохраняется большая часть царского двора. Это было во время экскурсионной поездки по этому уютному городу в автобусе, в котором голоса разноязыких гидов были записаны и воспроизводились по выбору экскурсанта. Это был истинный шок для меня, когда, перебирая программы, я услышал, не постесняюсь сказать именно так, сладчайшую по тексту и звучанию русскоязычную программу.

Я просто отключился от созерцания дворцов, закрыл глаза и слушал.

Все это я вспомнил в связи с Вашим приглашением. Вы можете сразу сказать, что удивлены неожиданностью моих ассоциаций, и даже предположить некий подвох. Но ни в коем случае это не может иметь место, ибо ассоциации завязываются на факторах, имеющих важность разнородную, но важность факторов имеет место быть пренебреженной.

Итак, Урал. Я на Урале был в сказаниях о нем, сказаниях о Хозяйке Медной горы, о кладовых самоцветов и о "городе трудовой славы и героизма". В данном случае для радиологов это не стереотипные слова советских времен.

Сейчас я не могу со всей определенностью сказать о реальности возможности осуществить этот визит, по причине временной – перегруз планами и задачами. Но это будет моим приоритетом.

Искренне Ваш Ник Ив Пилипенко

Меня поразило не только стиль этого письма. Мы разучились писать письма. Служебные бумаги – да, электронные письма – да, а вот настоящие письма красивым русским языком, конечно, нет. Я счастлив, что имею этот документ эпистолярного жанра, написанный настоящим советским интеллигентом из Украины с глубоким уважением к России, к Уралу и профессиональному сообществу. Я рад нашей многолетней дружбе.

Друзья и родственники

Очень интересная психологическая задача, что есть родственники, что есть друзья. Родственники нам даются свыше и без нашего как бы к тому участия, друзей мы завоевываем и приобретаем сами. Давайте вспомним Тараса Бульбу: «Нет уз святее товарищества!» Родственные отношения в известной степени лотерейны: они тебе достаются или по наследству, или вместе с близкими людьми, которых приобретаешь в жизни, в частности с женами, с мужьями и мужьями детей – со всем шлейфом родственных связей. Понятно, когда существовали большие семьи с общим хозяйством, с

общим домом, с иерархической постановкой жизни, вот это была очень большая ценность. Сейчас, к сожалению, традиционный уклад большой семьи полностью разрушен. И ряда людей, которые кровно вроде бы являются родственниками, мы совершенно не знаем, мы с ними не общались, они в значительной степени потеряли свою ценность. Но вместе с тем в родственных отношениях есть определенный альтруизм: вот они даны и даны.

Что касается товарищества, то это процесс проб и ошибок, ошибок человеческих, иногда жестоких. Очень часто, с одной стороны, у меня в жизни друзья становились намного ближе родственников. И самые большие предательства тоже произошли со стороны «друзей». Покойная бабушка говорила, что никто тебя не сможет по-настоящему предать, как хороший товарищ, который знает о тебе много, и часто много больше, чем даже родственники.

Кургазак (сказка от автора)

В давние-давние времена жил рядом с Уральскими горами *богатый* курбаши. Неисчислимы были его стада кобылиц, тучи верблюдов и несметные орды овец. Очень богатый был курбаши, очень уважали его люди. Но мало ему счастья далось в жизни. Жена его рано умерла, но оставила после себя красавицу-дочку, которую нарекли Курга. Красавица росла знатная. И когда она вошла в возраст, к ней стали свататься различные беки и мелкие курбаши. Пригоняли табу-

ны белых кобылиц, верблюдов, увитых бисером, жемчугами в ноздрях, но никому Курга не отдавала свое сердце. И вот однажды получилось так, что зашел в стойбище курбаши из дальней страны иудейской жидовин-торговец по имени Зак. И приглянулся он чем-то Курге, и завязалась у них, как водится, любовь. Но как мог курбаши отдать свою дочь-красавицу Кургу за жидовина-торговца Зака из дальней страны иудейской и запретил смертным запретом. Посовещались Курга и Зак, посовещались, и убедил Зак убежать ее вместе с ним в страну иудейскую Holy Land, где они смогут жить вместе. Однажды ночью побежали они смелым побегом. Бежали-бежали к Уральским горам, от которых, если спуститься вниз и пройти через страну казахскую, выйдешь как раз к стране иудейской, к Средиземному морю. Но не повезло им: подломилась под ними земля и провалились они в глубокую-глубокую темную профунду. Ободрали кожу, изорвали одежду, поломали руки, ноги. Лежат, стонут, умирать собираются. Но со стен профунды начали капать на них капли воды. Стали они их слизывать языком. Больше они сделать ничего не смогли. Утихла боль, стали возвращаться к ним силы. Зажили раны. Срослись кости. И даже одежда пришла в порядок. Жили они, жили так, а вода текла все пуще, все сильнее, и пили они уже ее досыта и много. Набрались сил. А тут как раз прошло 9 месяцев со дня их побега, и родилась у них дочка. И хватило у них сил вылезти из профунды, и решили они вернуться назад в стойбище, поглядеть, может

быть, курбаши изменил свое суровое мнение. А курбаши все эти 9 месяцев плакал, убивался. 722 головы непослушным слугам отсек саблей. И тут под утро приходят к нему Курга, Зак и маленькая внучка. Потеплел курбаши сердцем, принял их назад в стойбище, подарил Заку саблю острую, шапку с лисьими хвостами, белую кобылицу и принял Зак веру курбашинскую. И остались они жить-поживать в стойбище и добра наживать. А народ стал ходить к этому источнику, что рядом с профундой, пить воду, становился сильным, больные выздоравливали, незрячие прозревали, старики молодели. И источник этот прозвали в честь открывших его Курга-зак. Вот такую воду вы сейчас пьете бутилированную газированную, негазированную в любом супермаркете Челябинской области.

Дополнение к афоризмам

«Отбросьте невозможное – и самое невероятное окажется истиной», – Шерлок Холмс.

Посольство Туниса

В центре старой Москвы, очень любимой мною, есть небольшой особняк, сейчас мало приметный, в котором расположено также малоприметное и не самое значимое в Москве посольство Туниса. Для тех, кто не знает, это просто посольство небольшой арабской страны, для тех, кто понимает и уважает отечественную историю, это особняк Лаврен-

тия Павловича Берия, где, очень не исключено, он был убит в июне 1953 года. Если есть аура у домов, если есть материализация мыслей, то сложно себе представить, какая глыба идей, сомнений, терзаний должна быть здесь. Ведь именно здесь обдумывались детали реализации атомного проекта, разведывательное обеспечение этого мероприятия, крупные политические решения, которые, увы, не были реализованы. Будете в старой Москве, увидите посольство Туниса, с уважением пройдитесь мимо этого здания и поклонитесь этому прошлому, и представьте, что не исключено, что здесь свершилась одна из самых страшных трагедий в нашей стране, определившая судьбы развития нашего государства.

Велик русский язык

Послушайте, как в переводе на близкий нам и уважаемый украинский язык звучит «Золушка» и «Лебединое озеро». Это «Пепелюга» и «Добуровое озеро». Взято с театральных афиш на территории некогда братской нам Украины. Русский язык велик, а украинский очень вкусен.

Что такое – настоящая работа!

Несколько лет назад, в возрасте где-то, наверное, лет 4, зашла ко мне на работу внучка. В первый раз оказалась у меня в кабинете и с порога удивленно спросила: «Дед, а ты здесь что делаешь?» Я ответил: «Работаю». «Пол в смысле моешь?» Вот нормальное реальное представление маленько-

го ребенка о реальной настоящей работе. Сермяжная правда.

9 Мая

Великий праздник. К сожалению, за последнее время во многом потерявший, у которого выхолащиваются и смысл, и суть. Я уже говорил, что если в 70-80-е годы говорили об окончании войны, то сейчас все больше говорят о победе. Но кто побеждал, кого побеждал? Вообще на тему войны написано очень много блестящих произведений, стихов. Я думаю, что нет ничего серьезнее и глубже «Василия Теркина». Некоторое время назад попалась книжка, кстати, челябинского в прошлом парня, известного поэта андеграунда Орлуши. Подаренная его одноклассницей, увы, покойной Мариной Кученковой. Я у него прочитал стихотворение, которое потрясло меня до глубины души. Пусть некая доля нецензурщины вас не смущает. По-другому действительно в русском языке сказать нельзя. А эти слова только усиливают психологический эффект. Честно говоря, после «Теркина» я бы это стихотворение поставил где-то близко по эмоциональному накалу и смыслу.

Вот о чем идет речь. Стихотворение Орлуши **«Мой дед идет по Берлину»**.

.....
Нагрянет лихая година –

Мой дед тихо скажет: «Не ссать!»

Дойдём до любого Берлина,

А «ХУЙ!» мы умеем писать!»

Первый магистральный тупик и еще о великом русском языке

Есть привычка читать то, что как бы читать не надо, в том числе этикетки, задники у бутылок, надписи на упаковках. И будучи в Москве, на молочном пакете я прочитал такой адрес: Первый Магистральный Тупик. Вслушайтесь: Первый магистральный тупик. Там расположен Московский городской молочный завод. Читайте этикетки, пейте молоко – увидите много интересного.

Это все мы и наша жизнь!

ЗЛОБОДУН, ЛАРИСКА и МОЗГОВИЧКИ (еще сказка от автора)

В одном не слишком теплом и уютном местечке стояла деревня. И жили в ней угрюмые люди, всяк занимался каким-либо делом. Кто землю пахал, кто плотничал, кто горшки да кружки из глины лепил, а кто плуги да косы ковал. Кто коров доил, а кто овец пас. И всё у них было, кроме доброты да веселья.

Вокруг деревни рос большой лес. И разных деревьев в нем

стояло полно: березы, осины, кряжистые дубы, красные рябины... Но более всего тянулось к небу строгих могучих сосен да суровых пихт. А под ними селились неприметно для людей маленькие мозговички. Ростом примерно с батарейку от фонарика или куриное яйцо они прозвание свое получили у лесного народа за веселый нрав, добродушную любознательность и острый ум. Когда они над чем-либо крепко задумывались, над головами появлялось едва приметное свечение и в лесу говорили, что это просвечивают мозги.

Мозговички веселились и играли все лето, собирали ягоды, желуди и грибы, а зиму пережидали в построенных под снегом теплых домиках, соединенных между собой подснежными ходами. В печах жарко горели дрова, мозговички пили чай из лесных трав, любовались засушенными летом цветами, наряжались в костюмчики из душистых трав, зажигали разноцветные огоньки, щекоча светлячков за брюшко.

Вот только с соседями, угрюмыми людьми, они не особенно дружили. Так, иногда дразнились, пугали заблудившихся в лесу малышей, пели взрослым обидные песенки... В общем, как-то не очень сложилось. Да и охраняли деревню, кроме прочих собак, два огромных злобных пса – Злободун и Кильдым-Куяк. Работа у них была такая, собачья, да и в жизни оба ничего доброго не видели.

Так что незачем веселым мозговичкам в угрюмую деревню приходить.

Но однажды у людей стало происходить нечто необыч-

ное, малыши просто забежали между домами. Это страшно заинтересовало мозговичков, которым прирожденная любознательность просто покоя не давала. Оказывается, появилась на деревне смышленная симпатичная крыса Лариска. Она не делала гадости, как многие ее родственники, не кусала детей, не отнимала у них вкусняшки. Просто бегала повсюду, просовывала длинный любопытный носик, смотрела умненькими глазками. И играла, играла со всяким, кто хотел разделить с нею радость и веселье. Но таких пока немного находилось в угрюмой деревне.

Но однажды произошло диво дивное – будто искорка вспыхнула в зимнем ночном воздухе! Как-то Лариска заигралась и подбежала почти вплотную в конуре Злободуна! Ужас!

Но он не только не порвал ее в клочья, как должен бы, а наоборот – смутился и отвернулся. С тех пор Лариска будто бы случайно все чаще появлялась возле песьей конуры. Как-то даже была угощена из его миски! Никто даже близко не смел подойти к Злободуну во время еды! А уж угощаться из миски! Это уже что-то совсем сказочное. Однако такое случилось...

Вскоре Лариску уже можно было видеть вечерами, выглядывающей из конуры. Ее счастливая мордочка почти полностью терялась в густой и длинной шерсти Злободуна. У неё даже норка появилась под конурой и Лариска уютно нежилась в своем новом жилище, когда наверху пыхтел и

ворчал по ночам несущий службу ужасный Злободун.

Глядя на подобную дружбу, к Лариске потянулись малыши. И она вскоре стала играть со всеми детьми. А те старались угощать её чем-нибудь вкусненьким. И, о чудо! В деревне зазвучал смех. Мозговички ушам своим не поверили. Сперва, робко неуверенно детский. Потом женский. Даже иногда изредка мужской. Лариска играла с каждым, резвилась, как летом, лакомилась у людей на зависть подглядывавшим из леса мозговичкам. Им так хотелось познакомиться и поиграть с нею. Но приближалась зима, дни становились все короче, ночи все длиннее и холоднее. Мозговички уже не вылезали из своих снежных лабиринтов.

Не все среди людей приняли новое, да и многие мозговички с неодобрением наблюдали за такой дружбой: ну, с ней-то все ясно – большой, страшный! Могучий! Главный во дворе! И его где-то можно понять – фигурка, мордашка! Но сторожевой пес и крыса! Нехорошо! Недостойно как-то...

Больше всего возмущался потерей пёсьей чести, конечно, Кильдым-Куяк. Очень ему не нравилось, что происходило в конуре у соседа! Хотя ему, казалось бы, какое дело до чужой дружбы?

И настал зимний праздничный день, Рождество. Бывшие угрюмые люди угостили Лариску крошками торта, кусочками сыра и сала, да еще дали ложку салата оливье. Много ли надо легкомысленной юной крыске, с которой подружился сам Злободун! И она забежала в угаре вседозволенности

на половину Кильдым-Куяка.

Старый грозный Кильдымыч своего не упустил – клацнули челюсти и Лариска бесформенной тряпочкой отлетела к краю леса...

Злободун бросился на помощь подруге. Да поздно, люди, зная его силу и нрав, позаботились о хорошей крепкой цепи! Рычал могучий сторожевой пес и выл, но ни Лариске не помог, ни Кильдыма не наказал...

Мозговички очень испугались увиденного, но самые смелые из них, собравшись с духом, подошли к Лариске, положили на пихтовые ветки и увезли вглубь леса. Там украсили ее самыми лучшими из летних цветов, самыми душистыми травами, принесли самых ярких светлячков, зажгли их чудесные огни. А сквозь морозную мглу виднелась огромная морда Злободуна с застывшей слезой...

Не перенёс такого горя некогда грозный пёс, да и люди пригорюнились. Меньше стало детского смеха.

Но дни шли за днями, кончилась зима, пришла весна, за нею лето. Жизнь постепенно возвращалась в привычное, проложенное многолетними заботами и хлопотами русло... И хотя деревня перестала считаться угрюмой, однако до искреннего и доброго веселья мозговичков взрослым и даже детям было ещё далеко. Такой дар у лесного народца предстояло долго перенимать.

Взамен Злободуна привезли нового пса, мозговички снова вышли на луга и полянки, запели свои смешные песни. Они

долго помнили веселую и добрую крыску и жалели, что не успели подружиться с ней. А у деревенских детей появилось много четвероногих друзей: хомячки, кролики, даже черепаха. Однако почему-то никого из них уже не называли Лариска.

Собачьи истории

Собака, как известно, друг человека и с этим никто не спорит, но она еще и друг диспансера. Вот о чем эта история – есть в клинике специалист – заведующий гаражом Сергей Бухонин, который помимо своих талантов охотника, механика, водителя и хорошего товарища, обладает еще и талантом практически мгновенно уговорить практически любого, самого злобного пса. История собак – обитателей гаража достаточно интересна для патриотов диспансера. Достаточно давно хозяином территории был громадный могучий пес по имени Лайф. Эта зверюга с аристократическим именем, наверное, имела в крови что-то и от волков – уж очень огромен, умен и лют был... но добродушен и справедлив! Однажды Сергей Бухонин откуда-то принес двух подростков бультерьеров – наглых и агрессивных беспредельщиков, нарушивших благочинный порядок в гараже. И вот однажды, устав от этого, Лайф совершенно спокойно подошел, взял голову буля в свою огромную пасть, пожевал старческими зубами и через некоторое время задыхающегося наглеца просто вы-

плюнул... После этого в гараже опять все было мирно и гладко...

Следующая собачья история – знаменитый Моня, который жил в диспансере чуть ли не со времен Нины Михайловны Дьячковой, то есть в добухонинскую эпоху... Это большой красивый черный пес, много лет была у него подружка, скорее жена, маленькая кривоногая и одноглазая дворняга (любовь, как известно, зла...), они охраняли территорию диспансера, как ее понимали (это не всегда совпадало с официальными границами), осваивали наши стройки, периодически рожали и растили щенков. Судьба щенков не всегда была благостна – пациенты расположенного тогда рядом туберкулезного диспансера железной дороги устраивали на них настоящие охоты. В определенных слоях нашего общества бытует легенда, что лучшее средство от туберкулеза – это не то, чем лечат врачи (они-то всегда не знают, что делают), а жир молодой собаки, лучше щенка... И вот эти чаще асоциальные типы с весьма странной моралью, часто на глазах пациентов детской областной больницы ловили несчастных щенков и тут же разделывали... Жаль, что не было тогда статей о жестоком обращении с животными и т.д.

Но жизнь есть жизнь, и это тоже было... Любовь же Моня и его подружки прервалась, когда в очередной раз они охраняли диспансер и своих щенков от прибудной стаи собак, собственно, билась-то жена, а Моня наблюдал и командовал... Дворняжку порвали на части... Моня отступил, сохранил се-

бя. После этого в одиночестве прожил еще довольно долго и умер в почете и уважении пациентов и сотрудников диспансера... Правда, как у людей !

Число автомобилистов в клинике нарастало, сначала нас было мало – счастливыми и гордыми владельцами «Запорожцев» были Ефим Беленький, я, Борис Жевлаков, Аркадий Афиногенов и Иван Степанович Анищенко, выделялся на нашем славном фоне со своей «Волгой» Евгений Семенович Князев (заведующий отделением торакальной онкологии), привезший ее из командировки в Алжир. Так вот – с тех времен повелось на дежурство ставить авто на территории гаража под охрану того же Лайфа. Это было надежно, но кусочек колбасы или котлетки с завтрака были обязательны!!! Машины гостей также ставились в гараж. Как-то приехали к нам на 99-х жигулях наши коллеги из Уфы. Поскольку мобильных телефонов еще не было, а Лайф еще был в силе, выйти из машины они долго не могли, а поскольку машина была незнакомая, Лайф на всякий случай прокусил им колесо... Вскоре все разрешилось, гости были извлечены из машины, колесо починено, машина Лайфом признана своей и находилась несколько дней под его охраной. Гости тоже были спокойны, хотя в те беспокойные годы 99-е «Жигули» были покруче «Кайена» сегодня...

Надо сказать, что приведенная выше сказка основана на реальных событиях жизни клиники – есть и реальные прообразы Кильдым-Куяка, Злободуна, реальностью была и руч-

ная крыса Лариска. Закончилось там все тоже грустно...

Что же касается мозговичков – пусть они живут и веселятся в голове у каждого из нас...

Новый год по-диспансерски

Новый год – самый ожидаемый и светлый праздник в нашей жизни! Никто не спорит!

Как же празднуют его у нас в клинике? С 1999 года мы необычно, не повторяясь, отмечаем этот любимый всеми праздник! Первый Новый год – когда надо было переезжать в новый корпус в 1999-2000 годы, несмотря на недоделки, это было необходимо, в эпоху взаимозачетов так было просто надо! К середине декабря стройка стала затухать и темпы воровства стали превышать темпы созидания (днем устанавливали 25 смесителей, за ночь воровали 31...), стало понятно что надо въезжать – пусть не работают 4 из 6 стояков, почти нет лампочек и навесных потолков – перескакивать надо, иначе после праздников от корпуса остались бы только рожки да ножки... И вот под Новый год была пробита стенка между старым и новым корпусами (тогда там был зубной кабинет Лили Дамировны). Большую помощь нам оказали, к радости дамской половины клиники, курсанты автомобильного и танкового военных училищ... Несмотря на активное «братание», кровати, тумбочки и оборудование были перенесены и установлены, и все-таки 31 декабря мы были в но-

вом просторном корпусе. Не все нас тогда поняли и подержали – были и подножки, и анонимки, и открытые выступления против «авантюризма»... Но мы вошли и, как видите, успешно работаем уже 16 лет в этом корпусе. Несерьезно как-то уже его называть «новым»...

Следующий Новый год мы встречали уже солидно – на месте нынешнего ПЭТа установили несколько привезенных грузовиков сосен в полный рост – и запылал огромный пионерский костер (с пожарниками было согласовано)! В 9 утра, когда костер запылал, а вокруг уже были песни и номера самодеятельности, почти весь медгородок был у нас – и не столько все пришли праздновать Новый год, как поглядеть, как горит новый корпус ООД! Поняв, что корпус не горит и главная забава не состоялась, приняли участие в нашем празднике! Новый год, конечно, это не пожар у ближнего, но тоже хорошо!

Примерно в те же годы у нас в городе открылся зоопарк, успели там побывать те, у кого были или маленькие дети, или внуки – остальные оставались в неведении... Через несколько дней после нашего посещения звоню я директору зоопарка, она спрашивает, как нам понравилось, отвечаю, что здорово, спасибо. Она отвечает, что рада, только вот зачем вы ослика мандаринами обкормили? Я делаю удивленный вид – да как можно?! Мы же все понимаем, доктора! Что ты мне говоришь, он уже третий день очень доволен, но оранжевым гадит.... Жаль, что так с осликом вышло, но мандарины он

правда уплетал очень азартно! И я был грешен...

Вот эта ассоциация – Новый год, мандарины и ослик, га-
дящий оранжевым, посещает меня очень часто в эти люби-
мые праздники...

Были еще бассейн и шампанское из резиновых шапочек,
Мизар, цирк, «Быстрой», музей управления УФСБ, аэрокос-
мический факультет ЮУрГУ и многое другое! А то ли еще
будет в нашей клинике под следующие Новые годы!

Любимые анекдоты

Существует большая серия украинских анекдотов, дей-
ствие в которых происходит, как древнеримских и в древ-
негреческих классических драмах, в одном сете и с одними
героями. Первые из них я привез в 1885 году с учебы на
кафедре клинической радиологии академика А.С. Павлова.
Так вот – действие происходит в Западной Украине, где те-
чет себе речка с зелеными бережками, стоят хатки, крытые
соломинкой, плетешки, колодцы-криницы... и сидит обыч-
но старенький дид в свитке, в шароварах с седеньким чубом,
и с ним и вокруг происходит разные события...

Вот первый из них, рассказан в сентябре 1985 года, когда
СССР был еще нерушим, а дружба народов несокрушима...
Только что прошел апрельский Пленум ЦК КПСС, и мы еще
в дурном сне не догадывались, что он нам принесет вместе
Михаилом Сергеевичем...

– Вот сидит дид и лове себе рыбку. И вдруг, тю! Золотая!

Дид берет ее за жабры:

– Давай зараз 3 желания. А она ему – будут тебе 3 желания, давай только скорей – жабры сохнут, дитки в речке плачут.

– Не журишь, хочу чтоб Хинляндия на Китай войной пошла!

– Идут. Давай второе!

– А хочу, чтоб как закончат, Китай на Хинляндию войной пошел!

– Идут! Давай скорее третье, жабры сохнут, дитки плачут...

– Хочу штоб как вдругорядь закончат, чтоб снова Хинляндия на Китай пошла!!

– Да пойдут! Тебе с того какой прок?

– Так вины ж по москалям туда-сюда, туда-сюда...

.....

Китайски пидорасы

Подбегает к диду малый внучек и вопрошает:

– А скажи, диду, кака сама гарна нация на свити?

– То мы, хохлы.

– А есть така нация, которая краше, чем мы, хохлы?

– Конечно, свит велик, нация тоже е!

– Кто ж таки, диду?

– То ж западенски хохлы!

– А ести таки люди, что краще самого наищирого западенского хохла?

– Свит велик, и таки люди тоже е!

– Кто ж таки?

– Так китайски пидорасы...

– Да як же так?

– Так вины ж жевты, и еще и блакитны!

.....

Валесик Телесик

Среди героев украинских анекдотов есть и такой герой – Валесик Телесик – мальчик-с-пальчик.

Вот одна из историй, приключившаяся с ним:

Как-то у пятницу поплыл Валесик Телесик на лодке по речке до бабушки. И вдруг из-за поворота выплывает навстречу громаденьска куча гивна и вопрошает громовым голосом: Валесик Телесик! Куды плывешь?

– До бабушки!

– Не доплывешь, бо я тебя сейчас сьим!

– Не сьишь, рассмеялся Телесик, взял весло и расплескав ее усю по реке и плыве себе дальше...

– А из-за другого поворота выплывает более громаденьска куча гивна и более громовым голосом вопрошает: Телесик! Куды плывешь?

– До бабушки.

– Не доплывешь, бо я тебя щас зараз сьим!

– Не съиш, – сказал Телесик, взял уже два весла и расплескав ее по реке (вот экология-то...) плыве себе дальше.

– А из-за третьего поворота выплывает зовсем громаденьска куча гивна и зовсем громовым голосом вопрошает: куды плывешь?

– До бабушки...

– Не доплывешь, бо я тебя съим!!!

– Не съиш опять отвечает Валесик Телесик. Плескав, плескав ее ... и расплескав только половину...

– А она молвит: вот видишь! Я тебя все же съим!!

– Не съишь, – сказал Телесик, бо я сам тебя съим! Взял и съил ее всю без остатка!!!

Вот так, дети, в сказках добро всегда побеждает зло...

.....

Солнце низенько...

И снова известное сельце, вечерет, у колодца-криницы собрались бабы, дивки, молодичицы – солнце низенько, вечер близенько, балакают...

– Галю! Як жизнь? Яко здоровье?

– Да яка жизнь? Яко здоровье? Серденько сдавило, поясницу ступило.

А бабы балакают, что к тебе вечер Миколка приходив... а утром Грицко вылазив.

– Вот бабы! Вот злыдни, едино местечко здорово осталось – иззавидовались!

.....

Англия

Лондон, лето, Гайд-парк. Небольшая группа молодых красивых девушек с плакатиками что-то активно выкрикивают, рядом скучающий «бобби»—полицейский...

Турист:

– Сэр! Что происходит?

– Проститутки бастуют, сэр..

– У них, что, низкие доходы?

– Сэр, посмотрите на их туалеты, да они зарабатывают больше члена кабинета министров...

– Может быть, дискриминация?

– Что вы сэр! У них забронированы лучшие номера в лучших отелях Лондона !

– Так что же им еще надо, сэр?!

– Так бляди, ж, сэр!

.....

В доме лорда раздается телефонный звонок

Трубку берет дворецкий Том, который служит у лорда всю жизнь, а отец служил у отца лорда, а дед у деда...

–Добрый вечер, Том!

–Добрый вечер, сэр!

– Как дела дома, Том?

– Все в порядке, сэр.

– Том, а где моя жена?

– Ваша жена, сэр, с вами в спальне ... сэр...

– Том, дружище, спустись в охотничий зал, возьми мой любимый винчестер и застрели, пожалуйста, мою жену и... меня...

– Хорошо, сэр...

Возня, три выстрела...

– Сэр, я все сделал, как вы велели!

– Том, а почему три выстрела? У тебя дрогнула рука или в доме лишние патроны?

– Ваша собака мешала, сэр!

– Том! У нас нет собаки!!!

– Простите, сэр, какой номер телефона вы набирали?

Чикагская украинская деревня

Несколько лет назад, ну, наверное, это был год 2012-2013, не было еще таких обостренных отношений. Так вот, был я в Чикаго на Конгрессе онкологов и небольшой компанией решили мы заехать, пройтись по местам, скажем «Брата-2» в районе Чикаго, где живут украинские эмигранты.

Район этот расположен довольно далеко от центра. Даунтаун виден, но не близко, очень интересно смотрятся вывески на украинском и английском, жовто-блакитные флаги, сидящие на завалинках дидки, с седенькими усами скобочкой, недобро поглядывающих на людей, которые на москов-

ской мове в открытую разговаривают, но без видимых следов агрессии. Между тем понятно, что основу составляют эмигранты, которые ушли вместе с нацистами в Германию, а потом оказались в Чикаго, но и эмиграция более поздней волны тоже есть в избытке.

Походив по району, мы решили пообедать. Зашли в украинский небольшой ресторанчик. Встретила нас очень радушно девушка из Львова лет девятнадцати от роду. Вывезли её лет в семь. Она хорошо еще помнила русский язык, угостила, предложила прекрасное украинское меню, украинскую кухню – и борщ, и вареники, и много чего, правда, сала не оказалось. На вопрос, не съели ли его москали, она сказала да не, то наши всё кончали. Очень интересно было то, что в меню не оказалось алкоголя.

– Так же сходите через два дома в сторону, есть лавка (я не помню, то ли Никола то ли Семен торгуют), купите горилки, приносите.

Традиционно в ресторанах проводится совершенно иная политика.

– Ну как так лицензия на алкоголь дюже дорогая, наши человеки прижимисты и они по барным ценам горилку сроду пить не будут.

Они ходят в соседнюю лавку, покупают горилку, приходят, горилку пьют, и лавке хорошо, у нас закуски покупают и всем очень здорово.

Мы по ее совету сбегали в соседнюю лавку купили

несколько бутылок перцовой «Немировки», спрашиваем, ну а «Немировка»-то с Украины, с Киева ввозится? О не, с Лихтенштейну. И вот так замечательно проведя день, познакомившись с великолепной украинской девушкой, насладившись украинской кухней, мы вобщем-то не предполагали, что спустя три, четыре года едва ли возникнет желание, и возможность без риска получить некий скандал, неприятные эмоции посетить снова этот район, а вообще очень жаль, очень жаль.

Языковые корни

Где-то, наверное, в 60-е годы, когда я был еще совсем маленьким и у нас во дворе жили люди совершенно разных сословий и званий, были популярны детские дворовые игры с явно немецкими корнями «штандер» и «швай». Это было что-то связанное с бросанием ножика с очерченной территорией с прыжками. Не углублялся сильно в изучение правил и языкознания. В других регионах это называлось ножечки и еще как-то. Кто его знает, вполне возможно, что какая-то игровая практика осталась от немецких пленных, которых в Челябинске было достаточно много. Они работали на ЧТЗ, строили новые улицы в городе. Наверное, вот такое языковое взаимообогащение имело место быть.

По крайней мере, интересно.

Аудиокниги

Это достаточно новое в культурной жизни явление мне кажется очень интересным и полезным. Много времени мы проводим в автомобилях, в самолетах, в поездках, и за счет аудиокниг (а подсел я на них давно, наверное, лет 10 назад) я, во-первых, освежил в памяти многое из того, что читал ранее, и существенно восполнил дефицит того, что не было прочитано в молодости или в положенное время. В частности, абсолютным открытием для меня стал Салтыков-Щедрин. Имеется в виду не сказка о премудром пескаре, а серьезные произведения типа «Пошехонской старины», «Господ Головлевых». Совершенно по-другому звучали Пушкин – «Евгений Онегин», «Капитанская дочка», «Война и мир» Толстого и довольно большое количество различной детективной и развлекательной литературы. Заново в который раз прослушал «Таинственный остров» Жюль Верна и еще раз убедился, насколько великолепный, грамотный и светлый писатель был Жюль Верн, какие блестящие светлые образы написаны им. Я уже говорил, что Сайрус Смит, на мой взгляд, является одним из сильнейших литературных героев. Это квинтэссенция торжества образования и научных знаний.

И это все в часы, которые мы обычно бездарно теряем...

В одном из интервью с президентом я узнал, что он тоже увлечен аудиокнигами, интересно было бы эту тему обсудить... У него ведь еще меньше свободного времени...

Олег Орлов

Одно из распространенных заблуждений состоит в том, что настоящие друзья появляются в детстве или юношестве, они из школы, из студенчества. Частично это правда, но только частично. Чем мы моложе, тем в появлении друзей, приятелей больше играет роль случай, стечение обстоятельств: оказались в одном классе, в одной группе. Согласитесь, никакого сознательного выбора при этом нет. Меня с одним таким «другом» познакомили его и моя мама перед походом в первый класс. И много-много лет мы дружили. Правда, в этой дружбе один, как правило, пользовался другим, и я отнюдь не был в плюсе.

Речь не об этом. Речь об Олеге Орлове – очень светлом человеке, с которым мы дружны уже 20 лет. Согласитесь, что в зрелом возрасте это большой срок, тем более живем мы достаточно далеко друг от друга. Олег – заведующий кафедрой онкологии Пермского медуниверситета, значительное время главный врач Пермского онкодиспансера. Но дело опять не в этом. Человек очень близкий мне духовно. Существует такая версия по Фрейдю, что мотивирующая дружба с первого взгляда, любовь с первого взгляда, мне кажется, достаточно интересной, по сути. Когда мужчина видит женщину, он мгновенно на подкорке решает, буду, не буду, женщина, видя мужчину, решает, дам, не дам. Причем в зависимости от социума и конкретных условий может проблема решаться по-всякому. Может быть любовь, семья, может быть про-

сто даже незнакомство. А есть же люди, с которыми мы регулярно здороваемся в транспорте, в подъезде, даже не зная, как их зовут и кто они такие. Когда мужчина видит мужчину, тоже возникает нечто такое. Но, я думаю, что здесь основано скорее на том, повернусь я к нему спиной или не повернусь, не рискую ли я получить сзади каменным топором по башке. Те, кто ошибались, получали, я думаю, что не выживали. Поэтому я в своей жизни этому чувству верю. Так вот, с Олегом познакомились в незапамятные времена, когда я только-только избранный заведующим кафедрой лучевой диагностики, лучевой терапии, организовал цикл по приглашению Пермского диспансера и приехал туда. И отношения как-то сразу заладились, мы сразу сошлись, нашлось очень много интересных тем, подружились жены. Надо сказать, что Зоя вообще была очень разборчивой в людях и в отношениях ставила очень высокую планку, чаще более высокую, чем я. Она была менее снисходительна к людским слабостям, грехам и порокам. Вот Олег в ее глазах был абсолютным идеалом. За эти 20 лет много чего было. Совместная наука. Очень я признателен, что Олег организовал и 20 лет тянет ежегодную научную конференцию для врачей Урала, Москвы, Казахстана. О востребованности этого форума говорит то, что люди приезжают и конференция существует. За это время в нескольких точках и в Москве, и в провинции вспыхивали попытки организации постоянно действующей конференции. Но никто из них такого срока не протя-

нул. Значит, в этой организации есть нечто настоящее, нечто серьезное. Олег, безусловно, большой ученый, прекрасный врач с непростой, как у большинства из нас, судьбой. В этой книжке я бы не хотел писать биографию Олега Орлова и хронологию нашей дружбы. Я бы хотел подарить байку, которую услышал от Олега. Понятно, что в устном исполнении это круче, чем в письменном. А в исполнении Олега это вообще нечто. Надо сказать, что Олег – человек достаточно богемный. Отец работал в театре, Олег вырос за кулисами. Сам он прекрасно рисует. Правда, до сих пор нам еще ни одного своего произведения не подарил, но за этим, я думаю, будущее.

Так вот, байка «Стрекоза и муравей»

Пришла в лес весна, распустились почки. По нему понеслись сумасшедшие, будоражащие кровь запахи, вылезли из-под земли былинки, начали расцветать одуванчики. Муравей грязный, затертый, усталый, вонючий чистит муравейник после зимы, вытаскивает всякий мусор, хлам и, улучивши свободную минутку, сидит на верхушке, скрутил козью ножку и курит. Вдруг в солнечном свете, в солнечном луче появляется стрекоза. Плащик, шляпка, очки от Fendi, сапожки, сумочка через плечо. «Привет, муравей!» «Привет, стрекоза!» «Как дела?» «Да вот после зимы подбираемся, к лету готовимся, к запасам. А ты?» «Видишь, настоящего тепла еще нет, лечу в Анталию погреться, искупаться, на солнышке полежать». «Ну, сука, лети, все равно потом

зима придет». Но пришло лето жаркое, знойное, обильное. Лес наполнился щебетанием птиц. Ягоды, грибы. Все запасают, все припасают. Все цветет, все благоухает. Муравей снова усталый, снова потертый, снова потный на вершине муравейника вечером в свободную минутку курит свою самокруточку. Летит стрекоза в прозрачном пеньюарчике, в стрингах, в легких босоножках, в очках. «Привет, муравей!» «Привет, стрекоза!» «Да вот запасаемся, к зиме готовимся. А ты?» «Ты же видишь, жарко, душно. Полечу в Норвегию во фьорды, свежим воздухом подышать». «Ну, сука, лети. Зима-то придет». И действительно вскоре пришла зима, ударили морозы, запуржило, лес замер, все покрылось снегом. И снова муравей потертый, грязный, усталый где-то подмороженный выскакивает на морозец и курит свою козью ножку. В свете заходящего вечернего солнца летит стрекоза. Норковая шубка, сапожки, очечки. «Привет, муравей!» «Привет, стрекоза!» «Как дела?» «Зимуем. А ты?» «Ну ты же видишь, холодно, все замерло, скучно. Лечу в Париж на съезд писателей». «Знаешь, увидишь там Крылова, пошли его на хуй».

Вот примерно в этой байке весь Олег, ироничный, мудрый, добрый, близкий. Очень благодарю судьбу, что жизнь свела меня с этим светлым человеком.

Школьный футбол

В школе в классах 8-9-10-х было у нас увлечение – игра в

футбол. Но не в обычном, традиционном исполнении. Я не знаю, на каком производстве и откуда, но в большом количестве по школе ходили шарики из хорошего крепкого стекла, диаметром, наверное, 2-2,5 см. С точки зрения начинающего физика, было понятно, что это идеальный шар, идеальное твердое тело. Но полы в школе были также идеально твердые – это был бетон. Помните, была такая мода, технология, когда пол заливался бетоном с каменной крошкой, чаще всего мраморной, потом все это шлифовалось. Очень технологично для уборки, очень гигиенично, но опасно для школьников. В этих рекреациях на этом полу страшно интересно было гонять в футбол именно таким стеклянным шариком, который непредсказуемым образом прыгал, отскакивал, подпрыгивал, ударялся. Поймать его было очень сложно. И компаниями в 3-4 человека, редко больше, мы после занятий занимались этим чудным видом, даже не спортом, не знаю, как назвать. В общем, гоняли в футбол. Нам это было интересно, очень увлекательно. Надо сказать, что учителя, которые нас засекали за этим делом, достаточно нормально, спокойно относились к этому увлечению, и не было разговоров о возможности разбить стекло, еще что-то. Ребята хорошо учатся, сильно занимаются, пусть поиграют. Спасибо учителям 31-й школы за это и не только за это.

Еще Игорь Хайденко

Я уже упоминал об этом парне в своей книжке, может

быть, еще не раз упомяну. Но Игорь был интересен во многих совершенно аспектах. Он был неподражаемый и непобедимый игрок в «Крестики-нолики». Причем не в обычные на квадратиках 3 на 3, а в длинные «Крестики-нолики», в том числе и без ограничения. Кстати, при встрече нужно будет попробовать с ним сыграть. В школе практически не получалось выиграть. Если получалось, то, мне кажется, он слегка поддавался. Но суть этого сюжета даже не в этом. «Крестики-нолики» – это мы в школе. Но Игорь был единственным из нас хозяином настоящей собаки. Это была овчарка. К сожалению, не помню, как ее звали. Настоящий большой пес, который признавал его за хозяина. И наши приходы в гости сопровождались контактами с этим очень общественным животным. Это не была банальная зависть, это было некое уважение. Игорь – вообще серьезный человек. Но определенную перчинку в отношениях придавало то, что собака была приписана к погранвойскам в перспективе как служебный пес. И в качестве допайка советский режим заботился в том числе, и о собаках, которые в перспективе могут ему служить. И выдавали пайки. В пайках была всякая различная обрезь, в том числе и половые органы крупных рогатых животных. Представляете, какая хохма для 9-классников увидеть дома у друга на кухне замороженный бычий член. Как это ни странно, но эта ерунда запомнилась как достаточно яркий эпизод, черта эпохи. Но понятно, что Игорь Хайденко запомнился и запал в душу не только бычьими членами,

которые хранились у него в морозильнике.

Загнойко

Очень хочется вспомнить этого крайне интересного человека, с которым довелось дружить в 1990-2000-е годы до его, к сожалению, слишком ранней смерти. Виктор представлял собой интересный симбиоз такого нормального промышленника и дитя перестройки. Человек из простой семьи, который прошел на саткинском комбинате «Магнезит» все пути профессионального роста: начальник участка, мастер, главный инженер, генеральный директор. Внес много чисто технических усовершенствований и разработок в работу этого очень крупного, одного из крупнейших в мире предприятия, обеспечивающего металлургическую промышленность. Надо сказать, что магнезиты такие штуки, без которых современная металлургия просто существовать не может. Но не будем вдаваться в эти дела. Затем, попав в мясорубку перестройки, Виктор стал директором уже акционерного предприятия «Магнезит», достаточно небедным человеком. И в этот момент нас с ним и свела судьба. Причем знакомство было в интересной ситуации. Я приехал в первый раз. Встретились в Сатке. Он говорит, давай покажу мое хобби, увлечение. Был в Новой Зеландии, очень понравились в Европе тамошние горные курорты, решил сделать нечто альпо-новозеландское у нас под Саткой. Меня это сразу, естественно, заинтересовало. Ночная поездка по горной дороге на джи-

пе. Строящийся совершенно альпийский гостиничный комплекс. Точнее, 3-этажная гостиница. Все было привезено из Центральной России, из Карелии. Готовый проект. Виктор, увлеченный человек, решил сделать это по-европейски. Огорожено все это было новозеландским вентилируемым забором, который представляет собой доски, перекрещенные в плоскости крест-накрест. С одной стороны закрытая изгородь, с другой стороны абсолютно продуваемая ветрами. Чисто новозеландское изобретение. И вот вдалеке от города, вдалеке от Сатки, километров 40, он построил совершенно прекрасный европейского уровня отель для горнолыжного курорта, для отдыха. Вкладывал туда душу. Это была после завода любимая игрушка. Но побороть законную энтропию и поддерживать вот этот высокий статус, высокую планку и звездность в окружении глухой уральской деревни весьма сложно. Горничных, барменов, с одной стороны, учили в Европе, платили хорошую зарплату, но нутро брало свое – тырили шампуньки, мухлевали немножко со спиртным. Но все равно это место имело потрясающий колорит. Виктор был достаточно строг в правилах и не позволил до конца своей жизни этот райский уголок превратить в бордель. Проводились только официальные семейные мероприятия, допускались только семейные пары. И нужно было очень сильно маскироваться, чтобы проникнуть туда с девочками. Я таких случаев не знаю.

Колорит месту придавало то, что буквально рядом была

расположена плотина, построенная в начале этого века, и рядом первая на Урале электростанция. Кто немножко понимает в технике, того потрясут турбины, которые выпущены еще в начале века – 1903 или 1905 год. Фирма Siemens предлагала любые деньги за то, чтобы их выкупить и поместить у себя в музее. Но турбины так и трудятся на Саткинской плотине, дают реальное, нормальное электричество и продолжают свою трудовую вахту. Вообще сложно себе представить, начало века, не было еще Транссиба, совершенно в глухой уральской деревне строится электростанция. Фантастика! Виктор за свои деньги восстановил, что-то реставрировал и содержал этот уникальный комплекс до последнего времени. Человек он хлебосольный и с удовольствием принимал гостей. И рука была легкая.

С Виктором связано мое такое психологическое открытие Новой Зеландии. В первый вечер встречи мы сидим, он говорит, что утром ему нужно улетать в Новую Зеландию. Я спрашиваю: «В отпуск? Путешествовать?» «Нет-нет. К сыну в тюрьму». Это уже стало очень интересно. «Подожди. Как?!» «Вот так. У меня в Новой Зеландии дочернее предприятие. Там тоже занимаются магнетитами. И сына отправил туда работать». Но новозеландская белая община очень интересная. Англичане отправляли, как известно, преступников в Австралию. Поскольку в Британии были распространены инцестные браки (кузины, кузены), некоторое количество, довольно значительное, детей рождалось с физически-

ми недостатками, иногда в фазе легкой дебильности.

И вот на фоне прекрасной фантастической природы... Напомню, что фильм «Властелин колец» снимался именно там. И более того, в 2000 году новозеландское казначейство выпустило коллекционную монету серебро, золото. Биметалл – это очень редко и дорого. У меня в коллекции такая монета есть, посвященная именно съемкам «Властелина колец» на территории Новой Зеландии как наиболее яркому событию на территории страны в течение XX века.

Но вернемся к нашим героям. Молодой человек, саткинский парень, празднует с друзьями в местном пабе Рождество Христово, с кем-то поконфликтовали, их не поняли. В итоге новозеландцу досталось по физиономии. Полиция тут как тут. Она там очень строгая. И все это превратилось в 4-летний срок в новозеландской тюрьме. Тюрьма эта необычная, мало похожая на нашу. Это, скорее, действительно учреждение для перевоспитания. Заключенные находятся на внутреннем режиме, без права выхода наружу. Но внутри тюрьмы они должны находиться в камере, точнее, в комнате только ночью. Все остальное время, пожалуйста, можно заниматься трудом, учебой. Приветствуется обучение в высших учебных заведениях. И вот этот саткинский парень за 4 года нахождения в тюрьме закончил Оклендский университет, получил настоящий родной, английского образца диплом. Сосед по камере у него был индеец-маори – профессиональный бок-

сер, который нечаянно на ринге партнера убил. Он нашего пацана тренировал, учил нормативной, ненормативной лексике. И вот спустя 4 года молодой человек был освобожден из заключения, естественно, сразу депортирован из Новой Зеландии. Но с прекрасным английским дипломом, с великолепным английским языком, легко нашел себе место в нашем большом мире.

Но если продолжать историю отношений с Загнойко, периодически встречались, периодически разговаривали, иногда я к нему наезжал в гости, иногда он заезжал в клинику. Но некоторое время назад случилась беда – у Виктора был диагностирован рак легкого с метастазами в головном мозгу. Я и мои коллеги делали все, что можно было сделать. Но, к сожалению, изначально было понятно, что спасение – это утопия. Фактически до конца Виктор жил и чувствовал себя относительно прилично. И у нас в этом плане врачебная совесть чиста. Он знал, что погибнет. Он разумно распорядился имуществом, как ему хотелось, а не так, как фишка ляжет. И не совсем было понятно, почему были организованы похороны не в Сатке, а кремация в Челябинском крематории. Несколько позже Татьяна, его жена, пояснила, что он завещал себя именно кремировать, а пепел развеять над прудом в районе вот этого отеля «Пороги», который он безумно любил, который являлся мечтой его жизни. Мне кажется, очень достойно, очень интересно.

Григорий Иванович Петухов

Григорий Иванович Петухов – это глыба, это эпоха. Я счастлив, что мне на жизненном пути встретился человек такого масштаба и довелось с ним работать. В нем очень органично сочетались черты крупного масштабного государственного деятеля и простого душевного уральского мужика, который может и пошутить, и часто жестко пошутить, и крепко выпить, но при этом сначала все силы отдавать делу. Познакомились мы с ним достаточно давно – в 1987 году. Григорий Иванович только был назначен секретарем обкома партии. А я по профсоюзной путевке, будучи еще совершенным пацаном, был руководителем туристической группы врачей для поездки в ГДР. И была такая процедура утверждения руководителя на соответствующем совещательном органе в обкоме партии. Председателем выездной комиссии был именно Григорий Иванович. В основном в комиссии были люди, мягко говоря, пожилые, достаточно ортодоксальных взглядов. И основной вопрос у них был ко мне, почему такой молодой, почему руководителем группы. С Григорием Ивановичем мы абсолютно не были знакомы. Первый раз увиделись именно там. Взял бразды в свои руки и говорит: «Я тоже молодой секретарь обкома партии. Очень молодой. Необычно молодой. Вот заведовать большим отделением мы ему доверяем, а почему туристическую группу доверить не можем?» Я поехал. Потом была некая пауза в отношениях. Григорий Иванович за это время стал народным депутатом

СССР и РФ. Перестроечная жизнь очень мощно и тяжело по нему прошла. И потом уже встретились, когда Григорий Иванович стал в 90-е годы вице-губернатором, ответственным за связи с федеральными органами власти. Именно он принял активнейшее участие в создании Центра нейтронной терапии. Именно он приложил очень много усилий от лоббирования в столице и до проведения ежедневных строительных пятиминуток на строительстве хирургического корпуса онкодиспансера, ПЭТ-центра, «Киберножа». Именно Григорию Ивановичу во многом Челябинск обязан появлением у нас Федерального кардиоцентра. Кто занимался строительством и созданием больших объектов, должен представлять себе, что это такое, какая это работа и какая головная боль. Несколько раз довелось с Григорием Ивановичем бывать в Москве. Удивительным образом перед этим обаятельным человеком открывались самые высокие двери в самых высоких учреждениях. Я с ним бывал и в Доме Правительства, и в администрации Президента – на таких чиновничьих высотах, куда в последующей жизни мне подниматься не приходилось. Причем это все было построено на старых контактах, на рабочих контактах, на хорошей мужской дружбе. Григорию Ивановичу можно было прийти утром по одному вопросу, перейти к решению намного более глобальной задачи и выйти с заданием уже не только заниматься той мелочью, с которой ты пришел, а быть готовым к решению крупных государственных задач. Такая масштабность меня поражала и

поражает до сих пор.

Вместе с тем, как во всяком русском мужике, в Григории Ивановиче водилась и бесовщинка. Особенно вспоминаю его дни рождения в октябре, когда можно было появиться утром (Григорий Иванович очень хлебосольный человек, его друзья с юга области, естественно, снабжали различными животноводческими деликатесами) и выйти часов в 5 вечера, выпив неимоверное количество водки, пообщавшись с громадным количеством интереснейших людей.

Вера Ивановна (была у него такая секретарь, которая работала в администрации еще со времен обкома партии) всегда очень тонко чувствовала настроение шефа, ситуацию, умела остановить, прекратить или поддержать некие наши разгульные настроения. Вот это, конечно, школа. И коллегам, которые со мной работали, я всегда ставил ее в пример. Надо сказать, что сын Веры Ивановны сейчас работает в диспансере, стал очень серьезным доктором, кандидатом наук, одним из ведущих онкоурологов нашей клиники. Поэтому протекции и блат – это не всегда плохо. Протекции от хорошего человека и блат ради дела конструктивны.

Потом ситуация в области изменилась – к власти пришли совершенно иные люди, которым ни Григорий Иванович, ни я были не нужны. Григорий Иванович был отправлен в отставку, и проявилась старая, очень старая болезнь, которая имела место быть, – рецидивировал рак почки. Диспансер делал все, что можно, для того, чтобы продлить жизнь Григо-

рию Ивановичу, обеспечить максимальный комфорт. В значительной степени это удалось. Умер он у нас в диспансере. Надо сказать, что человек должен иметь право умереть там, где он работал, и там, что он создал своими руками, своим талантом. Но шоком для меня было то, что никто из тогдашней администрации, никто из тогдашнего Минздрава, хотя многие из них работали с Григорием Ивановичем в прежние времена, знали, кто это такой, не появились у нас в клинике. И Григорий Иванович ушел из жизни в кругу настоящих друзей и преданных коллег. Может быть, это и правильно, без мишуры, без лживых речей, без ненужной помпы. Я счастлив, что довелось прошагать значительный участок жизни с этим великим сыном России, великим сыном Челябинской области. Символично то, что похоронить себя, Григорий Иванович завещал не на центральном кладбище города Челябинска, не на почетной аллее, хотя имел на это полное официальное право, никто бы не смог этому противиться, а у себя в родной деревне Калиновке, откуда он был родом, где прошли его первые, может быть, даже самые счастливые годы.

Авантюрист

Есть в медицине категория людей небесталанных, авантюрных по характеру, которым, с одной стороны, много удастся, но, с другой стороны, они разрушители. Таким является один из моих коллег. Что называется, рукастый хирург,

но не признающий при этом онкологических правил, хирургию во многом превративший в спорт: на больном за счет чужого здоровья покажу то, что технически никто другой не может. Часто это удавалось. Сознательно не называю фамилии человека по понятным причинам. Он жив-здоров и дай Бог ему жизни и здоровья дальше. Те, кто понимает, о ком я говорю, те понимают. Но повторяю, это можно отнести к некому абстрактному эпистолярному творчеству. Так в основе большого карьерного всплеска лежало то, что к этому доктору обратился крупный чиновник, напуганный, обнаруживший у себя некое образование, похожее на опухоль. Доктор, не долго думая, образование удалил, которое на самом деле было абсолютно доброкачественным, объяснив чиновнику, что он его спас от неминуемой и лютой смерти, что это была очень злокачественная опухоль и только его талант и руки помогли сохранить жизнь. Несмотря на то, что чиновник очень битый жизнью, опытный и грамотный, он поверил и очень серьезно вложил в нашего «героя». Создал под него некую структуру. Правда, все это делалось впопыхах, в спешке. Структура такого же авантюрного плана, как и она была, за счет других учреждений, нахрапом, наскоком, с такими пиратскими замашками в организации. Потом жизнь показала несостоятельность этой структуры, и другим людям пришлось очень долго расхлебывать те юридические нарушения, которые имелись при ее создании.

К характеристикам можно отметить такой момент. Во

врачебной среде нередко возникают профессиональные споры, очень часто жесткие, но все-таки звание русского интеллигента, вообще образованного человека, заставляет держать себя в рамках. Я, будучи молодым доктором, был свидетелем, как в качестве аргумента данный доктор применял мордобой в отношении коллеги прямо на 5-минутке. Правда, получил сдачу. Надо сказать, что и коллега был не совсем свят. Но вообще это безобразно. Сейчас в диспансере я с трудом могу представить что-то подобное. Была ситуация, когда в ответ на совершенно законное замечание, сделанное доктору, начмед вынуждена была прятаться от него в дамском туалете, пока доктор бушевал и высказывал свое негодование у ее дверей. Слава Богу, что жизнь расставила все на свои места. Псевдоструктура, которая была создана, распалась, но многие наследники безалаберности и авантюристности в онкологии, бездушного отношения к пациентам, превращения медицины в спорт, к сожалению, до сих пор в нашей среде работают и сеют те семена, которые были в свое время посеяны в них. Увы, пороки более живучие, чем добродетели, и бурьян произрастает сильнее и интенсивнее, чем культурные растения. За цветами нужен уход, за оранжереей нужен уход, ее нужно лелеять, людей нужно учить, нужно бороться с энтропией. А сорная трава растет сама и бурно. Если ее не пропалывать и не удерживать в рамках, она легко захлестнет все доброе, что растет на наших огородах, и в прямом, и в переносном смысле.

И еще из истории медицины и страны...

Если внимательно читать старую литературу, молодые доктора не очень любят это дело, то можно найти очень много интереснейших определений и названий. Так, в XIX веке в онкологии совершенно устоявшимся термином, который мы сейчас называем латинизированным, канцероматозом называлась «бугорчатка брюшины», которая абсолютно точно рисует и картину, и вид поражения этого органа. Вообще в качестве примера литературы в медицине нужно привести книги профессора Войно-Ясенецкого, архиепископа Луки, блестящего русского хирурга и религиозного деятеля. Почитайте его «Очерки гнойной хирургии», за которые он получил от Иосифа Виссарионовича Сталина Сталинскую премию. При присуждении были большие дебаты, как это действующему епископу Сталинскую премию за медицинскую работу. Но настолько были велики авторитет Войно-Ясенецкого и его известность, большую роль сыграла здесь и принципиальность руководителя страны, который настоял, чтобы высшая научная награда была присуждена именно профессору Войно-Ясенецкому, именно архиепископу Луке, именно за книгу «Очерки гнойной хирургии». Поучительно.

Южно-Уральская АЭС – история нас мало чему учит

Безусловно, очень интересной темой являются перспек-

тивы строительства недалеко от Челябинска Томинского горно-обогатительного комплекса, где обнаружены действительно планетарные запасы меди. И развернувшаяся вокруг этого пропагандистско-политиканская кампания, которая, на мой взгляд, до сегодняшнего времени не имеет совершенно под собой никакого конструктивного и реального фундамента по изучению данного вопроса. С одной стороны, остановить прогресс невозможно, природный клад найден и он будет, безусловно, взят в то или иное время, в тех или иных условиях и при соблюдении тех или иных принципов воссоздания и сохранения экоструктуры. Именно об этом надо вести разговор, а не о том, строить или не строить. Так же, как в свое время луддиты не остановили развитие текстильной промышленности в Англии, так же, как все другие попытки остановить прогресс, в том числе и в разработке недр, не имели успеха. Наша цивилизация развивается экспансивно. К сожалению, это данность, которая есть. Хорошо это или плохо, но это есть, как есть. В связи с этим и в связи с теми непродуктивными процессами, которые идут, мне хочется вспомнить ситуацию, которая была в области в начале 90-х годов, дискуссия вокруг Южно-Уральской атомной станции. Безусловно, я являюсь и являлся апологетом ядерных технологий в медицине, в других областях. Я аргументированно убежден, что атомная энергетика и атомные технологии являются наиболее техническими на сегодня, прогрессивными, в том числе в плане безопасности. И Чернобыль

здесь не пример. Чернобыль как раз показал, что технологии должны находиться в руках грамотных людей под управлением грамотных специалистов, так сказать, доказательство от обратного.

Так вот, если вернуться к истории Южно-Уральской атомной станции, многие помнят, какие проходили дебаты, как выступали «зеленые»: «не дадим превратить Урал в помойку» и так далее. Посмотрим, как было дальше. «Зеленые» победили – атомную станцию не построили. Кстати, самые активные лидеры движения против АЭС сейчас проживают в Соединенных Штатах и Западной Европе. И неплохо проживают. Что осталось у нас? Атомная станция не построена, область осталась энергодефицитной. Если бы была построена атомная станция, то мы бы имели, во-первых, избыток электрической энергии, достаточно щадящие или даже низкие тарифы на электричество, на фоне энергетической избыточности были бы прекрасные условия для развития промышленности как средней, крупной, для мелкого бизнеса, для привлечения сюда трудовых ресурсов и капитала. На фоне дефицита электроэнергии процветает тепловая энергетика, которая в качестве носителя использует не только газ, который не является абсолютно безобидным теплоносителем, при этом выпадает очень много осадков в виде производной серы и так далее. То есть никакой экологической чистоты не создано. Плюс к этому энергетика перешла в руки иностранного инвестора – к компании «Фортум». Без относи-

тельно достоинств и недостатков этой компании я хочу сказать, что когда у тебя в доме печкой управляет чужой человек, это всегда плохо и небезопасно, очень боюсь, как бы такая же ситуация не повторилась и с ГОКом. Если сейчас мы имеем возможность устанавливать правила по организации производства, к последующему возвращению земель в первоначальный вид по социальным вливаниям в область, то спустя некоторое время, если процесс будет заморожен на ничейной точке, все равно придут и раскопают, но придут, скорее всего, чужие. Это могут быть китайцы, американцы, вообще неизвестно кто, добудут эту медь и извлекут ее совершенно без учета наших интересов. Так же, как в свое время на Северо-Американском континенте добывалось золото на Аляске и в Калифорнии без учета интересов индейцев и как истреблялись стада бизонов в интересах пришедших людей без учета интересов коренных жителей. Давайте вспомним уроки истории, хотя они чаще всего не выполняются и растянуты на длительный период времени, но, однако, они существуют. Хотелось бы, чтобы история с ГОКом не повторила историю с Южно-Уральской атомной станцией.

Понятно, что темпы интенсивности разработки ГОКа напрямую будут зависеть не от наших желаний или нежеланий, а от нужды в мире современной экономики, а это аэрокосмическая отрасль, самолетостроение, приборостроение, электротехника и так далее. Все высокотехнологичные отрасли на сегодня нуждаются в высококачественной рафинирован-

ной меди. Так же, как вслед за ростом цены на нефть нефтяники пошли на Ямал, на север, шагнули в океан, готовы шагнуть под ледяную шапку Северного полюса, так и за медью под Челябинском все равно придут и все равно возьмут. Весь вопрос, на каких условиях это делать.

Да, я являюсь апологетом ядерных технологий. Очень горжусь тем, что я, практический врач, в течение трех созывов имею честь быть членом Общественного совета Госкорпорации «Росатом». И отдельную гордость вызывает признание скромных заслуг в виде внутренней награды «Росатома», почетного знака «За заслуги в развитии атомной отрасли I степени».

Три королевы радиологии

В моей профессиональной жизни было много интересных моментов, но один самый яркий из них – это юбилей, по-моему, онкологической службы, 70-летие кремлевской больницы, на который я был приглашен. Были научные доклады, было общение, естественно, потом был фуршет. И на фуршете встретились, стояли вместе три великих ученых-радиолога, три великие радиологические королевы: Клавдия Николаевна Костромина, Лия Анатольевна Марьина и Софья Львовна Дарьялова. Великие женщины, которые сделали нашу специальность значимой, большой и вложили в нее неопределимый вклад. Каждую из них я считаю своей учительницей. У Клавдии Николаевны Костроминой я совсем еще

юным радиологом проходил первую 4-месячную специализацию, слушал ее лекции, которые были, есть и долго будут классическими. Я не говорю о том громадном вкладе, который Клавдия Николаевна внесла в развитие радиогинекологии. Во многом практически она ее создала. Лия Анатольевна Марьина, профессор-радиолог из Онкологического научного центра, пионер в применении компьютерных методов планирования лучевой терапии, пионер в применении контактной лучевой терапии. К сожалению, аппарат, который делался под ее руководством на основе «Калифорния-252», не нашел применения у нас в стране, но зато очень активно сейчас используется в китайских клиниках.

Софья Львовна Дарьялова – учитель по жизни, учитель по радиологии, оппонент моей докторской диссертации, женщина, с которой связано очень много в моей профессиональной жизни. Надо отметить, что помимо собственных талантов она еще и жена, в последующем, к сожалению, вдова Аркадия Вайнера, известнейшего автора детективов, крупного сыщика в молодые годы, вообще компанейского и интересного мужика. Я помню эпизод, это был конец 80-х или начало 90-х, только-только в стране стали появляться импортные машины. Вайнер был большим поклонником в то время больших американских автомобилей, которые, к сожалению, приезжали к нам в то время достаточно сильно подержанными. И вот в тесный дворик Института имени Герцена Аркадий заезжает за Софьей Львовной после работы на каком-то

громадном аппарате ярких раскрасок – много хрома, много лака. Мы с Софьей Львовной закончили работу по ее оппонированию моей докторской диссертации и вышли, чтобы поехать к ним домой поужинать. И вот этот монстр не заводится. Что делать? С работы уже многие ушли. И мы с рафинированной Софьей Львовной начали толкать этот монстр, чтобы завести с толкача. Аркадий сидел за рулем, командовал нами. Сначала мы его развернули, потом все-таки разогнали, и на выезде из института, из этого тесного дворика, кто знает почему, он наконец, завелся. Я думаю, со стороны картинка была еще та.

Вернемся все-таки к началу этого эпизода, идет банкет, стоят радиологические королевы, я к ним подхожу. Разговор туда-сюда. Вдруг Клавдия Николаевна говорит: «Девочки, а не выпить ли нам водочки? Андрюша, сбегай, принеси, пожалуйста. Мы-то уже себя вписали в историю отечественной радиологии, а ты еще пишешь. Сбегай, принеси». Естественно, сбегал и принес. Принес с избытком. И был очень рад, что был четвертым в этой компании королев.

Слава Дмитриев

Очень грустная, я бы сказал, даже трагичная глава в этой книге. Слава Дмитриев – мой друг, профессор, блестящий терапевт, который вообще начал свою карьеру в качестве военного медика, служил в закрытом институте в Екатеринбурге, который прославился не только тем, что создавал бак-

териологическое оружие, но и во время аварии в 80-е годы, когда боевая рецептура вырвалась наружу, погибли люди, пострадали сотрудники лаборатории. Среди них был и Слава, тогда еще молодой врач и офицер. Но его спасли. Он выздоровел, вернулся к работе, но уже не в области создания бакоружия, а в качестве фармаколога, ассистента кафедры фармакологии Челябинского мединститута, где мы с ним и подружились через мою жену, которая работала на этой же кафедре ассистентом, а позже – доцентом. Слава заведовал кардиологическим отделением больницы скорой помощи, стал блестящим клиницистом, блестящим кардиологом. А потом, когда наша команда пришла к руководству диспансера (это был 1998 год), вскоре и Слава пришел в клинику и создал совершенно уникальную, потрясающую по мощности, творческому потенциалу, по широте взглядов терапевтическую службу. Это было уникально для онкологического диспансера – иметь не просто команду терапевтов, которые осматривают больных перед наркозами, а терапевтическую службу, которая ведет больных при всех видах нашего лечения, причем ведет грамотно. Мы используем очень токсические схемы лекарственной терапии, агрессивные схемы лучевой терапии, проводим большие, масштабные операции, и все это вообще требует мощного терапевтического сопровождения, что не всегда в реальной жизни встречается. И вот профессор Слава Дмитриев именно это и сделал. Вместе с ним была написана монография, защищены диссертации.

С этим светлым человеком связано очень много. Он абсолютно безвременно ушел от нас, ушел трагически, ушел от сердечно-сосудистой экстренной патологии. Говорят, сапожник без сапог. Трагично, когда врач умирает от того, с чем боролся всю жизнь. Так и Слава умер от инфаркта миокарда, увел коллег от диагноза и покинул нас. Но этому предшествовали несколько другие, тяжелые, достаточно мерзкие моменты. Зависть, человеческая злоба не имеет границ. Часто она и беспредметна. Испытывать негатив к такому человеку, как Дмитриев, было достаточно сложно. Но когда в коллективе диспансера, в руководстве коллектива поселилась такая болезнь, как зависть, злоба и подсиживание, она стала наносить вред многим. Так случилось и здесь. Была некая дата у диспансера, и я подал документы на присвоение звания «Заслуженный врач РФ» на профессора Дмитриева и на профессора Панову Ирину Евгеньевну, которая весь период своей работы в диспансере руководила онкоофтальмологическим центром. Абсолютно заслуженно. Направление было поддержано руководством Минздрава и области, все шло как бы нормально. Но в некий момент в Правительстве мне дают почитать бумагу, как бы сказать цензурно, это «телега» на меня, на моих коллег о том, что я абсолютно незаслуженно, неправильно на недостойных людей подал документы на высокое звание «Заслуженный врач». Причем писал это человек, которого мы считали своим другом, товарищем, единомышленником, который, кстати, работая в дис-

пансере, получил немало наград, большая часть из них, конечно, была абсолютно заслуженной. Но жаба зависти, «чтобы ни у кого не было, как у меня», сыграла свою роль. Слава очень тяжело переживал этот момент. Я помню, как мы сидели небольшой компанией у меня в кабинете, и он говорил. «Вот смотрите, нельзя завидовать, надо беречь друг друга, надо поддерживать друг друга, мы еще не старые, но уже не молодые. Нам еще осталось по 10-15 лет без серьезных болезней пожилых и старых людей. Надо пользоваться, надо делать друг другу добро». И как раз в это время на него писалась «телега» о том, что он недостойн, он не соответствует и так далее. С одной стороны, слава Богу, мудрые люди, руководство области на мой вопрос «а что делать с этой?» сказали «возьми ее, используй, подотри, но не забудь, что она написана, что она была, мы ей никакого значения не придаем». А Слава, несмотря на свое пророчество, через несколько месяцев взял и скоропостижно умер. Он очень больно переживал этот наезд и то, что были определенные попытки сдвинуть его с должности профессора на кафедре. Я думаю, что это все ускорило его уход. Символично и трагично то, что указ Президента о присвоении Вячеславу Леонидовичу Дмитриеву звания «Заслуженный врач России» пришло на 40-й день после его смерти. Именно поэтому у него на памятнике написано «Вячеслав Леонидович Дмитриев, профессор, доктор медицинских наук, Заслуженный врач России». Хотя этого документа он никогда не видел и значка ни

разу в руках не держал. Светлая память.

Жугдэрдэмидийн Гуррагча

Сегодня мало кто может вспомнить, что это за человек и вообще с чем это труднопроизносимое имя связано. А это был первый монгольский космонавт, который совершил полет на корабле «Союз» на станцию «Салют-3». Это был 1977 год, цикл общей хирургии. Был период в развитии советской космонавтики, когда после провала лунной программы осваивались системы орбитальных станций. К сожалению, очень мало правды о действительном значении этих достижений говорилось. Было так скучно, когда запускали «Салют-1», «Салют-2», «Салют-3», к ним летали какие-то экипажи и несколько оживляли в плане PR полеты иностранных космонавтов. Сначала это был, по-моему, чех, потом немец, болгарин, венгр и монгол. И на спор, можно ли выговорить это имя Жугдэрдэмидийн Гуррагча – арат, оседлавший космического коня, я сказал, что запомнить можно. Спор был на какое-то небольшое количество пива. Как видите, я этот спор не только выиграл, но и зачем-то храню в памяти это до сих пор. Хотя, может быть, и незачем. Это наша история, отнюдь не худшая ее сторона. Потому что Жугдэрдэмидийн Гуррагча – первый монгольский космонавт, монгольский арат, оседлавший космического коня. Где он, что сейчас с ним, я думаю, мало кто знает. Увы.

Друзья детства

Еще раз хочется вернуться к теме друзей. Мне в этом плане, конечно, в жизни очень здорово повезло иметь и сохранить дружбу с ребятами, с которыми мы фактически синхронно родились в одном доме, вместе провели детство, подростковый период, юношеский, молодость, зрелость. Мы вместе играли, вместе росли, учились в школе, женились, воспитывали детей, хоронили близких и продолжаем быть вместе. Причем без каких-то существенных перерывов и ссор. Это мои близкие друзья детства Леша Кобылко и Илья Ковачевич. Вся жизнь прожита вместе и рядом. У них есть своя профессиональная жизнь, семейная, но все это происходило на глазах и вместе. Очень отраднo, что их жены, две Татьяны, тоже влились в нашу компанию и добрые теплые товарищеские отношения сохраняются все эти годы. Очень здорово, когда у тебя есть тыл, когда ты, с одной стороны, неделями можешь не видаться и не разговаривать, но когда надо, ты поднимаешь телефонную трубку, приходишь и получаешь необходимую поддержку.

Еще есть один интересный штрих. Ребятам повезло больше, чем мне. Они всю жизнь, как и положено, наверное, прожили в той родительской квартире, в которой они родились, в которой прошло детство. Мне пришлось неоднократно менять место жительства. По-разному складывался у нас у всех в разные периоды жизни материальный уровень, достаток, служебный статус. Но вот прожить жизнь в родном доме – я

им по-настоящему завидую. Вообще это, наверное, большая удача и счастье, когда друзья детства остаются с тобой всю жизнь и ты в них нисколько не обманываешься.

Улица III Интернационала. Двор

Я уже упоминал, что я родился в доме № 130 на улице III Интернационала. Надо сказать, что импортное, необычное слово добавляло немножко самоуважения, так же как и день рождения, который случился в День Парижской коммуны. Сейчас это День присоединения Крыма. Но это смотрится не так ярко, по крайней мере, в нашем возрасте. Я уже упоминал, что были традиционные патриархальные межсемейные отношения во дворе. Так, у моей бабушки день рождения 19 декабря был в один день с днем рождения Милована Ильича, отца Ильи Ковачевича. Вернее, день рождения с Ильей Ковачевичем у меня, день рождения был в один день с его отцом Милованом Ильичом. Это в детстве было достаточно забавно. Были некие общие компании. Мы, по крайней мере, знали, где мы в день рождения можем встретиться.

Двор. Улица III Интернационала и улица Тимирязева. Значительно позже, уже в школе, я узнал, кто такой академик Тимирязев, что такое III Интернационал и чем отличается I от II. Это были, наверное, первые крупные послевоенные постройки капитальных домов в Челябинске. Замышлялось это как большой комплекс, замыкающий довольно большую площадь со школой внутри, с магазином, капитальными кир-

пичными домами из белого силикатного кирпича. Но с детства ощущалась незавершенность. Потом выяснилось, что на самом деле это проектировалось как въезд в город со стороны района тракторного завода, все четыре угла должны были увенчаться очень высокими башнями на манер московских. А красивая белая кирпичная кладка (она казалась красивой) должна была быть облицована в соответствии со вкусами 50-х годов лепниной и разными красотами. Кроме того, в каждом угловом подъезде имелась очень интересная квартира, в которой был совершенно непривычный, непонятный, громадный холл, который по-разному использовался хозяевами, в том числе и для игр детей. На самом деле это была неиспользованная шахта для большого лифта, который должен был идти на вершину высотки. Но когда пришел к власти Никита Сергеевич и началась борьба с архитектурными излишествами, появилось такое архитектурное уродство: четыре незавершенных здания, пустые неиспользуемые холлы и незавершенный контур красивого городского района. Тем не менее, дома были заселены, заселены были с очень большой радостью для жильцов. Переселили многих сотрудников тракторного завода, в том числе и руководящего состава. В частности, в нашем подъезде жили мой дед, конструктор ЧТЗ, Милован Ильич Ковачевич, командир танкового полигона по испытанию тяжелых танков, Станислав Андреевич Раевский, руководитель оборонного отдела в Челябинском совнархозе. Кстати, у него было двое детей. И младший Фе-

ликс был моим большим другом и учителем. В частности, я помню момент, любил ходить к ним играть, у них была интересная библиотека. Где-то летом перед первым классом спускаюсь я к Феликсу, он мне казался очень взрослым и вообще изрядно пожившим мужиком. Он закончил 10-й класс и поступил на первый курс политехнического института. Он говорит: «Ну что, Андрюха? В школу-то хочешь?» Я отвечаю: «Конечно, хочу». «Ну и дурак! Как пойдешь, до пенсии не разогнешься. Уж я-то знаю». Я искренне поверил, что он-то, конечно, знает, он жизнь понюхал.

Вместе с тем во дворе и в домах жило очень много людей, пришедших из барачков и землянок, которых было в Челябинске в избытке. Это придавало дому своеобразный колорит. Во дворе стояли деревянные столы, на которых летом мужики в пижамных брюках играли в домино, немного выпивали, общались. Во дворе была очень сильная и интересная когорта бабушек и дедушек – тот культурный пласт, который сейчас ушел полностью. Еще не старые люди, абсолютно социально адекватные, занимались хозяйством и приглядывали за нами. Я очень хорошо помню, естественно, свою бабушку Варвару Семеновну, которой обязан воспитанием, образованием и очень многим по жизни. Мария Кузьминична Раевская, жена Станислава Андреевича, профессиональная домохозяйка и жена начальника, но это не делает ее несколько менее обаятельной. Павел Игнатьевич Кобылко, дедушка Алексея Кобылко. Сейчас трудно себе представить

пожилого мужика, пенсионера, который ухаживает и воспитывает внука. А параллельно он очень много (видимо, сказывались навыки сельского жителя и желание куда-то приложить руки на участке земли) сажал деревья, кустов, цветов, обихаживал заборы, скамейки и все было вокруг дома прибрано.

Была еще очень интересная из когорты бабушек, бабушка Солодкая. Имя, отчество, к сожалению, уже не помню. Бабушка Натальи Солодкой, тоже девушки из нашей компании. И старики Колодежи жили у нас в доме на 5-м этаже. Образованная еврейская семья, приехавшая в Челябинск в качестве эвакуанта в годы войны. И вот эта вся очень разношерстная, очень необычная команда фактически следила за порядком во дворе, следила за нами. Мы знали, что, с одной стороны, нельзя бедокурить, с другой стороны, нас всегда защитят. Но были и другие персонажи. В частности, у нас же в подъезде жила семья Серовых. Их было очень много. Я не помню сколько. Но старший сын Анатолий был некий достаточно известный уголовник, неоднократно сидевший в тюрьме. Я тогда увидел впервые классические живые татуировки на человеке, железные вставленные зубы, но вместе с тем соблюдались понятия. Так, мы четко знали, что если кто-то где-то в городе на улице пристанет, то нужно говорить, что я сосед Толи Серова. И однажды в жизни такая ситуация была – очень помогло. И ребятам тоже помогали. И Боже упаси, чтобы кто-то из окружающей шпаны попал в наш

райончик, который состоял из трех дворов, окруженных вот этими недоукрашенными кирпичными домами. Ходу шпане здесь не было – здесь жил Сам Анатолий Серов! Не знаю, что на самом деле он совершал, но нам было спокойно.

Была публика и другая рода – полулюмпены, полуалкоголики. В частности, запомнилась такая картина, как в окне второго этажа в синих сатиновых трусах и в майке (сейчас уже не носят) желтого цвета стоит весьма пьяный отец семейства и на весь двор кричит: «Вера, Марина, бляди, домой!» И Вера и Марина в возрасте 3-5 лет, погодки, взявшись за руки, очень серьезно и деловито выбираются из песочницы, собирают игрушки и шлепают к подъезду, рассуждая. Марина Вере: «Давай, собираемся. Пойдем. Папа зовет, папа волнуется».

Вот такая картинка из жизни нормального челябинского двора самого начала 60-х годов. Я рад, что застал это время, потому что потом многое изменилось – люди расселились, вот эта социальная мозаика исчезла, все как-то стало приличнее, но скучнее. Наши бабушки и дедушки, к сожалению, состарились и умерли, двор стал обыкновенным городским двором, я думаю, мало чем отличающимся от других дворов города Челябинска и остальных городов нашей страны. Но там остались мои друзья: Лешка Кобылко, Илья Ковачевич и мои детские воспоминания. До сих пор живут там мои родители. К сожалению, сейчас только один папа Я люблю приходить в этот двор, подниматься в этот подъезд, в котором

прошли мои детство и юность.

Отдельного интереса заслуживают кулинарные изыски бабушек и мам-домохозяек той эпохи. Это были совершенно чудесные торты, пирожные. И здесь, безусловно, лидером, была Ольга Федоровна Кобылко, мама моего друга, которого я упоминал. Это была просто чудесница кулинарии. Несмотря на прожитые годы, не скрою, приходилось баловать себя продукцией кулинарии в европейских странах, в азиатских, в России видел кулинаров, но ничего вкуснее, чем торт «Наполеон» Ольги Федоровны, я никогда не ел. С ним конкурировать могла только «Прага» ее же изготовления. Надо сказать, что делались эти торты не просто так, а обычно или к детскому дню рождения, или к какому-то крупному событию. Колдовать Ольга Федоровна начинала за несколько дней: каким-то специальным образом замешивала тесто, сбивала, настаивала, выпекала, выставляла, чтобы он настоялся. Это, конечно, была поэма. К сожалению, жизнь меняется, и эта часть жизни тоже уходит. Но детская память цепкая и до сих пор ощущаю во рту этот божественный вкус торта «Наполеон» и торта «Прага». Спасибо Вам большое, Ольга Федоровна.

Озеро Горькое

Еще одна из картинок, о которой хотелось бы рассказать. Где-то в конце 60-х годов мой папа заболел, был диагностирован остеомиелит, видимо, перенесенный в детстве. Ему

после операции пришлось уйти из хирургии. И считалось, наверное, так на самом деле было, что лучшим местом лечения этого заболевания является санаторий «Озеро Горькое», находящееся примерно в 80-100 км от Челябинска на территории Курганской области. И в течение нескольких лет отец ездил туда, лечился, а мы в разные периоды на разные сроки приезжали летом пожить и отдохнуть. Санаторий был организован до войны как действительно уникальное место для лечения гнойных заболеваний за счет целебной грязи. В основе лежит такое степное небольшое озеро с жутко соленой водой. Пишут, что это остаток древнего океана, который был расположен на этой территории миллионы лет назад. Наверное, правда. Вода настолько соленая, что там ничего не живет, кроме таких своеобразных зеленых водорослей, похожих на вату, которые местные жители называют няша. Но прошу обратить внимание!!! Никакой аналогии с Прокурором Крыма!!! Озеро изумительно для купания, мелкое, быстро прогреваемое, теплое. И настолько соленое! Пожалуй, я встречал только в Мертвом море более соленую воду. Очень легко и удобно было учиться плавать и собственно плавать. Посреди озера стоял плот, на котором в деревянное корыто рабочие, служащие несколько раз в неделю со дня озера вычерпывали вот эту целебную грязь. Сам санаторий представлял собой чудесное совершенно запустение довоенной постройки. Двухэтажные бревенчатые дома, бараки, маленькая столовая и доктора – или энтузиасты, или

направленные после окончания мединститута для отработки обязательных трех лет. Тогда это правило вызвало возмущение. На самом деле оно было абсолютно верным. Дай Бог, если бы к нему вернулись сейчас. Работа для молодых специалистов, востребованность и решение проблем здравоохранения справедливо. И в этом плане при социализме были более честные капиталистические понятия, чем сейчас. Если ты за госсчет получил образование, знания, специальность, наверное, по-честному отработать полученную удочку, которой ты будешь пользоваться с большим или меньшим успехом всю жизнь, отработать положенное время там, где надо отработать.

Если отвлечься от темы озера Горького, большинство из моих однокурсников, кто был распределен, остались работать в этих местах, обжились и нисколько не страдают от распределения.

«Озеро Горькое» было организовано после войны как детский санаторий. В войну лечились раненые с гнойными ранениями. Надо сказать, что при дефиците перевязочных материалов и поначалу при полном отсутствии антибиотиков в качестве перевязочных материалов использовались эти самые сушеные водоросли, которые за счет насыщенности солей и стерильности великолепно справлялись с гнойными ранами, абсорбируя на себя гной, детрит тканей, они пользовались очень большой популярностью. Надо сказать, что позже во время вьетнамской войны американская во-

енно-полевая хирургия пошла примерно по тому же пути. В этом санатории было множество совершенно запущенных полянок, дорожек, акаций высотой в три человеческих роста, образующих как бы туннель. И мне, мальчику 3-4-го класса, было страшно интересно бродить по этим дебрям, находить необычные закутки, какие-то развалившиеся постройки. Клуб, который тоже имел совершенно заброшенный вид, одиноко стоял на берегу озера, в нем была очень интересная библиотека. Библиотека была крайне запущенная: провалившиеся полы, там пахло мышами, еще чем-то, наверное, крысами или кошками. Но это не мешало рыться по полкам, находить интереснейшие книги. Кстати, многие полки подломились и книги лежали прямо на полу. Помимо классической приключенческой литературы запомнилась одна книга. Это история Карла Линнея, человека, который провел систематизацию растений. Запомнилась, запала. Кстати, эта книга очень помогла потом мне в будущем легко изучать ботанику, биологию и кое-что, наверное, осело до сих пор.

В последующем я появился в этом месте несколько лет назад, спустя, наверное, 35-40 лет. С одной стороны, мало что изменилось. Чуть-чуть подчищено, чуть-чуть стало более прибрано. Но исчезла та прелесть запустения, с одной стороны, человеческого тепла, которое присутствовало в этом месте. Очень здорово, что удалось побывать именно там и именно тогда.

ПМЗО

«Первично множественные злокачественные опухоли» – тема моей кандидатской диссертации, которая меня в свое время очень увлекла. Кстати, интересует до сих пор. Позволила погрузиться в мир специальной литературы, узнать сначала из журнальных статей и книг имена известных онкологов. Надо сказать, что к теме первичной множественности злокачественных опухолей прикасались известные люди в нашей профессии, наверное, почти все. И будучи в ординатуре, я со всем азартом принялся изучать эту тему. Но дело, наверное, не в этом. И связано еще с одним челябинским озером – это озеро Еловое. Там была расположена легендарная в 70-80-е годы, кстати, очень престижная база мединститута, где не гнушались отдыхать и профессура, и солидные доценты, и студенческая смена тоже имела место быть. Студенты отдыхали одновременно с преподавателями в помещениях попроще, хотя и профессорский дом тоже, по нынешним меркам, комфортом абсолютно не отличался. Вспоминается, в частности, такая картинка, как в пятницу вечером приезжает профессор Юрий Иванович Малышев на бежевых «Жигулях» 7-й модели. Это вообще было супер. Когда появилась семерка «Жигулей», она называлась советским «Мерседесом», и тут не было ни доли иронии и ерничества, все было на полном серьезе. Открывал багажник, доставал оттуда картонную коробку с мороженым, и вся преподавательская пацанва, которая тут была, кидалась на эту

коробку. В принципе, красивый достойный профессорский жест. Ему это мало что стоило, фактически ничего. Но видите, даже мне запомнилось, хотя я уже был клиническим ординатором, а это запомнилось на всю жизнь.

Так вот, связь между диссертацией и озером Еловым. Я как молодой врач работал летом. В медицинской среде дедовщину никто не отменял. Я думаю, что это верно. Молодые врачи всегда идут в отпуск после основного состава, то есть осенью и зимой, дежурят в новогодние праздники. Это воспринимается совершенно правильно. В диспансере в ночь с 31-го на 1-е всегда дежурит самый молодой врач. Понятно, что по телефону его прикрывает заведующий, это есть обычай, и обычай незыблемый. Если появляется несколько молодых врачей в один год, то они выстраиваются в очередь и безропотно несут эту вахту в последующие годы. Я тоже работал. Тогда я уже был взрослым солидным мужиком. У нас появилась машина – «Запорожец» 965-й модели без ушей ярко-красного цвета, которую я любил и люблю до сих пор. Пожалуй, это, наверное, мой самый любимый автомобиль, который многому меня научил и как водителя, и руками я научился кое-что делать. Я мог прямо на трассе разобрать и собрать переднюю ступицу, вернуть на место, прикрепив отвалившийся воздухозаборник на двигателе, и много еще что умел делать. Помог мне в этом еще один интересный человек. Не могу обойти его память стороной. Это отец Лены Левит, наших больших и старинных

друзей, уже, правда, не из школьного, а из постинститутского прошлого. Ленин отец, инвалид войны, который по этому праву имел, естественно, такой же «Запорожец», прекрасно его знал, обучил меня очень многим премудростям прямо рядом со своим домом. Тогда это был патриархальный уголок рядом с областной больницей. Небольшие деревянные домишки. Улица без всякого покрытия. На другой стороне улицы лес, полянки. И там, на полянках, мы разбирали мой автомобиль, а безногий дед учил меня автомобильным премудростям. На этой машине я ездил по выходным к семье, отдыхал, когда, естественно, в выходные не было дежурств. Вот приехал в один из выходных. Погода была отвратная: дождь стеной. А лагерь мединститута расположен в низине, там даже в жаркую погоду всегда прохладно. Делать было абсолютно нечего: ни за грибами, ни купаться. Я помню, бывают моменты, если хотите высокого стиля творчества, не буду сравнивать с болдинской осенью, но по моим масштабам что-то подобное случилось, когда я за два дождливых дня, не отрываясь, практически с ходу написал значительную часть своей диссертации, которая в последующем не потребовала существенных переделок.

Сейчас, к сожалению, лагерь «Еловое» находится в некоем запустении, популярность ушла, профессура ездить перестала. Но получилось так, что недалеко от лагеря был построен коммерческий дом, где мы обосновались, и я люблю это место не только за нынешние прекрасные пейзажи, это окруже-

ние, но и за память, которая связывает меня с этим местом. Спасибо озеру Еловому, спасибо лагерю медуниверситета за доставленные прекрасные жизненные моменты.

Исландия

Одной из жизненных радостей, может быть, ведущей я считаю для себя путешествия. Воспитанный на классической приключенческой литературе, на Жюль Верне, и прежде всего на Жюль Верне, на Майн Риде, на Купере и ряде других авторов, путешествия отношу к высшим благам, которые подарила жизнь. Благо и работа, и собственные устремления этому способствовали. Мир, конечно, посмотреть удалось, хоть и бегло, но удалось. И вот одна из самых ярких поездок – это поездка в Исландию. Вообще мало кого из моих знакомых черт туда заносил. Пожалуй, только профессора Панову, но и то спустя довольно большое количество лет. Это было летом. Прибыли мы на этот очень отдаленный остров. Я не представлял себе, что это так далеко между Америкой и Европой. Был полярный день. А в Исландии полярный день есть. Приземление на аэродроме. Кругом лунный, совершенно лунный пейзаж. Переезд по этому лунному пейзажу по отличному шоссе в Рейкьявик. Надо сказать, что весь Рейкьявик – не цельный город, а сумма поселков. Их примерно 4-5. По разным подсчетам, живет там от 120 до 150 тысяч в столице европейского государства. Весь город пересекает, точнее, соединяет отличное четырех- или

шестирядное шоссе, которое в центре делает громадный зиг-заг, потому что на этом месте расположена скала, в которой когда-то видели гоблинов. В мэрии Рейкьявика есть специальный чиновник, достаточно высоко оплачиваемый, который следит, чтобы, не дай Бог, никакая стройка не располагалась в местах, где бывают гоблины. Это может вызвать их гнев. Ссориться с ними нежелательно. Поэтому решили потратить несколько десятков миллионов евро и это место обогнуть. Там же рядышком стоит громадная церковь пустая, где службы не происходят, потому что исландцам она не понравилась, слишком высокая. Не понравилась и все, не стали ходить. Стоит как памятник ненужной архитектуры.

Живут в Исландии викинги, настоящие потомки викингов. По неизвестным причинам викинги в свое время из Скандинавии отправились на запад, куда, зачем, мало кому ведомо. В Шотландии и в Ирландии они сбросили балласт гребцов, слуг, так называемый люмпен, и ушли дальше в Исландию, где и осели. Часть ушла в Гренландию. Но условия жизни в Гренландии были настолько жесткие, что большая часть викингов деградировала и до нынешних времен почти не дожила. А в Исландии живут настоящие викинги. Одна из этих викингов нами занималась. Это девушка по имени Кейтлин. Ростом около двух метров. Классическая блондинка с длинными косами. Два дня она с нами держалась настроенно. Потом все наладилось. Она сказала: «Нас учили, что вы враги НАТО, вы наши противники, а вы совершенно

классные пацаны». И Кейтлин начала нас развлекать по-своему: мы ходили в пабы, плясали. И тогда, танцуя с Кейтлин, я почувствовал, что может чувствовать миниатюрная девушка в руках нетрезвого и очень активного танцора. У меня был абсолютно натуральный страх, что из симпатии она меня может просто ненароком изувечить. Кейтлин угощала нас водкой «Рейкой», харкарпом – это своеобразный удивительный продукт, мясо белой акулы, которое в сыром виде есть нельзя. Но если ее в полосе прибойя прикопать на глубине метра четыре, потерпеть с полгода, когда мясо пройдет фазу бескислородной возгонки, тогда это становится деликатесом с ужасным запахом. Но стоит только запах перетерпеть и проглотить, ты вознаграждаешься за доставленное неудобство совершенно потрясающим нежным вкусом. Не нужно говорить, что под «Рейку» это идет особенно хорошо. И с учетом большого содержания аммиака в рыбе понятно, что водки тоже можно выпить очень много. Вместе с Кейтлин мы по леднику, который покрывал вулкан с непроизносимым названием, который несколько лет назад начал извергаться и внес смуту в авиационные полеты во всей Европе, спустились на пляж абсолютно черного цвета из вулканического песка, еще немножко выпили «Рейки», закусили харкарпом и пошли купаться. Вода где-то градусов 10-12, но после такой премедикации нам ничего не страшно. Представьте наше удивление и восторг, когда в метрах десяти вынырнул дикий тюлень с громадными глазами и тоже начал с нами рез-

виться. Правда, сильно близко не подпускал, но и не уплывал. Видели, что ему было не менее весело, чем и нам.

Если вернуться к вопросам эмиграции викингов, то надо заметить, что часть их осела в Ирландии и в Шотландии, но в Ирландии более отвязная часть. Поэтому от Ирландии у меня впечатления как от страны пьющей, пожалуй, даже сильнее России. Но об этом разговор чуть-чуть позже.

Возвращаясь к Исландии и к Рейкьявику, нельзя пройти мимо дома, где в свое время состоялся сговор и предательство Советского Союза между Горбачевым и Рейганом. Точнее говоря, Горбачев предавал, а Рейган исполнял свой долг перед своим народом. Так вот, этот дом пользовался очень дурной репутацией у местного населения, потому что там водятся очень злобные и неприятные привидения. А в привидения верят в Исландии всерьез, даже на дорожных знаках есть указания «Будьте осторожны, на трассе могут быть приведения». И когда возник вопрос о провидении этой встречи, практичные ирландцы взяли этот дом, в котором даром никто не хотел жить, и сдали в аренду нашим и американцам, где эти мерзкие дела и были сделаны. Сейчас это достопримечательность. Но там по-прежнему никто жить не желает. Потому что говорят, что после встречи Горбачева с Рейганом привидений там еще более прибавилось. Я думаю, что да, сколько народа погибло после этого сговора на территории нашей страны.

Еще интересный момент относительно всевластия зеле-

ных. Прямо в центре Рейкьявика в официальных магазинах без всяких ограничений можно купить шкуры диких северных животных. Я не удержался (все равно животные уже погибли) и привез шкуры северной рыси, бобра, лисы и соболя. Сейчас они висят дома у меня в кабинете, напоминают об этом прекрасном месте и прекрасном времени. Жаль, конечно, зверюшек, но викинги уже свое дело с ними сделали.

И еще своеобразный местный фольклор. Я не пытаюсь даже воспроизвести названия. Но в Исландии совершенно своеобразные Деда Морозы. Их 12 на каждый месяц. Их мама сидит на горе, расположенной на другой стороне залива, и каждый месяц выпускает нового Деда Мороза. Понятно, что страна достаточно холодная и название «Дед Мороз» актуально. Хотя название у него совершенно другое и опять же непере译имое. Но в отличие от наших Санта-Клаусов, святых Николаев и Дедов Морозов эти существа не приносят подарки детям, а совсем наоборот, играют роль санитаров природы. Они отыскивают непослушных детей, притаскивают их к маме, где вместе с братьями и с мамой съедают. Педагогически действуют очень здорово. Вообще исландские дети (их мало) весьма послушные. Я думаю, что не без участия местного фольклора.

Ирландия и алкоголь

Я уже упоминал, что нынешние ирландцы представляются потомками люмпенизированных слуг викингов, поэтому

отличаются сварливостью, скандальностью и большие, по сути, выпивохи. Особенно отличаются этим северные ирландцы. Говорят, что когда северный ирландец появляется в пабе даже в Ирландии, вокруг него образуется некий вакуум, потому что ссора может возникнуть на пустом месте. «Ах, ты на меня посмотрел, это потому что я ирландец. Ах, ты на меня не смотришь, это потому что я из Северной Ирландии». И так далее. Своеобразный народец. Местная культура – это культура или бескультурье питья. Громадное количество висковарен, громадное количество пива, причем крепкого, королем которого является, безусловно, Guinness. До нулевых годов в ирландских барах не подавали никакой закуски, потому что гробить градус закуской – это вообще кощунственно с точки зрения нормального ирландца. Лаquerнуть виски Guinness – это нормально. И только в нулевые годы с появлением более-менее приличного потока туристов в качестве уступки европейцам ирландцы поступились принципами и в пабах стали присутствовать орешки и чипсы. Ни о какой другой еде речь, в принципе, не идет. Но если говорить о нравственных устоях, в Ирландии в маленьком городке (не помню сейчас название города, но это на западном побережье, то есть глухомань) есть очень известный паб, построенный еще в средние века в качестве награды палачу, который отрубил голову при Кромвеле английскому королю. Несмотря на нелюбовь британцев к тому самодержавию и той королевской семье и революционный экстремизм, ни

один город, кроме вот этой глухомани, где о короле английском не слышали, не позволил построить за казенный счет в качестве обещанной награды паб в награду палачу, который отрубил голову королю. Вот такой интересный нюансик. Но паб до сих пор существует, благоденствует, хотя поток клиентов и не велик, но он есть. И каждый турист, приезжающий в этот город, посещает паб и мотает на ус вот эту поучительную историю, что не за всякий поступок следует награда. А если награда официальная следует, то не всегда соотечественники примут ее и тебя в свой круг.

Только в Ирландии и у нас можно видеть картину, когда утром перед началом рабочего дня несколько мужиков выходят из магазина и из горлышка распивают бутылочку крепкого, у нас – водки, у них – виски. После это преспокойно отправляются на работу. Совершенно нормальным у ирландцев считается в четверг начинать готовиться к выходным. Если ты в пятницу опаздываешь на работу, приходишь с похмелья и говоришь, что я вчера готовился к выходным, это воспринимается нормально. Так же, как ничего страшного опоздать в понедельник, сказать, что был с похмелья, нужно было немного полечиться. Если у нас считается, что русский народный праздник «пятница вечер» празднуется два дня, то ирландцы в этом плане нас очень здорово переплюнули.

Юрюзань

Очень люблю горнозаводскую зону, эту цитадель россий-

ской промышленной цивилизации. Люблю там бывать. Благо, жизнь тому способствовала. Родители мои после института в течение положенного срока работали врачами в городе Юрюзани. Это маленький городок на самом вершине хребта, весьма далекий от Челябинска, больше 200 км. Фактически моногород вокруг некоего оборонного завода. И в детском возрасте меня туда привозили. Мне казалось, это вообще край света. Мне было, наверное, года 3-4. Воспоминания, которые остались, достаточно яркие, хоть и мало соответствуют действительной географии и реалиям, как потом убедился. Это громадная речка и далеко, очень высоко над ней мост. Речка Юрюзань действительно приличная, но мост не такой большой, глубина ущелья не такая уж огромная.

Коза, которая во дворе больницы, где работали родители, съела у меня из рук слойку. Была такая очень вкусная булочка, посыпанная сахарной пудрой. Пока мама перед уходом домой чем-то занималась в больнице, я стоял, ко мне подошла коза и у городского мальчика прямо из рук слойку эту слопала. А у меня не хватило смелости отнять или вообще что-то этому животному сделать. С одной стороны, я робел, с другой стороны, боялся. Я как сейчас помню, стою, плачу от обиды, от досады, от страха, а коза спокойно у меня из рук уминает слойку, губами сдвигает мои пальцы, чтобы съесть ее всю до остатка.

Еще был буфет около Юрюзанской ГРЭС – такой маленькой электростанции, где подавали изумительно вкусную га-

зированную воду какого-то жутко красного цвета. Химии, наверное, в ней было много, потому что я однажды опрокинул стакан. Представьте себе, тогда еще в буфетах на столах были льняные накрахмаленные скатерти. Вот я разлил – осталось громадное красное пятно. Но мне это было прощено, потому что, во-первых, я – сын врачей, во-вторых, я был балясником. «Балясник» – это чисто уральское слово, то есть говорун, болтун. Может быть, частично это и сейчас осталось. Но слово мне запомнилось и мне оно нравится.

Так вот, второе появление было уже достаточно взрослым человеком после 5-го курса, когда мы проходили врачебную практику. Сейчас это проходит немножко не так. Наша группа студентов приехала в Юрюзань для работы всерьез. Был цикл хирургии, цикл акушерства и гинекологии, цикл терапии. Терапию мы скостили, остались в хирургическом отделении. Надо сказать, что тогда в глубинке было достаточно много врачей действительно грамотных. Это не земские врачи, это советские врачи, которые в глубинке делали большие операции, занимались лечением серьезных пациентов, и у них очень много было чему поучиться. Сейчас, к сожалению, это ушло. Понятно, что появление молодежи, мальчиков и девочек, внесло оживление во врачебный коллектив, где в основном тоже были очень молодые люди. С нами занимались, мы дежурили. На выходные нас отпускали в окрестности, вручив палатки и другой туристический инвентарь, который был у докторов, говорили нам, что мы должны не

только поучиться, но и поглядеть. Мы изрядно эффективно использовали эти моменты, многие из которых до сих пор в памяти, в частности, ночевка на горе около радиорелейной вышки, куда мы добрались только к вечеру, страшно усталые, а утром, проснувшись, можно было просто лечь на живот и есть, не поднимаясь, чернику прямо с земли, которая, как выяснилось, плотным ковром покрывала всю вершину горы. А внизу с одной стороны город Юрюзань, а с другой стороны город Златоуст-36, ныне Трехгорный, тогда его как бы вообще в природе не существовало. Но вот он был, есть, мы его видели. В последующем пришлось там побывать, и неоднократно, но это было уже не так романтично, как тогда.

И увидели мы некоторые обычаи земской провинциальной больницы, о которых хочется рассказать. Нам сразу показали ящик в письменном столе, куда нужно складывать неправильно оформленные истории болезни. Ящик представлял собой обычный ящик, в котором лежали истории болезни, недописанные или по дежурству, или еще при каких-то обстоятельствах. Сверху стояла большая жестяная коробка из-под конфет, заполненная совершенно мерзкими бычками, разложившимися объедками конфет и всякой прочей дрянью. Для чего это делалось? Когда начмед, тоже очень милая доктор, поднималась и ругалась, что не сданы истории, заведующий говорил, что вот они, в столе, возьми, пожалуйста. Она открывала ящик, видела коробку, с криком захлопывала его и убегала с руганью. Но это была хорошая

игра. В итоге истории писались, заполнялись и все шло своим чередом.

Был в больнице штат санитарок, которые всю жизнь проработали санитарками, нянечками, ничуть от этого не комплексовали, это была уважаемая, серьезная работа. Они знали вкусы врачей и без какого-то унижения для себя старались докторам помочь и угодить. Утром, когда мы после 5-минутки собирались, появлялась санитарка, которая одному доктору несла свежее молочко с пенкой, которое кто-то из сотрудников привез от коровы. Для заведующего отделением приносили буханку хлеба, специально поджаренную в духовку, обрезались корки. Что-то типа нынешних тостов. Мякиш шел в дело – для рыбалки. Естественно, были такие ритуальные действия, как отмечание первой операции на рентгеновском столе с различными домашними вареньями, соленьями. Но должен сказать, что это не переходило за рамки, нисколько не мешало работе. История, которая, может быть, ярче всего запомнилась. В середине практики, уже соскучившись, приехал к нам один наш общий товарищ, который был студентом политехнического института. Выходные он очень весело провел с нами. В понедельник нам не хотелось оставлять его одного в общежитии, да и что там делать. И он пошел с нами. Мы пошли на новый цикл, где нас еще не знали. Цикл акушерства. Барышни-акушеры и гинекологи, как правило, учащиеся лучше хирургов и терапевтов, очень старательные, очень любознательные, с радостью встретили

нас. А девчонки были год-два после выпуска. Нас перехватила сначала акушер-гинеколог, усадила: «Мальчики, сейчас будем смотреть женщин. Давай ты смотри, давай ты смотри». Видим, наш Серега немеет, бледнеет, ноги под стул за-талкивает. «Ой, Сережа, вы, наверное, троечник. Вам неинтересно? Вы ни одной женщины не посмотрели. Вот сейчас следующая женщина будет ваша». Видим, Серега сейчас или грохнется под стул, или нужно что-то делать. Что делать, мы не знаем. Сознаться ни в коем случае нельзя. Но тут в кабинет заскакивает педиатрия, такая же молодая и активная: «Ой, мальчики, хорошо, что пришли. Пойдемте курировать новорожденных. Кто хочет? Кто любит детишек?» Серега, как пружина, вскочил: «Я! Я хочу! Я люблю детей!» «Ну, Сережа, пойдемте». Вот так Сережа был спасен от ведения гинекологического приема в городе Юрюзани.

Конечно, с точки зрения деонтологии и внутренней дисциплины безобразие и бардак полный. Но что делать? Был такой грешок. Благо, что серьезного вреда он никому не принес.

31-я школа. Гипоксия

В классе 8-м появилось у нас своеобразное довольно опасное увлечение – введение в искусственную гипоксию. Так широким шарфом, чтобы не привести к удушью, два человека третьему энтузиасту, горящему желанием поставить опыт на себе, перетягивали шею, после этого развивалась

умеренная гипоксия головного мозга, испытываемый кратковременно терял сознания, его подхватывали, приводили в себя. Задним числом и для человека непросвещенного, конечно, нехорошо, конечно, риски были. Но однажды за этим занятием нас застукала учительница химии, очень испугалась, свела это к банальному хулиганству, обозвала нас фашистами. Потом был классный час, большие разборки. С точки зрения педагога и опаски за наше здоровье, наверное, правильно. С точки зрения учителя и человека, наверное, нужно было быть как-то помягче. Ну какие мы фашисты? Ни о каком садизме речь не шла. Просто речь шла о ребятах, которые потом, кстати, почти все стали гуманитариями, о глупых и неуместных экспериментах, но экспериментах над собой, не над животными, не над кошками, не увлечение висекцией, а над собой, как и, наверное, положено действовать настоящим естествоиспытателям. Да, с риском для себя, да, глупо, да, бесполезно. Но, наверное, тогда с нами зря так жестко. Хотя Маргарита Ивановна в последующем... Мы многому научились. Она прекрасно преподавала химию. Но вот этот осадочек остался. Не надо так было с нами. Неправильно.

Еще перестройка

Некоторое время назад страну потрясло убийство Немцова в Москве. Опять всплыли перестроечные темы, перестроечные проблемы, опять вышли на арену те люди, кото-

рые кликушествовали в конце 80-х – начале 90-х годов за псевдосвободный рынок, за псевдодемократию. Безусловно, убийство человека – это тяжелейшее преступление, оправдания которому быть не должно. Кстати, мне малопонятно, почему у нас в стране до сих пор сохраняется мораторий на смертную казнь, когда есть терроризм, когда есть маньяки, когда есть групповые убийства. Объяснить логикой и гуманностью это просто невозможно. Есть жуткие преступления, и люди, которые их совершили, просто по определению жить не должны. Другое дело, что силы, которые внесли эти законы, так же как закон о конфискации имущества в свое время провели через первую Думу, до сих пор находятся на коне, до сих пор в силе. Это грустно.

Убийство, безусловно, событийное. Немцов, безусловно, одна из ярких фигур 90-х годов. Но светлая ли это фигура и нужно ли дискутировать и рвать волосы на себе по поводу открытия памятника на месте убийства этого человека. В моем восприятии Немцов, Гайдар и иже с ними украли у страны, украли у нас правду, украли веру в честность власти и в порядочность государственных деятелей. Не думаю, что этому человеку нужно ставить в центре Москвы памятник. Расследовать дело – да, безусловно. Но памятник не нужен.

Мне малопонятны потуги сделать из Егора Тимуровича Гайдара некоего святого и гениального экономиста. Так получилось, что я прочитал его основные экономические работы. Был некий юбилей диспансера, достаточно сложные го-

ды, я обратился за помощью ко всем, кто мог помочь, в том числе и к политическим партиям. Вскоре ко мне пришли очень длинноногие, очень красивые девицы модельного вида. Сказали, что они передают личный привет от Егора Тимуровича, желают мне успехов в борьбе с раком и за демократию, рыночность. И подарили его двухтомник с личным автографом. Я с трудом, но с интересом прочитал 1,5 тома точно. Может быть, больше. Но напомнило мне это примерно те ощущения, когда мы конспектировали работы классиков марксизм-ленинизма. Правда, там все было вне контекста времени, места и конкретной ситуации, а здесь совершенно контекстно. Отношение к стране, к людям, как к шахматным фигурам – если мы сделаем там, прижмем здесь, то будет такая реакция. В общем, достаточно тягостное впечатление. И в какой хаос ввергли страну эти действия, тоже говорить не нужно. Но через некоторое время, довольно короткое, пришли выборы, и те же прекрасные чудные барышни снова пришли ко мне с просьбой уже поддержать партию Егора Тимуровича на выборах. Я их поблагодарил за доверие, сказал, что мы сделаем все, что сможем, и в ответ подарил им свою первую только вышедшую монографию со своим автографом «лично Егору Тимуровичу». Я не знаю, сохранилась ли у него моя книжка в его мемориальной библиотеке, у меня на полке двухтомник Егора Тимуровича с автографом стоит рядом с монографией Зюганова и еще с книжками других известных людей.

ФСБ

Жизнь складывается интереснейшим образом. В свое время, точнее в начале 90-х годов, я познакомился с генералом Валерием Михайловичем Третьяковым, начальником Челябинского управления Федеральной службы безопасности. Со временем это знакомство переросло в дружбу. И мой старший товарищ, я именно так позиционирую для себя этого человека, пригласил меня стать офицером запаса Федеральной службы безопасности. За эти годы прошло уже более 20 лет. Эта служба подарила мне знакомство и дружбу со многими очень интересными, яркими людьми, она позволила посмотреть с необычного нетрадиционного ракурса на ряд интересных и знаковых событий в нашей области. Надо сказать, что, придя на службу капитаном запаса, я стал сначала майором, потом подполковником, что само по себе достаточно интересно. И благодарен судьбе, что получилось именно так и именно таким образом. Горжусь своей принадлежностью к этой структуре, рад, что она подарила мне столько друзей и столько интересных моментов в жизни. Буду очень рад, если и я тоже принес какую-то скромную пользу службе.

Ядерная медицина

По сути, это основная научная тема и основное увлечение, которое поглотило меня на последние 20 лет, даже больше – наверное, на всю жизнь. Первая встреча со специально-

стью была еще в институтские годы, когда мне в руки попала книжка «Радионуклидная диагностика и терапия». Тогда на взлете была вообще ядерная тематика в стране. Меня это увлекло, но никогда не предполагал, что увлечет настолько надолго и настолько глубоко. Все началось с того, что я стал врачом-радиологом в заштатном диспансере, в заштатном радиологическом отделении с достаточно слабым врачебным составом. Неким толчком стало появление у нас в отделении Валерия Ивановича Кирюшкина, доктора наук, профессора, лишённого этого звания по ходатайству обкома партии. Человека очень своеобразного характера, своеобразной судьбы, весьма спорного в плане личных качеств, но крупного ученого и блестящего аналитика. Человек, который в самые лучшие годы для развития на Урале ядерной медицины, проблем лучевой болезни, был заместителем директора по науке 4-го филиала Института биофизики. То есть это человек, который занимался последствиями радиационных аварий на «Маяке» с самого начала и входил в когорту тех корифеев, которые разработали и создали это понятие у нас в стране. Потом жизнь повернулась благодаря ошибкам и грехам самого Валерия Ивановича так, что он оказался в качестве начинающего радиолога у нас. Но от него я впервые понял масштабность специальности, во многом научился работать с литературой, анализировать факты. Это впоследствии очень помогло. Будучи начинающим врачом-радиологом, быстро защитив кандидатскую диссертацию, хоте-

лось заниматься еще чем-то – чем-то масштабным и серьезным. Такой показалась мне и оправдала надежды радиохирургия. В моем распоряжении были источники кобальта-60 с неравномерной активностью на концах для лечения рака оро-фарингеальной зоны. Можно было смело и широко работать. Тогда впервые я приобрел опыт работы с предприятиями ВПК. У нас лечился замечательный человек, очень интересный специалист Михаил Анисимович Анисимов, директор Кыштымского радиозавода, который, как я впоследствии узнал, занимался изготовлением аппаратуры для химкомбината «Маяк» и Минсредмаша в целом. И его конструкторы помогли мне сделать небольшую разработку, а именно пластмассовые интрастаты для источников, которые очень с виду простые, решали множество функций благодаря подбору материалов и грамотному расчету, а именно отсекали от интрастатов вторичное рентгеновское излучение и снижали практически до нуля наведенную радиацию, что позволило очень сильно снизить лучевые реакции, возникающие у пациентов в процессе лучевой терапии этой зоны. Затем по моим материалам была защищена докторская диссертация, там было еще несколько интересных глав. И став доктором наук, я был принят в круг серьезных специалистов, это позволило более масштабно заниматься избранной темой. Вскоре после защиты диссертации в диспансере появились линейные ускорители, тут же пришла эпоха контактной лучевой терапии, шлангового гамма-аппарата, Селектрона, Микроселек-

трона, первых поездок за рубеж. Приоткрылись двери в Федеральный ядерный центр, и началась настоящая масштабная работа.

О нейтронном центре я поговорю несколько позже. О других вещах. Очень приятно, когда ты делаешь дело, которое без тебя было бы сдвинуто намного позже и, наверное, не в таком объеме. Это первые ускорители, одни из первых в России, которые были закуплены в 1994-1995 годах. Следует отметить, что масштабность руководителя той эпохи позволила это сделать. Я был просто мальчик, молодой кандидат, потом доктор наук, заведующий отделением. Я имел доступ к начальнику управления здравоохранения Владимиру Борсовичу Макарову, по-нынешнему министру, к вице-губернатору Николаю Родионовичу Суденкову и другому вице-губернатору Вячеславу Анатольевичу Ячменеву, которые услышали эти темы, включились и помогли их сдвинуть. Нейтронные центры, ускорители и далее.

Середина 2000-х годов, даже начало 2000-х годов ознаменовались тем, что в нашем лексиконе появился термин «ПЭТ». Тогда в стране мало кто об этом слышал. Радионуклидная терапия, радионуклидная диагностика – казалось, что это не для нас, это удел крупных НИИ. Но постепенно руководство проникалось этими проектами и удалось их реализовать. Так ПЭТ начался в начале 2000-х годов с американской программой ядерных городов, когда, как говорит наш Президент, наши партнеры решили придумать нечто и

отвлечь оборонщиков, оружейников от основной тематики. Мы предложили проект создания ПЭТ-центра на Урале по расчлененной схеме, а именно размещение производства радионуклидов в Снежинске, а клиническую часть – у нас в диспансере. Мы защитили эту программу в Министерстве энергетики США. Была действительно серьезная экспертиза и серьезная конкуренция, мы наработали опыт с очень серьезными партнерами как у нас в стране, так и за рубежом. Был готов проект центра. Но затем изменилась политическая ситуация, политическая конъюнктура, и проект был на некоторое время остановлен. Потом, уже в 2008 году, он был возобновлен и очень быстро благодаря усилиям Петра Ивановича Сумина доведен до фазы завершения. Примерно тогда же в Шрифпорте в начале 2000-х годов родились и другие проекты... Шрифпорт – это небольшой городок Луизиане, в некоторой степени аналог Челябинска-70. В 1950-1960-1970-е годы там активно добывалась нефть, и деньги лились также рекой. Но потом американцы решили заморозить свои нефтяные запасы, и возник вопрос, а что делать с городом. Власти нашли решение, создав очень мощный Центр биомедицинских технологий. Именно там мы увидели прообраз того, что сейчас называется «Кибернож». В 2009 году зашли разговоры о «Киберноже». В 2010 году мы его монтировали. Это был колоссальный рывок, так же, как и Федеральная программа онкологии, куда мы вошли первыми и первыми получили статус Окружного онко-

логического диспансера. Обидно, правда, что федеральный Минздрав за исключением освоения выделенных денег всю остальную часть проекта, а именно создание принципиально новой структуры онкологической помощи, не реализовал, списал, видимо, или за непониманием, или за ненадобностью. И вот эти вещи радуют глаз, они создали совершенно новые возможности как для пациентов, так и для врачей-онкологов, что тоже важно.

Хочу отметить, что во время работы со специалистами из «Росатома», бывший Минсредмаш, не встречалось ни одного прилипалы, кои нередки во врачебной среде. Есть категория людей, есть человек, который некоторое время был рядом со мной, который как только чувствует запах свежего проекта, свежих вложений, перспективы, приходит, очень ярко и красочно рассказывает о перспективах. Цикл активности у этого человека был 4-5 лет. Потом, когда приходило время говорить о свершениях, о реалиях, о результатах, надевалась маска обиженного, недооцененного, человек со скандалом исчезал, уходил в другое место, где запахло опять же чем-то вкусным. В течение жизни он проделывал несколько таких циклов, и диспансер был этапом для него. К счастью, к нашему атомному проекту он не имел отношения, удалось его от этого отстранить и не допустить.

Вторая сложность – это люди, которые абсолютно не понимали, зачем это и как, за счет примитивизма сознания, примитивизма взглядов, которые в медицине видят только

коммерцию и ничего, кроме этого. Понятно, что общение с этими людьми, противодействие им потребовало довольно больших расходов как времени, так и психической энергии. Но, тем не менее, горжусь тем, что ядерная медицина стала моей основной научной темой, основной специальностью, по этому поводу защищен ряд интересных диссертаций, изданы две интересные солидные монографии, которыми я горжусь и которые ставлю в первый ряд своих успехов. В общем, судьба подарила очень интересное дело, которым продолжаю заниматься, и думаю, что основные наши успехи еще впереди.

Лаврентий Палыч Берия

Сегодня праздник у ребят – у нашей пионерии!

Сегодня в гости к нам пришел Лаврентий Павлович Берия!

Он нам всем расскажет, если мы попросим,

Про ядро урана-238.

Колхоз

Безусловно, молодость окрашивает абсолютно любые события в яркие эмоциональные краски, потому что это молодость. Много было сказано в свое время негатива про советскую систему образования, про сельхозработы, но у меня пребывание в колхозе в годы института и позже вызыва-

ет самые позитивные воспоминания наперекор псевдоинтеллигентному общественному мнению. Достаточно мудро было первокурсников после марафона выпускных, вступительных экзаменов отправить для прочистки мозгов на сельхозработы. Я как-то подсчитал, за это лето, когда мы сдавали выпускные экзамены... было 12 экзаменов, плюс 4 вступительных, каждый экзамен проходил в среднем раз в 2 недели. Причем носил, безусловно, судьбоносный характер. Так же, как в школе, они всерьез влияли на средний балл, точно так же на вступительных экзаменах каждый балл был действительно золотым. И не очухавшись от этого напряжения, мы оказались в абсолютно непривычной среде, в колхозе, в пионерлагере «Чайка», который был мало приспособлен для человеческой жизни. Пока было тепло, еще туда-сюда. Умывание на улице, фанерные домики. Своеобразная достаточно еда утром в столовой. Но, наверное, это то, что и было нужно в то время нам всем. Надо сказать, что все, кто оказался в колхозе из наших двух групп 107-й и 108-й, мы так и остались достаточно близки в течение всех институтских шести лет и последующих уже страшно подумать скольких в практической работе. Ребята, которые в колхоз не поехали, они были ничем не хуже нас, но настолько близкими они нам не стали. Причем даже те, кто побывал в колхозе недолго, буквально недели полторы, потом по болезни, по всяким другим причинам исчез, они все равно остались нашими. Совершенно четко выделялись парни, которые вернулись из

армии. Большая закалка, приспособленность к такой жизни. Надо сказать, что подобное мы наблюдали потом в военных лагерях на пятом курсе. И было достаточно смешно смотреть на ситуацию, когда мы все были студентами, к 5-му курсу уже нарисовались, у каждого был понятен его потенциал. И мы оказались всего на месяц в лагерях, и отличало нас, что у кого-то лычек не было, у кого-то лычки были. Сработали инстинкты, и часть пацанов наших же, которые имели лычки, в этот месяц начали всерьез ими пользоваться. Увы, то ли это наша национальная особенность, то ли это недостатки интеллекта отдельных людей, но вот эта особенность, когда даже на короткое время появляется возможность командовать, люди не всегда способны воздержаться от этого искушения. Вернемся, тем не менее, к колхозу на первом курсе. Надо сказать, что развлечения были незамысловатые, их, точнее, вообще не было. Подъем очень рано утром, построение, вывоз на раздолбанных автобусах в поле, отмеренная борозда, и кидай-таскай. Но тогда я, честно говоря, не помню, родилась карточная игра под названием «Гамадрила», причем отыгранные карты сбрасывались в профунду – такой рукав от куртки, то есть в переводе с латыни «профунда» – это глубина, углубление. Все это осталось вместе с нами.

Более того, даже те личные отношения, которые появлялись в колхозе, они тоже сохранились очень надолго. По крайней мере, у меня это имело место быть. Девушка, которая обратила на меня внимание в колхозе, с ней связи не

потерялись в течение всех лет института, хотя не сложилось в личном плане, так получилось... Все складывалось, но в итоге не сложилось, к сожалению, к счастью, но есть так, как есть. Но мы сохранили эти добрые отношения и до сих пор испытываем удовольствие от встреч. Спасибо – всему основной, конечно, колхоз. Когда начались холода, температура стала подходить к минусу, ситуация стала еще жестче. Но после колхоза я не испытываю такого кайфа по возвращении домой, который был испытан тогда. Теплая квартира, горячая вода, вкусная еда. Наверное, можно понять нынешние увлечения западноевропейских бургеров, среди которых достаточно популярны туры на три недели, на месяц в такие абстрактные лагеря – нечто среднее между СС и сталинскими, где состоятельный человек, которому наскучили жизнь в цивилизованном обществе, хорошая еда, хорошая машина, квартира, комфорт, покупает тур, приходит, его переодевают в робу, селят в барак человек на 40-50, дают в руки тачку, и он в течение этих недель питается отвратительной похлебкой, таскает, возит грунт, камни какие-то. За нарушение и провинности могут посадить в карцер. Речь не идет, конечно, о серьезных физических наказаниях. Но говорят, что когда бургер возвращается из этого тура, мозги прочищаются, он начинает наслаждаться квартирой, едой, работой, машиной и прочими благами цивилизации.

Но первый курс – это прочистка мозгов. В последующем в колхозе приходилось бывать. А нашему курсу повезло. Мы

сполна как бы это хлебнули и на более младших курсах, и на 5-6-х. Но на 5-6-х курсах это было скорее уже некое развлечение. Утром мы приезжали на электричке, выстраивались, получали объем работы, более-менее ее делали. В обед обедали, отдыхали. Вечером ехали на электричке домой в домашние условия. Молодняк, конечно, оставался в поле и в лагерях, что вызывало наше естественное одобрение, повторяю, дедовщину никто не отменял в медицине: вот мы попахали и вы попахите. И тогда же мы поняли вкус, было великолепное блюдо – печеная картошка. Причем по своеобразному варварскому рецепту набиралось ведро картошки, ведро переворачивалось вверх дном, вокруг ведра раскладывался костер не очень сильный, и в течение минут 40, часа внутри ведра картошка изумительным образом запекалась, не было прилипшей золы, углей. Ничего вкуснее я ни до, ни после не ел. Но надо сказать, что ведро после этого никуда не было годно. Но кто в те годы с этим считался.

Потом мне довелось провести год, уже будучи клиническим ординатором, в колхозе полевого преподавателя. Был такой термин. Более того, во время нашего пребывания даже снимался учебный фильм по заданию Министерства здравоохранения Советского Союза об организации сельхозработ. Был такой «крупный руководитель» этих работ Леонид Доцоев, человек не слишком, даже скажем, совсем не преуспевший в науке. Но, тем не менее, видимо, полезный был человек для института, носил совершенно заслуженно и по

внешнему виду, и по сути кличку Бендер. Бендеру поручили сделать этот фильм, я в нем фигурировал в качестве конного преподавателя, который осуществляет контроль за студентами на длинных гонах. Меня действительно впервые в жизни посадили на лошадь. Я находился в кадре, изображая конного преподавателя, который контролирует, организует работу студентов на длинных прогонах. Попытался я проехать на лошади самостоятельно. Никакого удовольствия или положительных эмоций это не принесло. Все-таки мы – дети цивилизации и более привычно иметь в руках руль автомобиля, чем живое доброе животное, которое как имеет свою волю, так и прислушивается к твоей. Нет, езда на лошади – это все-таки не для меня.

Забавности были и среди нашей жизни. У нас была команда молодых клинордов и преподавателей. И руководил нами Николай Федорович Долгов, старый матерый ассистент с кафедры общей хирургии. Конечно, мы для него все были пацаны, он все наши шалости видел, знал. Но, тем не менее, в разумных пределах позволял ими заниматься. В частности, когда Долгов уезжал в город, мы заказывали на кухне жареную картошку, это был деликатес даже для преподавателей. Позволяли себе ужинать не в общей столовой, а у себя в маленьком домике, где нас жило человек, наверное, 7 или 8. Все равно с условиями студентов это было очень роскошно. Появлялась водка или даже спирт. И люди, которые впоследствии стали совершенно рафинированной профессурой, не

брезговали этим напитком, иногда даже и неумеренно. Был один парень, который нам почему-то очень не нравился. И сапоги у него были вонючие, вел он себя не так. В качестве достаточно злого развлечения мы проделывали такие штуки. Мы все подходили греться к печке. Мы незадолго перед этим или в процессе незаметно бросали через верхнее отверстие несколько ампул 20%-й глюкозы, которая спустя 2-3 минуты со страшным грохотом взрывалась внутри печки, подбрасывала вверху крышку, открывала дверцу. В общем, было очень весело. Под занавес мы как-то взяли у этого парня и зачем-то сожгли сапоги. Молодежь всегда достаточно злая. Ничего он нам плохого не сделал, но сапоги были сожжены.

Но в целом, колхоз – это очень светлый промежуток жизни, светлые воспоминания, если хотите, где-то и школа жизни, особенно для городского мальчика, которого максимум с чем сводила жизнь, это работа в саду у дедушки и бабушки.

Израиль

Израиль – земля обетованная, святые места. Достаточно долго я был атеистом, убежденным, неубежденным, но так сложилось. И начитавшись Марка Твена, путешествия янки в Святую землю, в первый раз я ехал в Израиль с очень большим скепсисом. Надо сказать, что было это в августе 1998 года. В июне я стал главным врачом. В августе состоялась такая двойная поездка на конференции: сначала была Турция, Кемер, по-моему, дней 7-10, пока мы были там, разразил-

ся кризис, неплатежи, начались все эти известные процессы, которые называют кризисом 1998 года. Я, будучи молодым, совершенно зеленым руководителем, до конца не понимал, что происходит, чем это грозит и что может быть, это, может быть, меня и спасло. Диспансер достался мне с большими долгами. Мой предшественник, зная, что скоро он не будет на этой должности, без всякого зазрения совести набирал в долг химиопрепараты, расходники, еще много чего. И все это свалилось на меня. Когда первая поездка закончилась, сразу через сутки начиналась вторая – программа, в которую входили Кипр и суточное пребывание в Израиле. Я решил, что будет, то будет. Коль такая ситуация по всей России, наверное, мне одному в Челябинске ее не спасти. Я принял решение до конца пробыть положенный срок на конференции в учебе, съездить в Израиль, потом вернуться домой. В общем, это было правильное решение, потому что дома ничего хорошего не ждало, – колоссальная работа, большая нервотрепка. И вот мы на пароме с Кипра отплываем в Израиль. Естественно, планировалась экскурсия в Иерусалим. Я ехал туда с большим убеждением, что дурят нашего брата, что все это достаточно несерьезно, показушно и надуманно. Но надо сказать, что одного дня хватило, чтобы полностью изменить мнение атеиста о том, что действительно что-то было. Это можно по-всякому называть. Но любое явление имеет вполне понятную инерцию, тенденцию к затуханию. Принцип кругов по воде: чем они шире расходятся, тем ни-

же уровень волны. Закон распределения энергии, энтропии – все это известно. Но меня убедило то, что какого масштаба было событие 2 тысячи лет назад в Иерусалиме, что до сих пор круги расходятся и до сих пор высота их стала такой, что она существенно влияет на жизнь всего человечества. Виа Долороза, Голгофа, храм Гроба Господня – все это очень трудно передать на словах. Но ты чувствуешь вот эту энергию намоленного места, энергию эмоций, которые бушевали здесь, и совершенно очевидно, что здесь что-то происходило, происходило что-то масштабное. После этого я неоднократно был в Израиле, неоднократно был в Иерусалиме, и это только усиливало мое впечатление о том, что события громадного планетарного масштаба имели место быть совершенно реально. Но и современные представления о религии, о науке чем дальше, чем больше сходятся.

Та же самая теория эволюции видов Дарвина несколько не противоречит Библии. Дарвин берет определенный кусок, где развитие его теории прекрасно работает. Но есть факты, которые современная наука объясняет или не объясняет так же, как и религия. Что есть теория Большого взрыва, возникновения Вселенной? Это точка, это Большой взрыв. Расписано все физиками очень толково. Сначала в наносекунды, потом в секунды, потом в месяцы, годы и миллиарды лет произошло формирование Вселенной в том виде, в котором мы живем. Но мы должны понимать, что наша жизнь, наше представление, наша история занимают очень краткий

период в развитии Вселенной. А что такое Большой взрыв как не сотворение мира? Богословы, этиологи со многим соглашаются, что, по сути, это одно событие, описанное разными людьми с разным запасом знаний для разной аудитории. Пойдем дальше. Мы помним, кто немножко постарше, учебники биологии, описание опытов академика Опарина, который в некоей банке помещал различные вещества, нагревал, взбалтывал, пропускал электрические заряды. Но и вроде как считалось, что именно так на Земле появились первые аминокислоты и белки. Но на сегодня совершенно очевидно, что аминокислоты есть в веществе комет и в планетарном веществе метеоритов и астероидов. Но такое взбалтывание и пропускание молнии не могло привести к появлению белка, не говоря уже о ДНК. Здесь должен иметь место быть процесс совершенно другого уровня. Если брать за основу теорию вероятности, то в миллион раз быстрее можно, тряся ящик с радиодетальями, получить схему цветного телевизора, чем простейшую белковую молекулу. То есть некий акт творения, качественно изменивший биохимию планеты.

И последнее, это появление многообразия видов, которое едва ли могло развиваться с самого начала только из теории Дарвина. Как онколог могу сказать, что в человеческой ДНК, а по сути это компьютерная программа, очень большой объем занимают такие вещи, как онкогены, как геномы, которые управляют появлением диабета, атеросклероза. То есть механизмы самоликвидации вида, когда вид начинает чрез-

мерно доминировать на планете, когда он побеждает многие природные невзгоды, которые ограничивают его экспансию. Откуда появились эти программы? Кто их внес? Зачем они? Теория Дарвина не дает объяснения этому фактору.

И, наконец, разум. Что такое разум? Когда он появился? Зачем он появился? Каким образом? И где то качественное отличие неразумных животных от разумного человека? Есть ли это качественное отличие? Если внимательно читать Библию, то, по сути, общение избранного народа, евреев с Богом сводится к чему? Был взят некий народ, изолированно живущий, с устоявшимися обычаями, достаточно замкнутый, в пустынной местности. Были и более благоприятные места. Избирались некие люди. Их можно назвать пророками, можно назвать контактерами, которые общались с Богом часто в одиночку, чаще на равнинной поверхности, чаще на холмах и на горах. Разве не похоже на мобильную связь или на любой вид радиосвязи? Которые получали некие инструкции, некие правила жизни, приносили их соплеменникам, которые некоторое время следовали им, через какое-то время натура человека брала верх, благие заповеди забывались, люди начинали грешить так, как грешили, инструкции носили все более жесткий характер. Иногда за невыполнение по нарастающей следовали наказания, голод, мор, осы и как апофеоз это Великий потоп, когда другого средства найти было невозможно. Затем появление богочеловека Христа, существа с двумя жизненными программами. Как это можно на-

звать? Как это можно объяснить? Есть термины в науке, есть термины в фантастике, есть термины в религии. Я перестал быть убежденным атеистом, я верю, что нечто происходило в истории Земли, нечто дало нам морально-нравственные правила, по которым мы живем. Нечто присутствует и сейчас. Как это назвать, сложно сказать. Но то, что нечто имеет место быть в нашем материальном мире, для меня это факт. Поэтому, дорогие друзья, в Бога я верую, верую убежденно. Если хотите, как ученый. Но факт такого явления для меня сомнения не вызывает.

Конец застоя

Должен сказать, что я не согласен с этим термином, который присутствует в нашей публицистической литературе. Не застой, скорее всего, стабильность. Период развития страны длиной примерно в 15 лет, может быть, чуть больше, который сопровождался наивысшим подъемом материального благосостояния, самознанием гражданского общества и, самое главное, появлением среднего класса. Но вместе с тем, безусловно, присутствовали и ксенофобия, и ограниченность от окружающего мира, и ряд достаточно смешных обычаев, которые этим сопровождались. Я помню очень хорошо, когда мы только поженились и жили на улице Цвиллинга, 36, рядом с кинотеатром «30 лет ВЛКСМ». Сейчас там расположен какой-то клуб, а внизу этого дома – кафе. Место очень уютное, престижное, хорошее. Но одним из

недостатков той эпохи было отсутствие свободной информации, вообще свежей информации. На свадьбу нам подарили полное собрание сочинений Чехова. И из-за недостатка читыва (а я читатель был запойный, как и сейчас) я полное собрание сочинений Чехова прочитал от корки до корки с комментариями, с письмами, со всем прочим. Надо сказать, что прививка оказалась не самая удачная. Я в Антоне Павловиче несколько не разочаровался, но в течение всей последующей жизни желания снова взять в руки томик Чехова у меня не возникало. Все-таки переедание вредит здоровью, в том числе и психическому.

Рядом с домом была татаро-башкирская библиотека. Такое заведение. Не знаю, сейчас она жива, нет, но библиотека нельзя сказать что очень хорошая, но со своеобразным набором книг. Почему-то там очень много было книг про авиацию и историю авиации. Множество очень интересных произведений: мемуары Мясищева, Туполева, многих... Мемуары наших известных летчиков-испытателей. Я для себя много почерпнул из совершенно других немедицинских сфер знаний, начитавшись и прочитав значительное количество этой литературы. В другой ситуации я бы, наверное, к ней не прикоснулся. Но я стал в этом плане весьма образованным человеком, что в будущем мне облегчило и уровень понимания с моими будущими коллегами из Государственного ракетного центра, из Федерального ядерного центра, поскольку именно там я косвенно почерпнул некие имена, фамилии,

знаковые структуры, которые играли очень важную роль в истории и в технической жизни нашей страны.

Чуть позже мы пережили начало перестройки Михаила Сергеевича Горбачева, который, как очень хитрый умный бес, запудрил наше сознание, обаял, внушил абсолютно неоправдавшиеся надежды в некое скорое светлое будущее. И надо сказать, не надо кокетничать, и я ему поверил, и многие мои друзья тоже поверили. И как было обидно потом понимать, что вообще нас надули, нас завели в тупик и под эту веру разрушили страну, в которой мы прекрасно жили. Я думаю, жили бы еще достаточно долго в совершенно других условиях, принесся намного больше пользы и государству, и нашим соотечественникам. Та разрушенная система координат позволяла самореализоваться совсем не тем людям, которые потом к концу 80-х годов вышли на первые роли в государстве и вообще в жизни. И очень жестко задвинула назад действительных носителей знаний, талантов, разрушила много судеб. Пример тому (я уже об этом писал ранее) это довольно большое количество моих одноклассников, которые отдали свой ум, талант действительно объективным серьезным профессиям, связанным не с менеджментом и с технологиями купи-продай, а с созиданием. Увы, это произошло. Недавно в прессе упоминалось событие – 20 лет со дня смерти Листьева. Безусловно, талантливейший человек, однозначно талантливый журналист. Я помню, что в этом же перестроечном угаре вечерами, как мы ждали, смотрели их

передачи «Взгляд», «До и после полуночи». Но задним числом это оказалось мороком, за которым разрушалась страна, за которым подменялись реальные истины на лживые, уничтожались таланты, уничтожалось то прогрессивное и здоровое, что было в нашей стране. Абсолютно не согласен с теми восторгами по поводу заменившей «Взгляд», «До и после полуночи» программы, которая до сих пор благоденствует и существует «Поле чудес». Примитивнейшее, бредовое действие, не требующее ни интеллекта, ни общей культуры, построенное на самых примитивных низменных инстинктах. Боже мой, что за короткое время сделали с нашим народом! Можно отметить, как на фоне этой идиотской передачи на задних рядах оставалась интеллектуальнейшая программа «Что? Где? Когда?». Нет, не «Что? Где? Когда?». Ну назовем ее так. Но опять же насколько она эволюционировала. Сначала были интеллигентные клубы, интеллигентные встречи. И ребята играли за книги. Понятно, что книги тогда были в дефиците. Но, тем не менее, все-таки игра мозгов за книги – это нечто другое, чем игра мозгов за деньги, и деньги приличные – во что потом это выродилось. Да, знатоки, я считаю, что это все-таки мозговая элита, которая уцелела. Но вот этот симбиоз интеллекта, знаний и бизнеса выродился фактически не в мозговые штурмы, не в мощь интеллекта, а в некую угадку, за которой стоят большие деньги, честно говоря, в последние годы и после смерти Ворошилова у меня лично интереса эта программа не вызывает.

В целом же хочу сказать, что этот период начала перестройки – это жуткая ломка в сознании, жуткая ломка в мироощущении и очень было обидно в молодом возрасте осознавать, что твои знания, твои таланты не очень и нужны стране, государству, на которое ты работаешь. К сожалению, это чувство преследует меня и теперь. Все, что было сделано в науке, все, что было сделано в медицине, в медицинских технологиях, делалось вопреки социальному заказу по собственной инициативе с группой единомышленников, но ни в коей мере не по требованию государства, не по требованию области. Перестройка нанесла нашей стране, да и мне лично очень мощный удар, хотя считаю, что, в целом, конечно, жаловаться на судьбу бессмысленно и грешно. Я доволен своей жизнью, ее промежуточными результатами, итогами. Но очень обидно. Нас поманили, мы поверили, и нас очень жестоко обманули. Фигуры, которые стояли во главе, это, прежде всего, конечно, Горбачев, Яковлев и мелкота типа Гайдара, Немцова, Явлинского и прочих. Обидно, друзья.

Баку

Где-то в начале 2000-х, в 2004-2006 годы, состоялся очередной съезд онкологов СНГ в городе Баку. Диспансер довольно большой делегацией принял участие в этом мероприятии. Было страшно интересно оказаться в Азербайджане, уже другой стране, стране азиатской, стране очень колоритной. Мы не пожалели о поездке. Надо сказать, что организо-

вали все очень интересно. Родственники одной из наших пациенток из челябинско-азербайджанской диаспоры организовали нам прием. И подавляющее большинство наших ребят жили в махалле. Это азербайджанский гостевой дом в одном из районов Баку. Представляете себе двор, где растут гранаты, которые можно срывать, можно есть; своеобразный дом, где две половины – мужская и женская, где мы разместились. Хозяева очень благорасположенные, которые в наше распоряжение дали маршрутку, микроавтобусик старый «Мерседес», который возил нас по городу, извиняюсь за подробности, мусульманский туалет со всеми необходимыми атрибутами. Сам по себе съезд был не очень интересен. На съезде был главный гость, и все остальные делегаты подавались в качестве необходимого гарнира к основному блюду. Мы роль этого гарнира и выполняли. Но нам не было скучно. Меня поселили, так уже получилось, в 5-звездочной гостинице «Амбассадор». Пафосная, азиатская, со всеми атрибутами 5-звездочного отеля. Очень большой номер со всеми удобствами. Надо сказать, что мы всей компанией заваливались к нам. К заслугам и достоинствам персонала можно отнести то, что не было никаких препятствий для посещения отеля. И когда ко мне в гости приходило 7-8-10 человек, барышни начинали принимать душ в ванной комнате, стирать, уходил весь запас шампуня и всего прочего, никто слова не сказал и замечания никогда не сделал.

Баку – совершенно потрясающий город, где слились и во-

сток, и современная цивилизация. Напомним, что поднялся он в начале века, когда английские нефтяные компании начали разработку нефтяных залежей. Даже не залежей, нефть была на поверхности. И сейчас город тоже окружен нефтяными вышками, нефтяными терминалами. Более того, даже сегодня имеется существенное количество частных нефтяных вышек. Если на твоём участке имеется такая нефтеносная жила, то люди ставят качалки, качают и получают свой доход. В Баку живет один наш старый общий знакомый, друг клиники, хирург, специализирующийся на эндокринной онкологии, эндокринной хирургии. У него на даче есть именно такая небольшая качалка, которая дает очень существенное подспорье для семьи. Надо сказать, что в этом же доме у этого профессора имеются великолепные винные подвалы, в которых не только вина, но и домашний коньяк потрясающей выдержки, потрясающего качества. Ничего более вкусного я не пил. Пожалуй, с этим азербайджанским коньяком можно сравнить только армянский коньяк, которым меня угощали в Ереване, тоже из подвалов, тоже частного производства, тоже очень выдержанный. Сложно сказать, какой лучше. Но оба напитка качественно отличались оттого, что мы покупаем в магазинах.

Особенно интересной запомнилась поездка на Каспий. Очень нам хотелось покататься в Каспийском море. Море, кстати, не самое ласковое и не самое благодатное для курортников. Но имеются очень большие песчаные берега, силь-

ный ветер, большая волна. Нас привезли в некое место на берегу, где стоит армейская палатка и азербайджанская семья занимается обслуживанием туристов. Представьте себе, что за 100 долларов 10 или 12 человек в течение дня развлекались, ели, пили, причем ели и пили всерьез, купались. При этом были счастливы, как и мы, так же счастливы были и хозяева. Волна была приличная. На каком-то этапе подъехали молодые парни, которые назвались спасателями, службой МЧС, сказали, что купаться категорически нельзя, они должны нам запретить это дело. Но какая-то смешная сумма типа 3-5 долларов решила проблему. Погода резко улучшилась и купание было разрешено, естественно, под нашу ответственность.

Если вернуться немножко назад, то нужно сказать, что встречали нас как дорогих гостей прямо у трапа самолета и провели к автомобилям, минуя пограничный контроль, минуя таможенные досмотры как делегатов конгресса онкологов. Правда, при выезде это вызвало небольшие шероховатости, отсутствие печати в паспортах. Но все очень быстро уладилось – мы дорогие гости, сказали, мы со съезда онкологов.

Опять без формальностей в самолет!

И у меня в паспорте так и не появилась печать о том, что я пересекал границу Азербайджана и вообще был в этой благодатной стране.

Уральский центр нейтронной терапии

Один из самых крупных, любимых моих проектов, который в общей сложности занимает около 25 лет...

Нейтронная терапия, безусловно, самый интересный масштабный проект, в котором довелось участвовать. Вообще я должен сказать, что некая неудовлетворенность нынешней молодежи своим положением в обществе и в мире обусловлена именно невозможностью или ограниченной возможностью участвовать в крупных масштабных проектах. В отличие от 90-х, на мой взгляд, роль начинают играть, к счастью, не столько размеры денежного вознаграждения, хотя это тоже важно. Зарплата должна быть достойной. Но среди разумной части молодой интеллигенции уходит погоня за обогащением любой ценой. Поэтому, мне кажется, наш опыт проекта нейтронной терапии может быть интересен и в педагогическом плане. Так вот, все родилось очень давно – в 1992 году, когда ко мне пришел по чисто житейским делам на работу мой друг и товарищ Эдуард Магда. Разговор зашел о возможностях лучевой терапии, развитии. Но какое развитие в 1992 году, когда все рушилось, зарплаты не выдавались, о чем говорить. Но, тем не менее, разговор возник, что у них в институте в Снежинске есть прибор – нейтронный генератор, который может использоваться как для основной тематики, так и для лечебных целей. Конечно, про нейтронную терапию я читал, но это была полная абстракция, примерно как полет на Луну или на Марс. И когда я знал, что

в принципе возможен даже разговор, интерес, конечно, был совершенно жуткий. Потом с этим я пошел к Владимиру Борисовичу Макарову, начальнику управления здравоохранения области. Не к министру, а просто к начальнику управления. Он человек, который обладал широчайшей эрудицией, великолепными мозгами, стратегическим мышлением, который мог принимать самостоятельные решения. Я тогда был главным радиологом области, еще не доктором наук, кандидатом, просто заведующим отделением, я мог прийти к министру здравоохранения и обсуждать абстрактно, казалось бы, завиральные темы и был принят и услышан. Потом к обсуждению проблемы подключились заместитель губернатора Ячменев, Николай Родионович Суденков. Потом были встречи с руководством Федерального ядерного центра, с Владимиром Зиновьевичем Нечаем, еще с целым рядом людей, о которых я говорил, наверное, еще скажу, и имена, которые присутствуют в тех изданиях, которые опубликованы на эту тему нами в открытой научной печати.

Начались первые выезды, первые контакты, сложности понимания. Поскольку медицина всегда жила в жесточайшем дефиците по остаточному принципу, а для людей, которые занимались разработкой ядерных боеприпасов, вопроса «а сколько это стоит?» не существовало, существовало, это нужно или не нужно, современно это или не современно. Но, тем не менее, пути искались, решения находились. Мы впервые увидели помещение, где будет размещен нейтрон-

ный генератор. Это был бетонный бункер с очень толстыми стенами, который нужно переделывать. Проводились точечные взрывы для прокладки кабель-каналов. Очень жаль, что тогда это категорически нельзя было снимать. И этот пласт истории ушел в никуда. Потом был страшно интересный период монтажа. Надо отдать должное прозорливости руководства области той эпохи, прежде всего Вадиму Павловичу Соловьеву, Володе Матвееву, руководителю отдела, который курировал ядерную тематику, ликвидацию озера Карачай, последствия аварии на ПО «Маяк». Когда зародилась идея поездки на стажировку в США, и она была реализована. До сих пор не понимаю, как это все-таки получилось. Не было ни Интернета, ни мобильной связи, был только факс. Удалось договориться с несколькими центрами в США, пробить визы и все-таки отправиться туда. Совершенно замечательная история, говорящая об интересе руководства к этой теме. Когда мы покупали билеты, несмотря на то, что творилось в стране, отсутствие денег, сроки приезда в Штаты были назначены, визы оформлены. Но билетов экономического класса до Нью-Йорка категорически не было. Пришлось обращаться к главе администрации. Он сказал: «Хрен с вами. Лететь же все равно надо. Летите первым классом». Вот это был мой единственный в жизни полет первым классом на Ил-96 на трассе Москва–Нью-Йорк. Конечно, потрясающий комфорт, потрясающий сервис. И само осознание, что ты в первый раз в жизни летишь через океан, летишь первым

классом, это незабываемые впечатления.

Потом была большая серия приключений полетного плана, когда задержали вылет, когда в Нью-Йорке замерз багажный отсек. В итоге мы опоздали на трансконтинентальный рейс, пришлось ночевать в GFK совместно с группой украинских археологов, которые попали в то же положение. И тогда я вспомнил знаменитые книги Хейли «Аэропорт», «Отель», про возможность позвонить call out. Мы передали в Сиэтл встречающей стороне, что мы задерживаемся, что такое приключение. На нас вышла русская диаспора. В общем, очень интересно было и доброжелательно. Затем был перелет через США, посадка в Солт-Лейк-Сити, задержка с посадкой в Сиэтле, поскольку военно-воздушная база закрыла небо. Мы сели в каком-то маленьком городке рядом с вулканом Такома на границе с Канадой. Мы были единственные русские. Маленький самолет. С нами все разговаривали, все общались, надарили кучу сувениров. Вот мы совершенно стеклянные от усталости, почти двое суток в пути, плюс естественный стресс, выходим в Сиэтле, получаем багаж, тут выясняется, что моя сумка порвана. Я опять же вспоминаю великого Хейли, подхожу к соответствующей стойке, объясняю, что так получилось. Мне предлагают или 40 долларов, или новую сумку. Я подумал, зачем мне 40 долларов, деньги есть, а сумка мне пригодится. Мне дали очень хорошую дорожную сумку, с которой я потом много лет летал в командировки. Надо сказать, что и порванную я тоже достаточно ак-

куратно и хорошо починил, она тоже долго послужила. Приезжаем мы в кампус, естественно, нас не ждут. Но номера забронированы. Одноместные номера на трех человек. Но мы тогда были мало привычные к одноместному размещению. Встречает на стойке такая классическая целлофановая американка со всей политкорректностью, со всеми ужимками. Я говорю: «Мэм, у вас есть номера больше, чем одноместные?» Она отвечает: «Конечно, есть».

«Конечно, есть большие номера». И показывает мне фотографию громадного номера, американские полугектарные кровати. «О'кей, мэм. А могут джентльмены поселиться в таком номере?» Она вся задергалась, покраснела и говорит: «Конечно, могут. Но двум из вас придется спать в одной постели». Я сказал: «Нас это нисколько не смущает. Мы с удовольствием берем этот номер». Она еще произвела какие-то телодвижения, отдала нам ключ. Мы ушли, приняли душ, страшно усталые перекусили. Тут же появились представители русской диаспоры, спросили, как у нас дела, какие проблемы, предложили покормить, но мы были настолько усталые, что было не до этого, и исчезли до завтрашнего утра. Назавтра утром они к нам привели барышню родом из Ташкента, которая там, работая в мэрии, познакомилась с американцем, приехала в Сиэтл. Она была сильно беременная, ей было скучно, она приехала нам помогать. И все 10 дней, что мы были в Сиэтле, она нас сопровождала, помогала, развлекала, вводила в курс американской жизни кучей нюансов,

без которых достаточно трудно там существовать в свободном полете. В качестве признательности за оказанные услуги попросила у нас старые российские газеты, в которые у нас в багаже были завернуты некоторые вещи. Сейчас это трудно представить себе, но тогда это было действительно так.

После первой недели работы вхождения в курс дела у нас проходит совещание, митинг у шефа радиологического отдела Тома Гриффина, очень интересного человека, великолепного специалиста. Потом какое-то время мы с ним поддерживали переписку. Далее, судя по всему, он, видимо, ушел на пенсию или уехал из Сиэтла. Так вот, на разборе, обсудив наши интересы, результаты, на вопрос «что еще хотелось бы обсудить?», я сказал: «Том, ты знаешь, вообще удивляет такое прекрасное отношение к России, такие симпатии к русским. Когда мы входим в столовую, многие встают и нам аплодируют». Он, похлопав меня по плечу, говорит: «Андрей, мне уже рассказали про вас. Россия здесь абсолютно ни при чем. Вас считают за группу педерастов и в диком восторге от открытости ваших отношений». Вот так довелось побыть руководителем группы гомосексуалистов.

После этого был переезд в Хьюстон. Надо сказать, что мы воспользовались добрым советом одного моего знакомого, более опытного в американских делах, купили стэнд-бай ваучер авиакомпании Delta, ныне практически прекратившей существование. Это своеобразный проездной, когда ты платишь 500 долларов и в течение месяца можешь летать в лю-

бой конец США, кроме Аляски и Гавайев, без ограничений при наличии свободных мест в самолете. Мы по мере сил развлекались. Был полет в Лас-Вегас – в город-казино. Город – это одна улица в пустыне Невада, где расположены казино, разрешен игральный бизнес. Но категорически запрещена проституция. Две параллельные улицы относятся уже не к Лас-Вегасу, а к штату Невада. Там категорически запрещен игорный бизнес и разрешена легальная проституция. Соответственно, люди с улицы на улицу перетекают, но закон не нарушают. Это американский город, в котором отсутствует уличная преступность в привычном виде, но доминирует преступность организованная. В свое время, в 30-е годы, Рузвельт даже смог легализовать деньги, заработанные бутлегерством, создал этот заповедник, где можно было, не предъявляя источника происхождения денег, разместить бизнес. Сюда мгновенно пришли казино, публичные дома, рестораны, гостиницы, практически необлагаемые налогом. И криминальный бизнес был в значительной степени легализован и повязан. Ты в этом городе можешь в всколь угодно пьяном виде оказаться на улице, лишь бы у тебя только в кармашке были координаты отеля, где ты живешь. Тебя отвезут, привезут, только играй. Это выгоднее, чем грабить на улице. Очень интересная есть сеть магазинчиков, где можно поменять более дорогую одежду на более дешевую, более дорогие часы на более дешевые, где можно заложить свой авиабилет, где можно взять кредит в банке, правда, под ди-

кие проценты, в случае громадного проигрыша на обратный билет домой и так далее.

Я не буду сейчас вдаваться в детали технологий, которые они привезли. Но года на два они наше продвижение в теме ускорили. Дома, тем не менее, шла стройка. И в те совершенно дикие времена как область, так и «Росатом» нашли возможность выделить крупные суммы как на монтаж нейтронного генератора, так и на обустройство всего Центра нейтронной терапии в его первом варианте. Затем пошла черед интереснейших радиобиологических экспериментов. Вместе с Институтом биофизики, тогда еще с ФИБ-4, где мы установили биологические параметры нашего нейтронного пучка, что было необходимо для начала работы с людьми, подготовлен математический аппарат. За это время произошла смена власти. Пришлось около двух лет потратить на убеждение нового руководства области в лице Петра Ивановича Сумина, Андрея Николаевича Косилова в перспективности и необходимости этого проекта, что тоже удалось сделать, и в них мы нашли очень крупное подспорье и верных союзников в этом проекте. И в октябре 1998 года первый пациент прошел лечение в нашем центре. Дальше последовали годы интереснейшей клинической работы, набора клинического опыта, осмысления результатов, публикации данных. Сейчас мы имеем один из самых крупных, может быть, самый крупный опыт использования нейтронов в области лечения злокачественных опухолей. Все, кто прикос-

нулся к этому проекту, все, кому удалось работать в нем, я имею в виду и врачей, и физиков, и политиков, испытывают глубокое удовлетворение оттого, что им удалось поучаствовать в наши времена в такой масштабной программе и достичь совершенно осязаемых практических медицинских и научных результатов. Сейчас, я очень надеюсь, и наша команда прикладывает все усилия, чтобы из нейтронного проекта вырастить проект ионно-протонного центра. Будем надеяться, будем работать. Если получится, я завидую тем людям, которые будут работать на этой технике, и, самое главное, принимать участие в создании центра, в отработке методик лечения. По сути, это настоящая наука, это открытие неизведанного, это изучение и открытие новых возможностей ядерной медицины.

Парадоксы развития онкологии

За тот период времени, когда я работаю в профессии (это для человека много, для специальности, конечно, не очень), произошла колоссальная эволюция в развитии нашей специальности, прежде всего в области химиотерапии, лучевой терапии. Появились принципиально новые препараты, принципиально новые возможности лечения, совершенно новые технологии. Но есть тенденции, которые мне, честно говоря, внушают опасения. То, что касается химиотерапии, на одном из конгрессов ASCO (Ассоциации онкологов) в США в Чикаго я видел график, который показывает рост эффективно-

сти химиотерапевтического лечения онкологических больных, такая реалистично поднимающаяся вверх кривая. На протяжении 30 лет сделаны наблюдения. И сверху взлетающая вверх по темпам роста, в разы опережающая первую кривую, стоимость лечения. Таким образом, каждый эфемерный выигранный день или неделя жизни обходится в десятки, сотни раз дороже, чем это было раньше. Понятно, что человеческая жизнь бесценна, понятно, что каждый день имеет величайшую ценность для любого человека. Нам нужно понимать, что за все это платит общество, которое имеет вполне определенный и чаще всего весьма ограниченный ресурс для оказания этой помощи. Безусловно, эта погоня за все новыми и новыми модификациями препаратов, которые, с одной стороны, существенно изменили эффективность лечения, перешла, на мой взгляд, в сугубо коммерческий проект, когда идет выкачивание денег из больничной кассы, из клиники, из пациентов, а взамен дается продление жизни, эффективность, которая никак не соответствует вложенным средствам. В дальнейшем, я считаю, это выльется в еще большие социальные конфликты внутри стран не самых богатых, к каким можно отнести Россию, Украину, страны Восточной Европы, и стран золотого миллиарда. Еще более жесткие социальные конфликты внутри этих стран. Честно говоря, я этого боюсь, мне кажется, мы должны встать на путь разумности и целесообразности. Кстати, на западных конгрессах эти голоса разума звучат все более и более явно.

Понятно, что коммерческие фирмы не очень хотят это слышать, но, я думаю, что мы к этому должны прийти. Безумная погоня за сверхдорогими и условно эффективными препаратами должна закончиться. Дай Бог, если это случится во время мощных социальных конфликтов между пациентами, между пациентами и врачами.

Следующая тревожная тенденция – это развитие лучевой терапии, моей специальности. С появлением ускорителей в конце 80-х – начале 90-х годов радиология, по сути, ушла в погоню за сверхмиллиметровой точностью попадания, за современными компьютерными программами, за претенциозностью лечения. На мой взгляд, это, конечно, очень важный раздел, который должен развиваться, но он не основной. Главный успех любого метода лечения в онкологии – это чувствительность опухоли ткани к данному разделу лечения. Это касается как химиотерапии, так и лучевой терапии прежде всего. Практически исчезли работы по радиомодификации, то есть по поиску препаратов, механизмов, которые усиливали бы биологическое действие излучения, резко сократилось или даже сошло до нуля количество радиобиологических работ, которые бы оценивали различные режимы фракционирования воздействия на опухоль. Фирмы, производящие лучевую технику, пошли по пути наименьшего сопротивления, создавая все более прецизионные машины, все более дорогие прецизионные препараты, иногда да-

же за пределом разумности. Вот это все, мне кажется, становится препонами в развитии нашей специальности. Ведь мы должны обеспечивать помощь большим массам людей при приемлемых для общества затратах. Едва ли будет смысл, если мы сможем из сотни лечить одного больного по неким супертехнологиям с суперточностью, когда как на остальных 99 не будет хватать ресурсов. И эти голоса стали раздаваться на медицинских конференциях как в России, так и за рубежом. Я надеюсь дожить и поучаствовать в ренессансе радиобиологии в лучевой терапии, в поиске новых радиомодификаторов и в открытии новых, рациональных перспектив развития нашей профессии.

Первые ускорители на Урале. В.П. Соловьев

Небольшой штришок уровня и масштабности принятия решения по созданию онкордиологической службы в Челябинске. 1995 год. Разговоры о покупке ускорителя для онкодиспансера вступили в реальную фазу. Губернатор дал добро. И мы под руководством вице-губернатора Николая Родионовича Суденкова и Владимира Борисовича Макарова небольшой группой отбыли в Гамбург для переговоров по покупке линейных ускорителей. Переговоры шли достаточно трудно. Немцы старались нам предложить устаревшие модели ускорителей, компьютерного томографа. Мы упирались. В итоге решили дать паузу, и состоялся разговор с главой администрации Вадимом Павловичем Соловьевым. Мы

стояли за дверями. Николай Родионович вел переговоры с ним. Потом выходит: «Доктор, заходи». Не министр, не вице-губернатор, а я – врач-клиницист, заведующий отделением. Слышу в трубке: «Ну что, что вы там уперлись?» Дальше несколько нецензурных выражений. Я сказал: «Предлагают модели устаревшие. Это день сегодняшний. Но на завтра перспективы нет. Нам бы хотелось все-таки купить что-то перспективное». «Ручаешься?» Я ответил: «Ручаюсь». «Сколько нужно сверху?» «То, что нам предлагают, стоит 4,5 миллиона. Для нашей задачи нужно 6,5». «Подписывайте. Дай трубку Родионовичу». Передаю трубку Суденкову. Слышу разговор, откуда взять 2 миллиона, дальше тирада, что не твое дело, мы не уебину строим, а настоящий современный центр. Вы знаете, получилось: и деньги были выделены, и ускорители честью и правдой отработали у нас почти 20 лет.

С этой же поездкой связан еще вот такой момент. У Владимира Борисовича Макарова, начальника управления здравоохранения, 1 мая 1945 года в окрестностях Гамбурга погиб отец. Естественно, что пришла похоронка. Больше никаких вестей, деталей не было. И по сути, без большой надежды мы обратились к принимающей нас стороне, фирме Schering. Ребята созвонились с управлением кладбищами. Все-таки немецкий орднунг – это немецкий орднунг. В компьютере после небольшого времени, может быть, где-то в пределах часа поиска, сказали, что «да, Борис Макаров, младший лейтенант, похоронен на таком-то кладбище, в таком-то кварта-

ле, но, извините, в братской могиле». Мы приехали на это кладбище, все по-немецки ухожено, все аккуратненько, действительно, есть братская могила, действительно, на плите выбито «Младший лейтенант Борис Макаров». Очень тронула забота, очень тронуло то, что даже в Гамбурге, который никогда не был в составе ГДР, вот так сохранена память о наших солдатах, которые воевали во Вторую мировую войну уже на чужой территории, на территории Германии и гибли там. Очень интересно, очень поучительно. Можем ли мы похвастаться чем-то подобным?

Голландия. 1991 год. Первый вечер

В 1991 году осенью во второй половине сентября состоялась первая серьезная поездка на учебу в Западную Европу, а именно в Голландию на фирму Nucletron, аппараты которой были последним подарком здравоохранению Союза от союзного Минздрава. Надо сказать, что очень прорывная была покупка, масштабная, перспективная, сделанная, кстати, в результате сотрудничества чиновников и специалистов. Минздрав послушал мнения грамотных специалистов-радиологов и пошел на беспрецедентную покупку пяти аппаратов для радиохирургии «Микроселектрон LDR» и 12 аппаратов «Селектрон LDR». Кстати, это, на мой взгляд, беспримерно эффективный метод масштабного закупа, который не был учтен при формировании федеральной программы «Онкология». Спецификация составлялась грамот-

ными специалистами, которые имели представление о том, что нужно покупать. Позже, когда закупки стали производиться фрагментарно, смешно было слушать, что каждая больница знает свои условия, знает свои особенности. Какие могут быть особенности, различия в лечении рака легкого в Мурманске, в Челябинске или в Волгограде? Какую спецификацию может составить специалист, который всю жизнь работал на технике, отстающей на 2-3 поколения от того, что представляется покупать. Программа с Nucletron была, по-моему, по-настоящему компетентна и антикоррупционная. Кстати, отслеживать коррупционные связи людей, которые заключали этот контракт (а их было немного), было значительно проще, если бы это было разбросано по всему Советскому Союзу. Так вот был осуществлен закуп. И группа специалистов, которые были определены для работы на этой технике, была направлена на учебу в Голландию. Приехали все синхронно, все вместе. Учились одним классом, по одним программам. Кстати, научные человеческие контакты сохранились до сих пор. Учеба была очень добротная: не могла ни фирма схалтурить, ни мы. Учились по совести. И были минуты некоего отдыха.

Первый вечер, перелет. Естественно, желание русского человека как-то отметить. Вот мы небольшой компанией во главе с Генрихом Витальевичем Голдобенко, моим учителем, руководителем радиологического отдела Онкологического научного центра, в недалеком будущем моим оппонен-

том по докторской диссертации, вышли вечером из гостиницы. В метрах 500 универсам, заходим, куча совершенно незнакомых продуктов, куча незнакомых напитков. Среди напитков мы выбрали водку Smirnoff № 21 как самую понятную. Тогда это было в диковинку для нас. И необычно, что есть водка, кроме «Столичной», «Московской». В виски, коньяках мы разбирались не очень, честно говоря, вообще никак. В остальные напитки мы даже и не заглядывали. Захотелось экзотики. Купили мы большую банку анчоусов. Это предложение того же Генриха Витальевича. Что может быть круче анчоусов? Такое название. Возвращаемся в гостиницу. А идти нужно было через небольшой сквер. И к своему ужасу видим, что дорожка занята компанией из человек 20-25 совершенно отмороженного молодняка с цепями, с ирокезами, в каких-то куртках с шипами, в шипованных браслетах. И чувствуем, что нам уйти некуда, свернуть некуда, рядом ни народа, ни полицейских. Став плечом к плечу, сделав решительные лица, идем вперед. И каково было наше удивление, когда вот эта вся толпа жутких молодых европейцев расступается и совершенно по-деревенски говорит нам что-то типа «добрый вечер, дяденьки, проходите, пожалуйста, рады видеть вас в нашем городе». Шок преследовал нас и дальше, когда, мы, зайдя в номер, разложили свои покупки, налили по первой рюмке, открыли банку анчоусов, Генрих Витальевич воскликнул: «Твою мать! Стоило прилететь за тридевять земель, через местных хулиганов пробиться, и по-студенче-

ски в общаге водку килькой закусывать».

Новая Зеландия

Одна из самых ярких стран, в которой удалось побывать и, может быть, одно из немногих мест, где, может быть, чисто теоретически хотелось бы жить, – это Новая Зеландия. Острова черте где. Когда мне сказали, что ты летишь на край света, поглядев на карту, точнее говоря, на фото Земли, а есть известный снимок из Космоса ночной стороны, где видны освещенные, неосвещенные зоны. Я говорю: «Ребята, это мы живем на краю Земли. Они живут в центре мира на берегу Тихого океана». Совершенно райские острова, населенные весьма своеобразными людьми, кстати, среди которых много русских эмигрантов. Занималась нами бабулька с великолепным русским языком. Но он не такой. Ее родители в 1918 году выехали уже из советской России во Францию, дожили там до 1944 года, видимо, баловались коллаборационизмом, поскольку в конце войны экстренно эмигрировали в Аргентину, излюбленное место эмиграции нацистов, а оттуда – в Новую Зеландию, видимо, от греха подальше. Но это история.

Маленькие ухоженные городки. Полное отсутствие высоких заборов, полное отсутствие решеток на окнах и железных дверей. Невычурные, но очень добротные машины, как хорошая английская обувь, как хорошие английские костюмы. На вопрос «а как с преступностью с такими окнами?»

она ответила: «Конечно, что говорить, преступность есть, выросла преступность, в 1993 году даже убийство было». А разговор был где-то в году 2010-м. Вот такая страна с потрясающей природой. Не зря «Властелина колец» снимали именно там. Вот эти километровые пляжи, совершенно дикие горы, фьорды, в сравнении с которыми норвежские фьорды смотрятся такой детской песочницей, это потрясает. А когда представляешь, где это расположено и все это происходит на фоне такой искренней глубокой любви новозеландцев к природе, ведь символом Новой Зеландии является птичка киви, абсолютно никчемная, которую ни есть нельзя, ни яиц у нее нет, ни шерсти, ни пуха, ничего. Живет в моховой подстилке влажных лесов. Единственное ее достоинство, что больше нигде, кроме Новой Зеландии, ее и нет. И назвали ее в честь фрукта киви, который на самом деле никакой не киви, а китайский крыжовник. Но дабы придать национальный колорит и выйти на рынок, название «китайский крыжовник» за неблагозвучность новозеландцы убрали, а присвоили оригинальное название киви, под которым мы его знаем, едим, любим. И птичка по размеру и по виду это вылитый плод киви, только с ножками и клювиком.

Поражает фанатичная преданность Новой Зеландии Британской империи, преданность в культурном плане. Советский Союз, к сожалению, распался, и все наши республики и культурное поле расползлись, а люди, которые недавно разговаривали, писали научную работу на русском языке, пы-

таются прикидываться, что и русская культура им была навязана, и русский язык для них абсолютно чужой. Там наоборот. Живя за тридевять земель, Новая Зеландия категорически отказывается получить независимость. Категорически. Это территория Британского содружества наций. Руководит, в значительной степени, конечно, номинально, генерал-губернатор, ставленник английской королевы, имеются премьер-министр, парламент. Но глава Новой Зеландии – это королева Великобритании, королева Англии. В маленьких городках с населением 100-120 тысяч, а больше только Окленд, в котором население около 400 тысяч, ходят двухэтажные автобусы, дети ходят в школьной форме, как в Англии, стоят памятники английским поэтам (Оскару Уайльду и другим). Но в большем почете, конечно, шотландские писатели и поэты, поскольку шотландцы-мореходы и создали первоначально основу колонистов Новой Зеландии. Потом уже стали приходить отпрыски известных солидных родов, продукты инцестных браков с легкими и нелегкими психическими дефектами. Все это неповторимый колорит.

Последним городом во время нашего круиза вокруг Новой Зеландии (а Новая Зеландия была частью большого круиза по Австралии, Новой Зеландии, югу Тихого океана) был город Данидин, который мы назвали Дудинка. Мы и пара, с которой подружались, из Казахстана зашли в паб, достаточно пустой. Хозяйка или барменша, такая классическая рыжая зеленоглазая ирландка, очень рослая, была в восторге,

что мы заказали раз по Double Scotch с Guinness. Еще раз по Double Scotch с Guinness. Третий раз по Double Scotch с Guinness. Она была в восторге. А нам нужно было помимо того, чтобы выпить, запомнить Новую Зеландию, запомнить великолепный вкус односолодового виски и хорошего Guinness, нам еще нужно было истратить остатки новозеландской валюты. Хотя вроде в Австралии тоже можно было поменять, но как-то не по-нашему. И когда мы подошли за четвертой порцией, смеха ради выкатили мелочь, я с руки снял часы, ирландка громко засмеялась, начала хлопать нас по плечам, по спине, что мы настоящие парни, мы настоящие люди. И налила нам по такой порции вискаря, в несколько раз больше, чем выпили за деньги. Довольные и счастливые мы вернулись на судно. И буквально через несколько месяцев мы узнали, что город, в котором мы были, очень милый городок, симпатичный, где люди на центральной площади играют в шахматы, читают газеты, где по городу ездит мотоцикл, в прицепе у которого есть ванна и там сидит в бикини подружка мотоциклиста, призывно всем помахивая рукой, этот город разрушен землетрясением. Кто его знает, насколько удалось восстановиться, но очень жалко этих людей, очень жалко этот замечательный край, который был нарушен таким стихийным бедствием. Но что же делать, если ты живешь на вулкане, если ты живешь в таком месте, наверное, нужно ожидать неожиданности. Но повторяю, Новая Зеландия – это одно из немногих мест в мире, куда бы хотелось

вернуться и, может быть, где хотелось и жить.

Полеты на воздушном шаре

Я панически боюсь высоты, не скрываю это, бессмысленно скрывать. Все мои друзья и знакомые это знают. Но трижды в жизни довелось летать на воздушном шаре. Первый раз это был полет в Кении во время туристической поездки, сафари. Это, конечно, незабываемо, когда ночью подъем в часа три ночи в темноте под звук саванны. А звук ночной саванны это рыки животных, это шорохи, это что-то, происходящее в кустарниках. Мы выехали на поляну, где был разложен воздушный шар. Вся наша команда собралась рядом. Зажегся громадный газовый факел. Минут через 30-40 шар наполнился теплым воздухом. Мы залезли в корзину. Очень мягко и незаметно оторвались от земли. Что интересно, ни в этот, ни в следующий полет, я почему-то никакого страха высоты не испытывал. Наоборот. Мы поднялись вместе с восходом солнца. А солнце, особенно африканское солнце, на восходе перед ним идет линия терминатора, то есть разделения света и тьмы, а самое главное, разделение ночного воздуха и теплого утреннего. Ветерок всегда постоянный, всегда несильный, всегда управляемый в одну сторону. Под нами раскинулась совершенно потрясающая картина прерий: и река, и слоны, и отдельные антилопы. Вот мы подлетаем в таком романтическом настроении духа к громадному стаду различных антилоп: и импалы, и гну, и еще какие-то незна-

комые. Голов несколько сотен точно, может быть, даже тысяча. Громадное стадо. Вот в романтическом настроении, где только слышен шорох горящего газа, шар подлетает к стаду и нас окутывает мощный густой запах животного навоза. Настолько плотный, что казалось, его можно резать ножом. Но что еще можно ожидать над стадом в несколько сотен голов, которые переночевали на одном месте. Но это несколько не испортило общую картину, скорее, придало колорита. Потом было приземление, не очень мягкое. Но там, главное, присесть до края корзины, не высовываться, держаться за поручни. Нас встретили организаторы с шампанским, с грамотами, что мы совершили полет. Назад мы уже возвращались на джипах.

Второй полет состоялся в Голландии, точнее, в городе Маастрихт, который расположен в узком-узком голландском перешейке, который вклинивается между Германией и Бельгией. И вот мы взлетели. Внизу раскинулись маленькие бельгийско-голландские домики. Женщины, дети, машущие нам вслед, лающие собаки, проезжающие автомобили – совсем другая картинка, но не менее приятное впечатление. Надо сказать, что город Маастрихт знаменит тем, что именно там погиб у Дюма в книге «Двадцать лет спустя» мушкетер д'Артаньян во время штурма одноименной крепости. Там помнят, знают, но памятника д'Артаньяну почему-то нет.

Третий полет – уже у нас дома. Наши челябинские авиаторы, ребята из аэропорта, организовали такое развлечение,

кстати, организовали очень грамотно с соблюдением всех принципов безопасности, лицензий, на хорошем воздушном шаре. Кстати, когда мы собирались лететь, это было летом, трижды переносились сроки полетов из-за неустойчивости погоды. Причем организаторы не чувствовали никакого неудобства. Безопасность есть безопасность. С воздушного шара уже родные южноуральские пейзажи также произвели неизгладимое впечатление. Была осень. Леса довольно открыты. Видели коз, рыбаков – мужиков, сидящих на берегу озера, которые махали нам рукой «давайте-давайте, причаливайте». Было приземление, было торжество, было удовольствие от полета, незабываемые впечатления. С тех пор я близким друзьям дарю ваучеры на полет на воздушном шаре. У кого-то из них не хватает духа, но большинство летают и остаются очень довольными и тиражируют это развлечение, это впечатление дальше. Вообще я считаю, что самое выгодное и разумное в жизни – это вкладывать деньги, ресурсы, возможности, время во впечатления. Деньги обладают способностью девальвироваться и просто исчезать в никуда, вещи изнашиваются, выходят из моды, а впечатления, полученные когда-то, особенно яркие, позитивные впечатления, всегда с тобой. Это капитал недевальвируемый, неисчезающий и он вечный. И когда придет время уходить в мир иной, а говорят, человек приходит в этот мир голым и уходит голым и один, эти впечатления до последней секунды тоже будут принадлежать тебе и будут согревать тебя, может быть,

в самые тяжелые минуты жизни.

Индия. 1982 год

«Открылась бездна звезд полна, звездам числа нет, бездне дна».

Если эти строчки родились у Ломоносова под скудным северным небом, то что бы могло быть, если бы он увидел в свое время небо Индии: Млечный Путь, Южный Крест над горизонтом, громадную луну, которая как небесный ша-тер накрывает землю. А может быть, и ничего не родилось бы. Спротивление почти всегда рождает талантливый ответ. Потрясающее звездное небо – пожалуй, самое яркое впечатление из первой поездки в Индию, которая в 1982 году была вообще на грани возможного. Конечно, Тадж-Махал, Калькутта с ее громадными толпами людей, с потрясающими контрастами, Мадрас со слонами и яркими красками на улицах, с совершенно потрясающими запахами, которые ударили, как только открыли двери самолета, конечно, море, но, прежде всего, это потрясающе глубокое южное тропическое небо. Понятно, почему в Индии самые лучшие математики, крупные мыслители, интереснейшая философия и всему этому много-много тысяч лет. Когда тебе показывают храм, которому примерно две тысячи лет, то есть он ровесник Христа, говорят, «но это неинтересно, это новодел, вот рядом стоит строение, которому 4-5 тысяч лет», начинаешь понимать глубину времени, глубину вечности и величия

этой страны.

Бегемот

Если вы не видели, как какает бегемот, то вы не представляете себе ничего о мощи природы. Ниагарский водопад в сравнении с этим зрелищем это вообще детский сад, песочница. Представляете себе бегемота, стоящего задом к вам. Потом его маленький хвостик начинает вращаться с нарастающей скоростью, пока не превращается в пропеллер стартовавшего самолета. Затем открывается прямая кишка диаметром в сантиметров 10-15 и оттуда начинает бить, как из брандспойта, струя зеленого, ужасного вонючего дерьма. А вращающийся хвостик превращает это в громадное зеленоватое облако. Потом постепенно процесс затухает, струя опадает, прямая кишка закрывается и хвостик останавливается. Но, судя по всему, все это нужно, потому что с туалетной бумагой в Африке плохо, а ручки у бегемота очень и очень коротенькие.

Ниагара

В одной из поездок на ASCO в Чикаго Алексей Привалов предложил авантюрную идею, на которые он большой мастер, – на машине съездить из Чикаго на Ниагарский водопад. Я как-то не сразу оценил всю авантюрность затеи, не поглядел на карту и согласился на это. Выехали мы в часа четыре утра. Когда я понял, что нам в один конец ехать 560 миль,

это около 900 км, волосы, конечно, встали дыбом. Тем более что по американскому highway ехать можно только со строго установленной скоростью, ни превысить, ни поднажать нигде невозможно – себе дороже. Беспилотники, лазерные дальномеры, контроль проезда через точки въезда на платные участки. В общем, не разгонишься, ехать можно так, как ехать. Очень нам нравилось, что попутные люди нам очень весело машут, что-то приветственно показывают пальцами. Мы думали, надо же, откуда они знают, что мы – русские, что мы из России. Только уже подъезжая к Ниагаре, мы поняли, что приветствовали вовсе не русских, а то, что прокатная машина была с техасскими номерами. Они немножко переоценили нас. Из Техаса, конечно, в Ниагару духу ехать не хватило бы. И вот к обеду сам водопад. Гул, который раздаётся, слышно достаточно далеко. Облако брызг. Относительно бедный американский берег и застроенный небоскребами канадский берег. Знаменитый мост, соединяющий две дружественные страны, фактически как раньше Россию и Украину. Знаменитый пароходик, который может подвезти вас под струи в облака водяного пара. Все это мы проделали и быстренько назад. Дорогу назад лучше не вспоминать. Две тысячи километров за один день – это, конечно, слишком. И кемарили за рулем, и на обочину выезжали. Слава Богу, что на американских дорогах есть вот эти полосы безопасности на краях, – когда ты начинаешь выскакивать с дороги, выезжаешь на жесткую гальку, и вот это дук-дук-дук по рулю и

по кузову разбудит мертвого. Добрались, слава Богу, живые. Изматерились что есть сил на автора идеи. Но вообще ему большое спасибо за Ниагару.

Норвегия

Несколько штрихов, которые запомнились в этой стране. Во-первых, во фьорде можно одной удочкой ловить одновременно пресноводную и морскую рыбу, опуская ее поглубже или поднимая вверх. Обычно во фьордах чем глубже, тем дальше вверх имеется слой пресной воды, который не смешивается с морской, она расположена глубже. И такой прием очень интересный показывают туристам, да и сами норвежцы не брезгают на одну удочку поймать треску и какого-нибудь окунька или щуку. Прижимистость норвежцев характерна для многих северных народов. Так, еще совсем недавно они жили, мягко говоря, бедно, вообще почти в нищете, так же, как исландцы, пока в 60-е годы не нашли нефть. Так вот, очень ценилась белая краска. И в целях экономии норвежец, как правило, белой краской красил или фасадную стену дома, которая выходит на улицу, или стенку к соседу, который ему симпатичен. К несимпатичному соседу стенка либо вообще не красилась, либо красилась в какой-нибудь другой цвет.

Любят они и прихвастнуть. Распространена такая вещь, которую все знают, все в эту игру играют, но, тем не менее, не отказываются. Норвежец может ездить на Volkswagen Golf,

но рядом с домом может стоять надувная, великолепно выполненная модель Mercedes S-Class, Rolls-Royce или Jaguar. Все понимают, что это надувная модель, но все играют, все этим пользуются, поскольку у коренных жителей Норвегии (я не имею в виду Осло, а живущих вдоль фьорда в глубинке) дома расположены очень далеко друг от друга, жизнь достаточно скучная. И в качестве любимого развлечения и времяпрепровождения рядом с домами стоят батуты, на которых норвежцы очень любят в свободное время просто попрыгать и покувыркаться. Вот такая веселая страна.

Плюс к этому там еще и вручают Нобелевские премии.

Африка

Помните, детское стихотворение «Не ходите, дети, в Африку гулять! В Африке гориллы, в Африке большие злые крокодилы». Так вот, в Африку гулять нужно. Я туда гулял несколько раз. Я имею в виду не северную арабскую Африку, которая всегда была мне достаточно чужда, непонятна и не любил я эти Египет, Тунис, а Центральную и Южную Африку – настоящую черную Африку. Жизнь складывалась так, что после ординатуры была вероятность, что я поеду работать в Мозамбик. Но все сложилось по-другому: Мозамбик остался мечтой. Кто его знает, как бы повернулась жизнь, если бы состоялась та командировка, может быть, все было по-другому. Но тогда я много прочитал про эти страны. И всю последующую жизнь краем глаза отслеживал, что там проис-

ходит, как там происходит. И дважды в жизни довелось побывать. Первая поездка была в Кению. По-моему, я уже писал про экватор-шоу, про сафари, про масаев и прочие интересныености. Но наиболее яркие впечатления – это бегемот, одно из его действий я описал. Вторым впечатлением оказались очень злобные, очень опасные животные. В Африке от бегемотов гибнет значительное большее количество людей, чем от львов, от тигров, от крокодилов и от всяких других классических хищностей. Бегемот очень агрессивен и очень быстр в воде. Надо сказать, что, несмотря на то, что у него имеются всего несколько зубов длиной до полуметра, понятно, что таким зубом он человека пронзит насквозь. Но даже если рука или нога попадает просто между челюстями, она размалывается в мелкие костные обломки, подлежит только ампутации, а раненый, как правило, гибнет от болевого шока.

Вторые по опасности, как предупреждают рейнджеры, – это буйволы. Все остальные животные своим поведением предупреждают, что они недовольны, что их не устраивает соседство человека. Кошачьи хищники начинают рычать и бить себя хвостом по бокам. Жираф перебирает ногами. Крокодил фиксирует на тебе взгляд и готовится к прыжку. Бегемот демонстрирует всячески свою неприязнь. Только дурак может к этому не прислушаться. Буйвол избавлен от этих деликатностей. Мгновенно переходит из ситуации медленного пережевывания травы в атаку. И когда эти две тон-

ны мышц и рогов на тебя несутся, шансов уйти и спастись на самом деле очень мало. Но все-таки ужасы.

Но если продолжать яркие африканские впечатления, то это, конечно, Кейптаун. Кейптаун – страна, которая создана на юге Африки. Такой цветущий сад. И надо сказать, что, пребывая там, извините за крамольность, начинаешь понимать определенную целесообразность апартеида. Все-таки европейцы и черные негры отличаются не только внешним видом, но и в существенной степени физиологией. Это естественно. Ведь отличие у нас не только в цвете кожи, во всех прочих вещах, но и отличается биохимия. Понятно своеобразное обильное насыщение кожи потовыми и жировыми железами, понятно другое содержание гормонов. Но есть еще такие, допустим, моменты, которые в публичной литературе мало обсуждаются. В течение многих веков черное население жило в условиях крайней насыщенности окружающей среды болезнетворными микробами. И эффективным средством борьбы с инфекцией является быстрый транспорт пищи через кишечник. А значит, очень короткая толстая кишка и, значит, посещение туалета у нормального негра составляет 6-8 раз в сутки. Даже в учебниках по военному делу указывается, что количество отхожих ровиков, есть такое и в нашей армии, в несколько раз превышает таковое на одинаковое количество солдат в белых и черных воинских частях Южной Африки.

Не буду расписывать прелести природы. Опишу момент,

который меня очень сильно поразил. При выезде уже из цивилизованной части юга Африки, на границе Ботсваны и Замбии, в совершенной глухомани, стоит будка, граница, пограничник – все как положено. Проверка паспортов. Беря в руки паспорт, черный пограничник широко улыбается и спрашивает меня: «Где живешь?» Я говорю: «В России». Он задумался и говорит: «А, Россия! Аршавин». Думаю, твою мать, как мы деградировали. Еще совсем недавно Россия ассоциировалась с Гагариным, со спутником, а теперь с Аршавиным. Позор. Позор и обидно за страну. Обидно, что великую державу олицетворяет футбольный клоун, который и мяч-то гоняет не у нас в стране, а где-то за границей. Стыдно.

Что изменило нашу жизнь в XXI веке?

С детства и сейчас очень люблю и, наверное, более-менее знаю современную фантастику. И многие классики этого жанра пытались предсказать жизнь в XXI веке. Но, как вы понимаете, довелось пожить и в XX веке, и захватить романтический светлый период освоения космоса. Гагарина я не помню, а вот объявление о полете Титова на заре сознания сохранилось. Потом, после нашего проигрыша в лунной гонке, конечно, романтический флер освоения космоса угас. Но, тем не менее, многие фантасты той эпохи и последующей пытались представить себе, какой же будет жизнь в XXI веке. Но никто из них, ни Нортон, ни Стругацкие, ни Кларк, ни другие фантасты не представляли, что реально изменят

нашу жизнь и быт до неузнаваемости не полеты на Луну и Марс, а обычные мобильные телефоны и персональные компьютеры, которые, с точки зрения глобального развития науки и техники, к таковым и отнести сложно. Вот такие реальные гримасы жизни.

007

Мы все знаем знаменитого Джеймса Бонда, агента 007, которого описал не менее известный английский автор детективов Ян Флеминг. Но почему 007 и какие можно провести параллели? Флеминг работал в английском посольстве в начале 20-х годов и в это же время работал в МИ-6. И надо сказать, что в первом кремлевском справочнике телефонов есть первые номера, где номер телефона Феликса Эдмундовича Дзержинского записан именно как 007. Понятно, что Флеминг не мог не знать этого номера. И кто его знает, может быть, номер телефона Дзержинского и где-то сам Дзержинский явились прообразом для имени и боевого кода известного суперагента.

Гжелка 1998 года

Некоторое время назад с одним моим товарищем мы зашли в Москве в ресторан. Одеты мы были достаточно просто – джинсики, свитера. И сомелье как-то мы не глянулись. Он начал сыпать премудрыми словами перед нами, подразумевая, что мы зашли в заведение не того уровня. Мой товарищ

остановил и говорит: «Ладно. Все, что ты рассказываешь, это очень интересно. Скажи, пожалуйста, есть у вас «Гжелка 1998 года»?» Сомелье как-то заробел и следом последовало рассуждение: «Видишь ли, в этом году в Подмосковье прошли обильные дожди, картошка подгнила и «Гжелка» этого года обладает потрясающей погребной отдушкой». Сомелье после этого сориентировался: «Ребята, извините, пожалуйста, я все понял». И уже приступили к нормальному выбору напитков. С тех пор «Гжелка 1998 года» в некоторых наших компаниях стала символов изысканного напитка.

«Четыре танкиста и собака»

В годы нашего детства каждые зимние каникулы попеременно шли два фильма: «Четыре танкиста и собака» и «Капитан Тенкеш». Большой след, честно говоря, оставил фильм «Четыре танкиста и собака». Вышел он на экраны где-то в октябре-ноябре 1965 года, когда я учился в первом классе, совершенно как взрослый фильм. Взрослые смотрели в запой. Хотя он шел вечером часов в 10 или в 11, родители нам разрешали смотреть этот фильм. И однажды на уровне серий 4-5-й классный руководитель Зинаида Васильевна Калинина, о которой я писал, мудрая русская учительница, в конце занятия спрашивает нас: «Скажите, пожалуйста, кто из вас смотрел вчера «Четыре танкиста и собака»?» Большая часть класса подняли руки, радостные, что мы в теме. Она сказала: «Встаньте, пожалуйста». Мы встали. И тут она

нас огорошила: «А вы знаете, что вы тем самым нарушили распорядок дня первоклассника? Вы должны ложиться спать в 9 часов, а фильм начинается в 10». Я тогда помню свой испуг, надо же, как я вляпался, сознался и попал. Что же теперь будет? Но Зинаида Васильевна говорит: «Вы знаете, фильм настолько хороший, что, я думаю, стоит ради него нарушить правила распорядка дня первоклассника и обязательно его посмотреть». Абсолютно была права эта мудрая женщина. Великолепный фильм жил потом в течение многих-многих лет. Понятно, что он достаточно фантастичный, понятно, что сказка про советско-польскую дружбу во многом придумана. Не было такой идиллии, но было стремление к этому. Возникали вопросы уже потом, конечно, позже: как Янек оказался в Сибири, почему он там вырос и много-много другого. Но вот этот светлый теплый фильм многое оставил в памяти и говорит о том, что история должна состоять не только из чернухи, но и из той мечты, из того желания к светлomu, к чему нужно стремиться. Такие люди и такие отношения между русскими и поляками и во время той страшной войны, наверное, были. Даже, конечно, были. К сожалению, потом это было выхолощено, уничтожено и списано в утиль. Жаль. И фильм хороший, и отношение хорошее. И вообще хорошая память.

75000 долларов

Только начинались выезды за рубеж. Первая поездка в Со-

единенные Штаты. Я помню, прихожу домой с билетами, со страховкой – все было в диковинку. Сыну Илье тогда было, наверное, пять лет, может быть, даже и меньше – четыре года, только начинал считать. Наверное, четыре. Перебирает бумаги, говорит: «Папа, это что?» Я отвечаю: «Это страховка». «А зачем она?» «Понимаешь, если самолет разобьется, то вам за папу и за людей, которые в этом самолете будут, заплатят 75000 долларов». Он задумался и говорит: «Это получается, 25000 мамочке, 25000 Дашечке, 25000 мне?» Я отвечаю: «Это уж как поделите. Но папа в ключья». «Нет, папу, конечно, люблю, папа – это очень здорово. Но 25000 долларов – это вещь». Вот так начиналось рыночное воспитание детей. К счастью, мои дети эти вещи не впитали, все осталось на уровне детской хохмы. Хотя 25000 долларов на дороге не валяются, я это скажу и сейчас.

Андрей Красильников

Во время написания этой книги, точнее, уже ближе к концу, пришла страшная весть, страшная новость – погиб мой друг Андрей Красильников, главный врач Архангельского областного онкологического диспансера, человек с очень интересной судьбой, фанатично преданный нашей профессии. Кстати, автор блестящей книжки примерно такого же плана. Может быть, идея этой книжки зародилась после прочтения книги, которую написал Андрей. Там есть достаточно яркие зарисовки из врачебной жизни, из жизни провинциального

врача, врача-онколога. Но, тем не менее, случилось так, что незадолго до Нового года Андрей Красильников был на охоте и был убит случайным выстрелом. Причем не просто случайным выстрелом, что обидно и страшно само по себе, но выстрелом своего родного брата, который был и есть главный врач Архангельской больницы скорой медицинской помощи. Ужас жизни часто, к сожалению, превышает самые жуткие шекспировские сюжеты. Андрей Красильников был великолепным другом, классным специалистом, заводным, интересным человеком, вечная ему память. Спасибо тебе, Андрей, за нашу дружбу.

Блошиный рынок

Очень люблю посещать блошиные рынки, особенно в старых европейских городах, где встречаешь кучу вещей. Понятно, что не антикварных, но на которых лежит след жизни, некая аура от людей, которые этими вещами пользовались. Однажды, будучи в Антверпене, буквально бегом пробегая через блошиный рынок, я увидел (и не жалею, что купил) два барельефа на мраморе. Такие классические пасторальные сюжеты. Достаточно замызганные и не в очень хорошем состоянии чистоты. Я, не глядя, купил за какие-то смешные деньги. Дома, когда стал разбираться, нашел на заднике у того, и у другого штамп «Санкт-Петербург, 1848 год». Трудно представить, сколько людей прошло за эти 1,5 века мимо этих барельефов, сколько они видели, сколько они слышали,

может быть, какие приключения сопровождали их перемещение по миру. Я рад, что приобрел эти вещи, сейчас они отреставрированы и живут уже в Челябинске.

«Борис Годунов»

В 1985 году, когда я учился в Москве, в одной из курсантских компаний от москвичей, которые были близки к богеме, поступило предложение «а не хочешь ли ты сняться в кино на «Мосфильме»?» Естественно, от такого предложения отказываться нельзя. К тому же гонорар по тому времени был достаточно нехилый: 10 рублей за съемочный день. И снимался ни много ни мало «Борис Годунов» в Кремле, и снимался Сергеем Бондарчуком. В назначенный день утром я появился на проходной «Мосфильма», был направлен к гримерке. Мне определили роль купца, приклеили бороду, немножко подгримировали, выдали одежду (кафтан, малахай). В таком виде меня и еще группу таких же людей из массовой первой линии погрузили в автобус «Икарус» с прицепом, который назывался в народе «колбаса», и повезли через полгорода в Кремль. Ивановская площадь была освобождена от ларьков. То, что нельзя было убрать, было завешано хоругвями. Прямо из храма был проложен помост, по которому на рельсах передвигалась камера, и начались съемки. Снималась сцена коронации Бориса Годунова. Идет царский ход. Мы стоим вокруг. Вдруг съемка прерывается по команде помощника режиссера. В камере появился инверсионный

след самолета. Все сели отдыхать, курить, ждать, пока след развеется. И хоть день был довольно ветреный, минут 20 на это ушло. В это время сидел Бондарчук в шапке Мономаха рядом с камерой и курил Marlboro. Представляете, 1985 год, Marlboro было достаточно круто по тем временам. Потом был второй, третий дубли. При этом разбрасывались такие латунные кружки с отпечатанным известным Георгием Победоносцем – макет копейки тех времен. После третьего или четвертого дублей разбрасывания монет, которые с успехом все мы прятали по карманам как сувенир, раздается окрик помощника режиссера: «Граждане купцы, стрельцы, бояре, хватит деньги казенные пиздить. На следующий дубль не хватит». Но на следующий дубль хватило. И так прошли два съемочных дня с громадными впечатлениями, с интересными фотографиями. Интересно, что фильм этот, видимо, в условиях перестройки не пошел большим экраном, но есть ссылки в Интернете, можно посмотреть фильм и себя, кстати, я тоже несколько секунд вижу. Хотя в титрах, увы, нет.

Но эта ситуация спустя много-много лет сыграла еще одну хохму. Где-то уже в годах 2011-2012 появился в Челябинске некий театральный режиссер, достаточно провинциальный и примитивный, но со столичными амбициями, с потугами поставить «Жизни за царя» в Челябинском оперном театре. И во время одной из кухонных бесед у моей жены Натальи он поглядел на меня проницательным взором мэтра и изрек: «Я вижу тебя. Не хотел ли ты в роли миманса выступить в сцене

«Народ безмолвствует» в «Борисе Годунове»? Вижу, у тебя и вид, и стать – все подходит». Я ему говорю: «Ты знаешь, я готов, тем более что я готов вернуться на большую сцену. И фактура мне знакома». Гений режиссуры был несколько ошарашен: «Как?!» «Видишь ли, я снимался в «Борисе Годунове» у Бондарчука». «У какого?» Я говорю: «Конечно, не у лысого. У настоящего, у Сергея». Произвело впечатление. Потом мы с ним разошлись по разным мотивам. И сама идея постановки «Жизни за царя» в челябинском театре с приглашением одного из отпрысков Дома Романовых, имеющего к нему достаточно сомнительное отношение, все это мне абсолютно не импонировало. Но свой след в кинематографе и в истории российской кинематографии я оставил, чем горжусь. Сниматься в «Борисе Годунове» у Бондарчука, согласитесь, не каждому мэтру современного кино удастся. Ради этого стоило жить. Такова моя жизнь в искусстве.

Дядя Ваня. Орден Ленина с двузначным номером

Был у моего деда, который работал конструктором на ЧТЗ, друг дядя Ваня Александров. Я был маленький мальчик. Ну, как бы дядя Ваня и дядя Ваня. Дядя Ваня был военным, танкистом, полковником. Я уже застал его в качестве полковника в отставке. А вообще до этого он много лет был военпредом на ЧТЗ. Причем пришел на работу в 1938-1939 годах после участия в событиях в Испании. У дяди Вани за Испанию был орден Ленина. И я уже, будучи взрослым, на-

чал осознавать, что же это за орден, что за этим стояло. Дело в том, что орден был двухзначный. Представляете себе, что значит орден Ленина всего с двухзначным номером – из первой сотни. Орден Ленина никогда не давали просто так. А в те годы в Испании первая сотня – это особенно было серьезно. Дядя Ваня участвовал в испанских событиях, в испанской войне. И орден получил за то, что после разгрома республиканцев под Гвадалахарой, он на своем танке, который был забит трупами товарищей, в течение четырех суток по жаре, по испанской пустыне пробивался к морю, к порту. Он это сделал, за что и был, как и за предыдущие подвиги тоже, представлен к этому высокому званию. Сложно представить себе, что пережил этот молодой русский парень, когда несся в одиноком танке по просторам Испании, а весь салон был забит трупами его друзей. Помимо моральных страданий можно себе представить, какой был запах, какой был дух и как было страшно тяжело в этом плане.

А так дядя Ваня был очень скромным человеком с некоторыми причудами. В частности, когда ему присвоили (а он пришел на ЧТЗ майором) звание подполковника, он категорически отказался надевать погоны подполковника, мотивируя тем, что «в бабьем звании подполковника я ходить не буду». Поскольку дядя Ваня был очень заслуженный, орденосец, ему эту причуду простили. И это в годы войны, в годы очень жесткого режима, когда Танкоград работал на всю катушку под руководством легендарного директора, кстати,

Героя Советского Союза Зальцмана! И следующие погоны дядя Ваня надел, когда получил звание полковника. С такими людьми жизнь подарила радость общаться в детстве, в раннем детстве и как интересно оглядываться, когда за простыми лицами, за простыми людьми видишь такие серьезные громадные сильные подвиги и поступки. Я очень рад, что пусть мальчишкой, но с дядей Ваней я был знаком. Побольше бы таких дядей Ваней нам.

Еврей-татарин

В конце 80-х годов многих охватило безумие: надо куда-то ехать на ПМЖ. Если с немцами, евреями все было понятно, то с представителями других народов возникали иногда комичные курьезы. Так, один человек, доктор, татарин из хорошей правоверной татарской семьи, где дед, по-моему, даже был муллой, задумал тоже, как и все перелетные гуси, ехать. Ехать куда? Потянуло его почему-то в Южно-Африканскую Республику. Но кто-то возьми и брякни ему: «Слушай, конечно, татарин не негр, но ведь страна-то расистская, черт знает как обернется... Ты бы лучше изменил себе национальность на еврея, они как-то более интернациональны, глядишь, будет комфортнее». Проявив недюжинную активность, раскандалившись с родственниками и дедами, этот человек (тогда еще была пятая графа в паспорте) поменял татарина на еврея и уехал в Южно-Африканскую Республику. Там жизнь и карьера не сложились. Через сколько-то вре-

мя семья вернулась назад, домой. Но, с одной стороны, пятой графы уже не было и менять чего-то не было возможностей, сил и былых связей. Так и работает сейчас у нас в городе еврей-татарин.

Жорес Медведев

Наша память очень интересно устроена и, как правило, события раскладываются в ней по определенной тематике. Но на самом деле жизнь сложнее и многие знаменательные вещи происходили примерно в одно и то же время, часто с интервалом в несколько дней. Но память их растаскивает по разным углам. Возьмем 1957 год. Это год запуска спутника, это был октябрь. Это год спуска на воду атомного ледокола «Ленин». Это было летом. Это год знаменитой ядерной аварии на химкомбинате «Маяк», которая была в октябре 1957 года. Если о спуске ледокола «Ленин» и запуске спутника знал весь мир, то об аварии на химкомбинате «Маяк» знал очень ограниченный круг лиц, и широкой публике о ней стало известно только в конце 80-х – начале 90-х годов. Много было нафантазировано, много откровенно наврано, но это авария, которая помогла специалистам разобраться в вопросах ядерной безопасности, научиться бороться с опаснейшими осложнениями продукции ядерных изотопов. Вскоре, где-то в начале 60-х годов, в условиях секретности по поводу этой аварии вышла книжка диссидента Жореса Медведева. Это родной брат Роя Медведева, который потом, в пере-

стройку, прославился разоблачительными и очернительными статьями и книжками в адрес той эпохи. Но его брат был довольно толковым радиобиологом, эмигрировал в Англию и, основываясь исключительно на данных открытой литературы, толково описал радиобиологическую суть аварии 1957 года... Несмотря на жесткую цензуру, все равно информация просачивалась, слишком масштабным было явление. Но, допустим, к примеру, читаем журнал «Лесоводство», где указано, что если на сосну нанести аэрозоль из стронция и плутония в таких-то дозах, то с сосной через 5 лет будет то-то и то-то. Пометка: количество сосен 5 тысяч штук. Понятно, что речь шла не о лабораторном опыте, а о чем-то более масштабном. И на основе таких фактов Медведев очень подробно, хорошо и грамотно описал радиологическую, радиобиологическую канву аварии, но допустил самый главный просчет. Собственно говоря, так же полагали и на Западе, что авария произошла вследствие взрыва атомного реактора, а вовсе не теплового выброса отходов радиоактивного производства. Дело в том, что химкомбинат «Маяк» и его аналог в форде были настолько похожи, что американцы тут же смоделировали на себя, подсчитали, что риск взрыва реактора вполне возможен. И диссидент Жорес Медведев получил от-вратительный паблисити, что диссидент, сука, клеветает на советский строй. И карьера у мужика не задалась. Вот такие гримасы истории.

Золотой петушок

Когда мы попадаем на экскурсии либо в качестве открывенных туристов, либо участников каких-то научных конференций, мы проглатываем кучу доброкачественной информации, которая нас не всегда интересует, лишь бы была информация. Я этим тоже грешен. Но иногда люблю подшутить над коллегами. Так, некоторое время назад были мы в составе одной конференции в городе Гетц. Очень красивый западноевропейский город с красивой архитектурой, ухоженный. Нас ведет русскоязычная гид. Мы подходим к громадному собору с высоченным шпилем, на котором наверху есть что-то золотое. Перед этим гид нас завела в бистро, объяснила, что во Франции название «бистро» появилось от русских казаков, которые, заходя в питейное заведение, кричали «быстро, быстро!», отсюда пошло название «бистро». Показала столб, на котором осталась зарубка от казацкой сабли в наказание за слишком медленное обслуживание в этом не слишком быстром бистро. Так вот, гид попросилась отлучиться на несколько минут, мы остались сами. Разговор зашел, что да как. И меня понесло. Я говорю: «Смотрите, видите наверху золотой флигель? Это золотой петушок». Все говорят: «Да-да, смотри, правда». Я говорю: «Так вот, Пушкин написал свою «Сказку о золотом петушке» именно проезжая через Гетц, увидев этого петушка, у него в одночасье вот здесь все родилось и было написано именно под этим золотым петушком». Никого не смутило, что Пушкин вооб-

ще не был выездным и ни разу не выезжал за границу. У кого-то возник вялый вопрос «А как Пушкин здесь оказался?», ему тут же возразили «Ты дурак, что ли, совсем? С казаками приехал, конечно, в 1813 году. Как еще? Все же понятно». И даже когда ветер развернул флигель и на месте петушка оказался обычный западноевропейский дракон, это тоже никого не смутило. Ну, видимо, петушок у них здесь такой в Европе.

Наблюдение за наблюдающими

Утренняя пятиминутка в любой серьезной клинике и у нас, естественно, определенный ритуал. Это встреча всех, обсуждение планов и итогов, и наконец просто общение. У большинства докторов есть свои излюбленные места. Сложилось так, что профессура и руководство клиники обычно располагаются на двух первых ряда. В диспансере работает много очень интересных, красивых и умных барышень, для которых доклад на утренней конференции тоже своеобразный ритуал и выход в свет, сопровождаемый понятным антуражем и демонстрацией себя как специалиста и женщины, и это, как правило, в полной «боевой раскраске»! Я вообще считаю, что это правильно и это хорошо. Ну не монашки же, и большая часть жизни проходит на работе, да и вообще красивые, умные, ухоженные девушки украшают нашу жизни и клинику... увлекся, извините... Так вот, я, сидя на своем месте, с большим интересом наблюдаю за мимикой своих коллег – как расцветают глаза и поворачиваются головы у муж-

ской половины и как критично и оценивающе ощетинивается периодически женская. В общем, наблюдение за наблюдающими – занятие очень увлекательное, да и пятиминутка проходит и для меня веселее! Девушки! Так держать!

Легенды Солянки

Благодаря членству в Академии медицинских наук и Академии наук России периодически доводится бывать в легендарном и знаменитом здании Российской академии меднаук на Солянке, естественно, встречаться там с большим количеством легендарных и знаменитых людей. Так, нельзя пройти мимо такой легендарной для отечественного здравоохранения фигуры, как академик Петровский, бывший министр здравоохранения Советского Союза, бывший директор Института хирургии. Борис Васильевич всегда отличался крутым нравом, большим жизнелюбием и умением выпить. В последний раз я его видел буквально за несколько дней до смерти. Была выборная сессия Академии наук. Затянулось все почти до полуночи. После нескольких туров голосования часть народа разъехалась, заинтересованные остались. И вот часов в 11 вечера Борис Васильевич, невысокий, в подагрических башмаках размера на три больше, чем надо, с явным свежим интенсивным запахом хорошего алкоголя подходит к знаменитой лестнице, ведущей такой анфилады с первого на второй этаж, пытается попасть башмаком на мраморную ступеньку, башмаки проскальзывают, потом он попада-

ет и, ворча себе под нос, идет наверх: «Твою мать, или выпил лишнего, или возраст берет свое».

Но рассказ не об этом. Байка, ходящая под сводами академии, я думаю, не сильно грешит против истины. Шел 1963 год. Никита Сергеевич Хрущев был на вершине славы. И вот случается однажды у Нины Хрущевой, его жены, желчнокаменная колика. В принципе, достаточно банальная ситуация. Привозят в институт Петровского, вызывают его, и он как ведущий хирург Союза должен оперировать. Надо сказать, что он много лет до этого уже не занимался брюшной хирургией. Операция, которая обычно длится минут 40, ну час, ну час с небольшим, идет пять с лишним часов. Операционная закрыта. Никита Сергеевич Хрущев, который испытал самые крупные в мире ядерные боеприпасы, встречал космонавтов, вернувшихся из успешных полетов, переживший успешно Карибский кризис, в полном бессилии мечется по кабинету Петровского. Дверь в операционную закрыта, контактов никаких нет. Оттуда раздается нецензурная брань, периодически кидаются инструменты, когда приоткрывается дверь у желающих поинтересоваться, как же идет дело. Надо сказать, что Борис Васильевич, несмотря на свой хирургический талант, не может быть человеком гениальным во всех отраслях. И он напоролся и наделал всевозможных осложнений, которые возможны при этой операции, – было ранение печени, было ранение холедоха, было ранение кишки и еще много чего. В итоге, преодолев все эти проблемы, спустя

пять с лишним часов работы, Петровский, сам невысокий, Никита Сергеевич тоже не богатырского роста, спускается к себе в кабинет, молча проходит мимо красного и подпрыгивающего от нетерпения и досады главы страны, снимает маску, снимает шапочку, вытирает пот с лица, открывает холодильник «ЗИЛ», достает из морозильника запотевшую бутылку «Столичной» водки, хрустальный фужер (кстати, пил он только из хрустальных фужеров), наливает полный фужер водки, вкусно выпивает и через плечо бросает Никите Сергеевичу: «Все в порядке. Рака нет». Вот это вершина деонтологии, вершина разговора врача с пациентом. Никита Сергеевич счастливый уезжает... Через несколько дней Борис Васильевич становится министром здравоохранения Советского Союза. Деонтология решает все.

Майор Ослик

В мединституте, начиная с 3-го курса, нам преподавали военное дело. На 3-м курсе была общевойсковая подготовка, и читал этот не самый важный для нас цикл майор Некрасов, тогда еще капитан, кстати, которого почему-то мы звали Осликом. Молодежь вообще достаточно зла. Надо сказать, что вытянутая голова Некрасова, грустное выражение лица, такое всегда минорное настроение действительно напоминали ослика Иа из известного мультфильма. Но что делать, вот так. Предмет общевойсковой подготовки не казался нам слишком важным, капитан/майор Ослик не казался

слишком умным, может быть, так оно и на самом деле было. Хотя парень – сирота, который окончил Суворовское училище, стал офицером и в этом плане заслуживает полнейшего уважения. Служил в действующей армии, потом волею армейской судьбы оказался здесь у нас на кафедре мединститута. Причем не просто служил, а в советской группе войск Венгрии, причем в самых передовых частях в постоянной военной готовности.

Спустя какое-то время он получил заслуженное звание майора, а потом грянула перестройка. Надо сказать, что капитан/майор Некрасов был не дурак и вообще любитель выпить. И студенты частенько за зачет или просто так, из-за хорошего отношения преподносили ему спиртное, которое с благодарностью принималось и выпивалось. Да и жизнь очень тоскливая: у мужика не было ни семьи, ни детей, из детского дома, ни близких, ни знакомых, ни, похоже, настоящих друзей. И вот в начале борьбы с пьянством и алкоголизмом офицер Некрасов попадает в Челябинске военному патрулю, попадает в вытрезвитель, под горячую руку ему грозят сорвать погоны, отправить чуть ли не под суд. И самое ужасное, что на утро находят его в камере повесившимся. Вызывает большое чувство злобы, досады, как у нас стремление формально выполнить даже самый идиотский приказ ломает судьбы и жизни людей. Хороший был человек майор Ослик. Хороший. С несчастливой судьбой. Не гений. Но хороший русский человек. И грозить тюрьмой, доводить его

до самоубийства, конечно, было нельзя. Не стоила этого ни борьба с алкоголизмом, ни сама перестройка. Но, увы, это, наверное, судьба нашего народа и судьба многих русских людей. Майор Ослик, извините за то, что иногда обижали вас, но я уважаю вас как человека и как офицера. Обидно.

Мирный атом

Я уже упоминал, что ядерная медицина – это мое основное научное направление, увлечение. Параллельно, понятно, приходилось и приходится общаться со многими людьми из атомной отрасли и самого «Росатома». Следует отметить, что, не умаляя достоинств мирных атомных технологий, нужно понимать и отдавать себе отчет, что все это родилось из боевой ядерной программы. Атомная станция, атомный ледокол, атомные подводные лодки, гамма-аппараты, линейные ускорители и все-все-все родилось как побочный продукт при создании советской атомной бомбы. Точно так же, как и суперкомпьютеры родились как необходимая технология для проведения безвзрывных испытаний новых ядерных боеприпасов, именно оттуда и никак по-другому. И все остальные прикладные побочные задачи, которые решались с помощью этих приборов, изначально приспособлялись к технике, которая сделана для военных целей. Это нужно понимать. И мы осознаем, что химкомбинат «Маяк» – это прародитель не только военного, но и мирного атома. Надо сказать, что сейчас там производятся практиче-

ски все источники для дистанционных гамма-аппаратов российского, чешского производства, контактной лучевой терапии для большинства западных фирм. Поражает музей химкомбината «Маяк» по глубине, по насыщенности фактами, людьми и поражает портрет руководителя атомного проекта, совершенно незабвенно забытого и очерненного идиотскими сказками Никиты Сергеевича Хрущева, превращенного в абсолютное зло, в какого-то карикатурного монстра Лаврентия Павловича Берия. Портрет в маршальском мундире, в пенсне, с золотой звездой героя и пятью орденами Ленина, абсолютно заслуженными. И там я начал воспринимать, начал изучать эту фигуру, может быть, одну из самых трагичных фигур нашей истории, которой не удалось развернуть путь нашей страны в разумные рамки. Это человек, проводивший экономическую революцию в свое время в Грузии, сделав ее процветающей страной, сделав ставку на передовые технологии как в сельскохозяйственной, технической среде, породивший вообще самую основу курортного бизнеса, поднявший очень высоко планку образования. Нужно сказать, что по количеству людей с высшим образованием, «остепенных» людей Грузия в довоенные, особенно в послевоенные годы, стояла на первом месте в Советском Союзе. И те здравницы, которыми мы сейчас пользуемся, и те мандарины, которые мы каждый Новый год едим, – это во многом плод работы именно первого секретаря ЦК компартии Грузии Лаврентия Павловича Берия. Потом этот человек талантливей-

шим образом руководил стратегической разведкой Советского Союза, нашими атомными разведчиками, добывал по крупице информацию, необходимую для создания атомного оружия, руководил самым атомным проектом, руководил очень четко, жестко, грамотно и деликатно, делал ставку на специалистов, делал ставку на людей, знающих дело. Надо отметить, что те же самые шарашки были его изобретением. Он не мог освобождать тех людей, но создать условия для их работы он мог. Поэтому в шарашки уходили талантливые инженеры, конструкторы, врачам создавались приличные условия для жизни даже в лагерях. А вот кого он не любил, это партийных болтунов, писателей, поэтов и прочую муть, которая паразитирует на людях с нормальными профессиями и нормальными руками.

В одном ряду стоит и Музей ядерного оружия, расположенный в Федеральном ядерном центре. Галерея портретов, которые окружают этот зал, насчитывает несколько десятков фотографий. Она очень много говорит людям, которые несколько осведомлены в атомной проблематике и вообще в том, что сопровождало атомный проект. Для большинства непосвященных это просто серьезные симпатичные умные мужские лица, не более того. Хотя на самом деле это соль земли русской, это сверхэлита российского и советского общества, перед которыми нужно преклоняться. Это не эстрадные клоуны, это не клоуны с хоккейной клюшкой и футбольным мячом, это настоящие созидатели, настоящие моз-

ги, это люди, которые до сих пор позволяют России оставаться страной, державой и хранить ее границы, суверенитет в целостности и сохранности.

Поражают, конечно, и сами произведения, само ядерное оружие, как оно выглядит. Представляешь себе, какую квинтэссенцию человеческой мысли, человеческого рукоделия, конструкторского гения содержат эти предметы, каждый из которых может снести с поверхности земли город, уничтожить авианосец, а может и остановить, потушить горячий газовый факел, может предотвратить землетрясение, может создать громадное хранилище для токсических, химических отходов. И сколько бы ни кликушествовали зеленые разного уровня и плана, это наша гордость, это то, что создает величие нашей державы. Я счастлив, что мне довелось работать вместе с этими людьми и в этой среде. Я выражаю большую благодарность своим коллегам, что уже в течение третьего созыва я являюсь членом общественного совета госкорпорации «Росатом».

Станция метро «Новослободская»

Любой из нас, кто бывает в Москве, наверное, знает эту одну из самых ярких, может быть, самую яркую и красивую станцию метро «Новослободская» (Кольцевая). Со строительством этой станции связана очень интересная, достаточно трогательная история, характеризующая отношение к метро и духовный настрой наших людей в годы войны. Вит-

ражи этой станции были сделаны в Ленинграде и вывезены оттуда уже в блокадном 1942 году по Дороге жизни через лед Ладожского озера, помещены на место. А автор этой красоты умер от голода в блокадном Ленинграде в следующем 1943 году. Поэтому, проезжая через эту яркую, праздничную станцию, любуясь ее яркими, солнечными витражами, вспоминайте, как их везли холодными ночами через Ладожское озеро, может быть, вместо блокадных детей, стариков, может быть, вместо раненых вывозили, чтобы украсить наше метро. Давайте помнить автора этой красоты, который умер в холодной зимней ленинградской квартире в блокадном 1943 году. Станция метро «Новослободская». Связь времен.

Озерск. Курчатов

Дом Игоря Васильевича, костюм, посуда – все это несет на себе теплоту человека, который здесь жил и работал. Особенно меня поразила стол для заседаний, который построен в виде таких своеобразных уступов. Оказывается, сделано вот для чего. Часто в совещаниях принимали участие люди, очень доверенные, облеченные высоким доверием, но из разных сфер. И каждый из них работал с секретными документами, которые даже столь высокопоставленный коллега видеть не мог и не имел права. Именно поэтому были организованы уступы, когда все смотрели на председателя, сидя рядом, но сосед не видел и не мог видеть, что находится в бумагах и записях у его коллеги, сидящего рядом или впер-

ди, или сзади.

Аналогичные вещи я видел в доме-музее Сергея Павловича Королева, который расположен недалеко от нынешнего ВДНХ, недалеко от Музея космонавтики. Дом тоже поражает своей функциональностью. Участок, может быть, два гектара, не больше, даже, может быть, меньше, был расположен недалеко от предприятия, на котором создавались ракеты и спутники Королева. Когда он уже стал известен, стал генеральным конструктором, по-моему, даже после пуска Гагарина, ему было предложена дача в Подмоскowie, квартира, как положено, на проспекте Мира, но он попросил этот участок для дачи, чтобы совмещать и дачу, куда не было времени ездить, и квартирные условия, и жилье рядом с работой – буквально в пяти минутах на машине. Все это было сделано. Небольшой двухэтажный домик, квадратов максимум 150-200 в двух этажах. На первом этаже все в пределах вытянутой руки: маленькая прихожая, маленькая кухня с холодильником «ЗИЛ», затем небольшой коридорчик справа от него, зальчик с камином, на котором стоит кинопроектор, слева вроде небольшая столовая. Все это разделено раздвижными дубовыми дверями-стенками, если их раскрыть, образовывалась достаточно длинная комната с двумя стеклянными фонарями по концам. Разворачивался раскладной стол, и за столом могло уместиться, наверное, человек 25-30. Обращает на себя внимание то, что мебель и посуда абсолютно разнородные, как говорят, Сергей Павлович, по непонятным

причинам, любил покупать мебель и посуду в комиссионках. Поэтому тарелки, чашки, фужеры, мебель, стулья весьма разнородны. Непонятно, по каким принципам он их покупал, нельзя сказать, что это какие-то антикварные произведения, свидетельство какого-то стиля. Понятно, что недостатка в деньгах у него тоже не было. Видимо, попал под настроение, что понравилось, что соответствовало его настроению сегодня.

Относительно кинопроектора, который стоял на каминной стенке, существует вот такая история. Сергей Павлович очень любил кино. Телевидение тогда было, мягко говоря, скромное и убогое. В кинотеатры он ходить не мог. Несколько его походов с охраной, когда почти всех зрителей выгоняли из зала кинотеатра, его очень раздражали, и он отказался от походов в кинотеатры. Но просил, чтобы ему из Госфильма привозили пленки свежих или любимых его фильмов вот сюда. И здесь он смотрел кино, часто в кругу друзей. Там часто бывали Гагарин, Леонов, другие наши космонавты.

Второй этаж еще более интересен. Туда ведет узкая винтовая лестница. Наверху между завитками лестницы стоят две небольшие скромные книжные полки, торшер и небольшое кресло. На полках Жюль Верн, Майн Рид, Александр Беляев, Фенимор Купер, неизвестный мне тогда Артур Кларк в машинопечатном переводе, портрет Курчатова. Причем многие люди, приходящие в гости к Сергею Павловичу, кто этот бородатый человек и кто он такой, понятия не имели. По-

нятно, что не классик марксизма-ленинизма, но как бы вот так. Кабинет абсолютно аскетичен: стол, деревянное кресло, деревянный стул для посетителя, чтобы долго не засиживался, грифельная доска. На вопрос: «Это же кабинет академика. А где книги? Где бумаги?» «Какие книги, какие бумаги?!» Космонавтика только начиналась, и все носило абсолютно секретный характер. Сергей Павлович и его коллеги, друзья могли все что угодно чертить на доске обычным мелом. Когда нужно было что-то записать, они поднимали трубку, из будки перед въездом на территорию дачи приходил офицер, вынимал из сейфа тетрадку, в которую Сергей Павлович записывал мысли, формулы, чертежи, еще что-то. Тетрадка запиралась в сейф, ключ уносил с собой офицер. Вот такие причуды секретности и всего прочего.

На участке растет несколько березочек, большая клумба роз перед въездом и зимой там была проложена небольшая лыжная тропа-петля, где иногда генеральный конструктор позволял себе размяться и отдохнуть.

Вот такие великие, такие аскетичные люди, которые располагали самой большой роскошью, которая доступна разумному человеку, – это роскошь заниматься любимым делом, заниматься большим делом и чувствовать, что именно ты двигаешь человека вперед. Честно говоря, такая судьба, такая работа вызывает глубокую зависть. Мечталось мне поработать с подобными людьми и заниматься чем-то подобным или близким.

Особенности времявосприятия

Мы часто события воспринимаем, разложенные в истории по разным полочкам. Но некоторый парадокс обращает на себя внимание. Так, в частности, в один день – в день закрытия XXII съезда КПСС произошли два по истине исторических события: испытания на Новой Земле 50-мегатонной супербомбы, которая получила потом название «Кузькина мать», детище великого миротворца Андрея Дмитриевича Сахарова; в эту же ночь из Мавзолея был вынесено тело Иосифа Виссарионовича Сталина и захоронено около Кремлевской стены. Оба события имеют большое значение для нашей истории, оба являются важными вехами, но в нашей памяти лежат совершенно на разных полочках.

Первые красавицы диспансера

В 80-е годы жизнь диспансера была раскрашена соперничеством двух первых красавиц диспансера. Причем вопрос до конца так и не был решен. Одна была Ольга Алексеевна Карпова, терапевт, в последующем радиолог, блондинка, работала в последние годы во втором радиологическом отделении, перед этим была терапевтом в хирургическом отделении. То есть контакты с хирургами и диспансером были очень широкие. Второй не меньшей и не худшей красавицей была Лариса Васильевна Кузнецова. Брюнетка. В начале карьеры также терапевт хирургического корпуса, также широ-

ко общавшаяся с мужской половиной диспансера, в последующем врач-рентгенолог. Конкуренция была непримиримая, конкуренция была жесткая. Она выражалась не в стычках и скандалах, а конкурировали платьями, конкурировали стилем одежды, стилем общения. Со стороны это было наблюдать достаточно интересно. Но поскольку мы с Ольгой Алексеевной работали в одном отделении, я был юный клинический ординатор, с ее точки зрения, наверное, не представляющий большого интереса. Она была 30-летней цветущей барышней. Как-то летом в жару Ольга впархивает в ординаторскую, не оглядываясь, сбрасывает с себя кофточку. Лифчик она не носила или принципиально, или из каких-то других соображений. Поворачивается ко мне, видит меня, машет рукой и говорит: «Ой, да ладно, смотри! Видимых дефектов у меня нет». Видимых дефектов у Ольги, правда, не было, что да, то да. К сожалению, у обеих этих замечательных женщин не все ладно сложилось со здоровьем. Увы, они слишком рано ушли из жизни, но остались в памяти сотрудников диспансера и в моей как две очень яркие кометы на небосклоне нашей клиники.

Работать должно быть интересно

Мне кажется, достаточно многочисленны дискуссии о том, как привлечь молодежь в ту или иную профессию, как привлечь ее в медицину. Мне кажется, основное, что привлекает не только молодого, но и любого человека, работать

должно быть интересно. Безусловно, должна быть зарплата, безусловно, должно быть оборудование, безусловно, должно быть жилье, но работать должно быть интересно. Мы знаем много профессий, где есть и деньги, и зарплата, но куда люди приходят, отбывают необходимый срок для получения этих благ и уходят. Мне кажется, у нас в диспансере работать интересно, поэтому у нас так много замечательной, умной, развивающейся молодежи.

«Росатом»

Рядом с метро «Третьяковская-Новокузнецкая» расположено громадное здание постройки начала 50-х годов, в котором расположен «Росатом», раньше располагался Минсредмаш. Легендарное здание, откуда управлялась вся атомная промышленность, и оборонная, и мирная, Советского Союза, а ныне России. В холле висит громадный, очень интересный, со вкусом и с любовью сделанный барельеф министра Славского в такой вогнутой бронзовой линзе диаметром, наверное, метров 4-5. Хотя понятно, что на самом деле там должен быть барельеф Лаврентия Павловича Берия, создателя «Росатома». Это нисколько не умаляет заслуг министра Славского, который был одним из первых строителей, руководителей химкомбината «Маяк», а затем с момента организации Минсредмаша до 1985 года руководил этим крупнейшим в Союзе, может быть, и в мире Центром атомной промышленности. Надо сказать, что традиции в «Росатоме», как

и во многих серьезных фирмах, блюдятся очень строго. Так, на внутренней площадке-стоянке расчертили места для автомобилей: вот это стоянка для директора «Маяка», вот это стоянка для автомобиля директора Сарова, вот эта стоянка для автомобиля директора Федерального ядерного центра в Снежинске. Директора могут меняться, автомобили могут меняться, но место для машины этих руководителей свято и всегда свободно. Никто не покусится на эти священные табуированные места, какая бы толкучка во дворе и рядом с «Росатомом» ни была.

Rolls-Royce

Однажды мой хороший знакомый, челябинский олигарх, купил себе Rolls-Royce. Я его вижу рядом с одним казенным зданием выходящим из великолепного автомобиля. Он обращается ко мне с вопросом: «Ну что, Андрей, классная машина?» Я говорю: «Да, машина-то классная. Но понимаешь, нестыковка есть большая». Он удивленно спрашивает: «В чем?» Я говорю: «В Rolls-Royce джентльмен не должен ездить сам за рулем». После короткой паузы ответ: «А я и не джентльмен». Он действительно не джентльмен, он настоящий классный русский мужик.

Рулька

Некоторое время, достаточно давно, оказался я в компании двух коллег в Западной Германии на берегу Рейна. И

захотелось нам в первый же вечер, естественно, чего-нибудь немецкого, а конкретно – пива и рульки. Мы зашли на берегу реки в небольшой ресторанчик. Народу почти не было. Немец-официант принес немецкое меню. Но вы понимаете, не зная языка, разобраться в этих длиннющих немецких словах, особенно применительно к еде, практически невозможно. Официант не понял наших объяснений. Тогда я, абсолютно не будучи художником, может быть, и хорошо, что Бог не дал такого таланта, попросил салфетку, ручку и нарисовал большой кружок, в нем маленький кружок с двумя дырочками, что подразумевало пяточок, два глаза, хвостик и четыре ножки. Обведя одну из ножек кружком, указав стрелкой туда, официант понял, что-то сказал по-немецки очень длинно. И действительно, через некоторое время у нас на столе стояла великолепно прожаренная отличная немецкая рулька. С пивом мы объяснились проще: beer интернационален и его знают все. К концу ужина появился еще один человек, то ли директор, то ли хозяин, и уже на таком вменяемом русском языке стал спрашивать, кто из нас автор этой картины. Я сказал, что автор я, что мы не могли иначе объяснить. Он сказал: «Вы мне очень помогли. Не будете ли вы против, если мы вашу картину разместим в качестве пояснения в меню для туристов?» Я, естественно, дал согласие, но до сих пор жалею, что не попросил с него не только еще одну рульку или процент, но и даже упоминания своего авторства под этой картиной.

ФИБ №1. Инвестиции в будущее

Первый филиал Института биофизики был создан в городе Снежинске. Фактически с момента работы «Маяка» специалистам было понятно, что воздействие на организм радиации абсолютно не безвредно, это не игрушки, нужно следить за персоналом, нужно выявлять профпатологию, нужно учиться с ней бороться. Именно этим занимались специалисты ФИБа №1 и молодые тогда врачи Григорий Давидович Байсоголов и Ангелина Константиновна Гуськова. Надо сказать, что мне повезло общаться и с тем, и с другой. С членкором Гуськовой мы познакомились на одной из сессий Российской академии меднаук. Я ее заочно знал, естественно, давно, она меня – нет. Но когда разговорились, что мальчик из Челябинска, мальчик – радиолог, завязалась очень интересная дружба. И дай Бог здоровья этой сподвижнице, одной из праматерей отечественной радиобиологии. Именно она на своих хрупких плечах подняла эту науку. Она описала вместе с Григорием Байсоголовым хроническую лучевую болезнь. Они лечили пациентов от острой лучевой болезни. Ее классические монографии на эту тему не потеряли актуальности до сих пор.

Григория Давидовича я имел удовольствие видеть и общаться намного раньше. Я учился в ординатуре, потом первые годы работал радиологом. Мне было непонятно, почему маститый профессор из Обнинска, признанный корифей

в области лечения лимфогранулематоза, периодически появлялся у нас в области и обязательно заезжал к нам в диспансер, консультировал больных с болезнью Ходжкина, разговаривал с нами, молодыми радиологами. Характер у него был, конечно, непростой, но это человек энциклопедических знаний, великого обаяния, большой умница. Потом сложилось все естественным образом, что он, оказывается, ездил по местам своей юности, он приезжал в ФИБ №1, он приезжал в город Озерск, где у нас были друзья, дела, ученики. И попутно заезжал в Челябинский областной онкологический диспансер.

Еще одна поразительная вещь из жизни ФИБа №1 непосвященным и неизвестным людям, не входящим в этот мир. В подвале Института есть специальный зал от отдела патологоанатомических исследований, где хранятся фрагменты различных тканей и органов сотрудников «Маяка», которые работали непосредственно с радиоактивными препаратами плутония, урана, прежде всего плутония, умерших от разных причин, в том числе от лучевой болезни. У них забирались биоптаты в довольно большом объеме и законсервированные хранятся до сих пор. Такого масштаба исследования проводились только у нас, ни у американцев, ни у японцев ничего подобного нет. Люди предвидели интерес к этой теме, основоположники ФИБа №1 предвидели, что появятся, естественно, новые методы гистологических исследований и понадобятся нативные материалы, ткани людей, рабо-

тавших в самом пекле атомной промышленности. И очень интересно, конечно, видеть современный снимок, гистологический препарат ткани легкого у пациента, который работал с плутонием, покрытый специальной фотоэмульсией. И наблюдаешь, вот она, частица плутония, вот трэки альфа-излучения, которые до сих пор исходят из этой частицы, хотя человека уже нет на свете несколько десятков лет. Но тело его до сих пор служит науке. Потрясающие впечатления. Потрясающие предвидения специалистов. Естественно, громадное мужество и самоотдача людей, которые своими руками сохранили мир на земле. И даже сейчас останки их тел служат их любимому делу.

Владимир Петрович Харченко. Защита докторской

Приближалась к окончанию моя работа над докторской диссертацией. Где-то в феврале 1993 года я был в Москве по делам, оставил своему руководителю, учителю и другу Владимиру Петровичу Харченко большую часть глав, по-моему, четыре, где не было автореферата, заключения, последней главы. Он сказал: «Давай я прочитаю, потом тебе позвоню». Не было еще мобильной связи. И где-то недели через две, накануне 8 Марта, он меня находит в глубинах диспансера по одному из служебных номеров и звучит следующий разговор. «Я твою докторскую прочитал». Я спрашиваю: «Ну и что, Владимир Петрович?» «Нормально. Хорошо. 31 мая защита». Я говорю: «Владимир Петрович, так ведь 31 мая по-

чти завтра. Не успею. Там нет еще заключения, пятой главы, автореферата». «Да ни хуя, успеешь». Трубка кладется. Консультация научного руководителя закончилась. Я, естественно, успел, все было благополучно, даже удачно. Спустя несколько лет отношения с Владимиром Петровичем укрепились, стали еще ближе, я его спросил: «Владимир Петрович, помнишь такую историю?» Он ответил: «Конечно, помню». «А что вот так вот?» «А я хотел поглядеть, насколько ты расторопен, как себя поведешь в условиях стресса». Я спросил: «Ну и что?» «Ты же видишь, все нормально, все хорошо». Должен сказать, что наши учителя были и есть люди гениальные, талантливые, заставляют нас делать то, что нам кажется невозможным, и заставляют себя проявить в самых немыслимых условиях. Это все идет нам на пользу. Владимир Петрович, спасибо за консультацию и вообще спасибо за помощь и поддержку по жизни.

Честь области

Обращаются однажды ко мне уважаемые люди и говорят, что к тебе поступает пациент, очень социально значимый, который всю жизнь защищал честь области на хоккейных площадках. Мне пришлось возразить, что честь области я понимаю несколько иначе, это не хоккейная площадка, это достойные школы, это хорошие больницы, это ухоженные старики, это прочищенные тротуары. И настоящую честь области составляют академик Аврорин, академик Макеев, ака-

демик Рыкованов, сотрудники «Маяка», ЧТЗ, Федерального ядерного центра, но отнюдь не гладиаторы хоккейных полей, которые, в общем-то, живут за наш счет, на наш бюджет и за наши деньги. И чего ради я должен отодвигать инженера, офицера от каких-то благ или очереди ради предоставления каких-то льгот хоккеисту? Тем более что это не соответствует понятиям ни врачебного долга, ни человеческой совести. Давайте не будем разбрасываться такими высокими понятиями, как честь области, честь страны. Честь области и страны не на хоккейных и футбольных полях и не в руках дармоедов, она создается тружениками, их трудом, потом, талантом и умом. В этом я глубоко убежден.

Природная рента

Во время одной из поездок в Африку, а точнее, в Кению, мы на автомобиле неоднократно пересекали экватор. И вот в одном месте около заправки, какой-то африканской закуской, небольшого рынка видим знак, указывающий, что вот здесь шоссе пересекает экватор. Хотя шоссе его назвать довольно сложно. Глиняная дорога местами со следами асфальта. Стоит африканец в длинном балахоне, кричит: «Экватор-шоу». 2 доллара». В руках у него из всех атрибутов только пластмассовое ведро, по-моему, красного цвета и такого же цвета пластмассовый ковш с дыркой посередине. Мы решили, что 2 доллара – не деньги, на экваторе посмотреть «Экватор-шоу» все-таки интересно, что бы собой это

ни представляло. Негр подошел к нам. Это было метров, наверное, 15 от условной, как мы думали, условной линии экватора, зачерпнул ковшиком воду, вода начала, естественно, выливаться через дырку вниз. Он бросил в воду несколько спичек, и спички, естественно, стали вращаться по часовой стрелке по направлению к центру, куда сливалась вода. Ничего удивительного. Все такое зрелище видели. Он переводит нас по другую сторону от якобы воображаемой линии экватора, тоже недалеко – метров 15-20. Снова зачерпывает ковшиком воду и, к нашему удивлению, вода льется через отверстие, но воронка закручена совершенно в другую сторону и спички плавают уже против часовой стрелки. Сила Кориолиса. В детстве это физика, география класса 6-7-го. В третий раз он подходит и ставит ведро на линию экватора и там вода хаотично льется, рушится вниз, никакой воронки не образуется, спички хаотично плавают на поверхности воды. Мы были потрясены этим зрелищем природной ренты. Это демонстрация вращения Земли и демонстрация того, что линия экватора – это не просто некая абстрактная зона, а вполне конкретная, причем достаточно узкая полоса, которая действительно соответствует экватору. Природная рента в действии. Знание физики и географии в жизнь. Потрясающее впечатление. Вспоминайте иногда то, чему вас учили в школе наши замечательные учителя.

ЮУНЦ

В течение довольно многих лет существовала такая организация – Южно-Уральский научный центр, созданный благодаря долготерпению, уму, такту и таланту предвидения академика Юрия Михайловича Захарова и, безусловно, при полной поддержке президента Российской академии медицинских наук Валентина Ивановича Покровского. Это были прорывные годы, прорывная тема, когда действительно академическая наука федерального уровня приблизилась к местам, когда создавались научные центры ЮУНЦ у нас, в Тюмени, еще в ряде мест. Это было живое дело, которое позволяло молодым специалистам, молодым ученым приближаться к академическим кругам. Академия наук перестала быть башней из слоновой кости, хрустальным замком, недостижимым для простых смертных. Благодаря заботе и стремлению Юрия Михайловича Захарова ЮУНЦ приобрел очень большой вес, в Челябинске многие специалисты разных рангов работали в рамках ЮУНЦа. Это, я думаю, приносило пользу и самой Академии наук. Потом при смене власти и уходе Валентина Ивановича к руководству Академии пришел совершенно другой человек, с совершенно иными взглядами и подходами. Нашлись некие юридические нестыковки, и эти центры были в России уничтожены, чем был нанесен очень большой вред как развитию медицинской науки в целом, так и связи, подпитке между Российской академией медицинских наук и провинциальными специалистами. Вот так самодурство и недальновидность одного человека могут повли-

ять и на годы остановить развитие очень большой отрасли. Жаль. Спасибо ЮУНЦу, спасибо Валентину Ивановичу Покровскому, спасибо Юрию Михайловичу Захарову.

Хочется добавить, что Валентин Иванович Покровский, помимо того, что был талантливейший ученый, он был очень своеобразный и интересный человек, большой специалист и любитель в области крепких алкогольных напитков, при этом всегда знал меру и никогда не перебирал. Но достаточно часто можно было к нему зайти в кабинет и чувствовать от него вкусный запах свежего качественного алкоголя. Это придавало определенный шарм. Я помню, отмечалось 200 лет Российской академии медицинских наук. Достаточно помпезное действо в Колонном зале Дома Союзов в центре Москвы. Валентин Иванович выступает с очень интересной глубокой речью об истории академии, из которой я, допустим, для себя почерпнул много неизвестного ранее. Затем выходит министр Зурабов, поднимает стакан, нюхает и с улыбкой говорит: «Странно. После речи Валентина Ивановича (нужно сказать, что Валентин Иванович периодически подливал себе что-то из бутылки с прозрачной с жидкостью и выпивал) от бокала пахнет только минеральной водой». Это вызвало большой смех в зале. Вот эта причуда только добавляла нам уважения к Валентину Ивановичу как к живому нормальному человеку. Вообще нужно сказать, что Южно-Уральский научный центр и Юрий Михайлович Захаров дали путь в Академию наук мне, Илье Ильичу Долгушину,

Арнольду Израилевичу Козелю и Владимиру Леонтьевичу Коваленко. Я очень рад, что в эти годы работал в этой компании, что мне довелось пообщаться, трудиться и доводится сейчас с этими блестящими учеными и замечательными людьми. Спасибо ЮУНЦу.

Интервью, статьи, заметки

«Рак излечим – уже лет двадцать, как минимум»

Андрей Важенин

«Южно-Уральская панорама», 2013 год

Пожалуй, ни одно другое слово не внушает сегодня такой панический ужас, как «онкология». Для большинства из нас это практически синоним приговора, смерти. Так ли страшен рак, как его нынче малюют? Можно ли его избежать и что делать, если вы подозреваете у себя наличие онкозаболевания? Эти и другие, не менее актуальные вопросы мы задали члену-корреспонденту РАМН, профессору, доктору медицинских наук, главному онкологу Челябинской области Андрею Владимировичу Важенину.

– Андрей Владимирович, почему вы занялись этой, достаточно непростой, темой? Почему стали именно онкологом?

– Я считаю, что это произошло достаточно естественным путем. После того, как лет в пять я перешел быть пожарным, меня стала интересовать медицина. Моя мама была онкологом. Плюс ко всему я окончил школу № 31, причем в достаточно хорошие ее годы, когда она еще не была «фабрикой мозгов для Запада» – несмотря на то, что наших ребят пачками отправляли за границу для участия во всевозможных конкурсах, олимпиадах... Тем не менее, поступали затем в наши ведущие вузы. Нам очень мощно преподавали физику, химию, математику. И для меня медицина, причем именно онкология, как ее еще называли, ядерная медицина, стала таким хорошим компромиссом, позволила объединить и мое желание стать врачом, и технические способности.

– В те годы ведь еще не было такой истерии вокруг рака?

– Истерии не было. По моему мнению, в те годы наше общество вообще было более зрелое, более образованное, потому не было таких иррациональных страхов, как сейчас. Было меньше мракобесия, было доверие к официальной науке, уважение и доверие к врачу – человеку, который имеет профессиональные знания, опыт. Не было бичевания медиков в прессе и по телевидению в кликушеских передачах. В целом было более здоровое отношение к проблеме онкологии. Сейчас, как вы сами видите, у нас разгул мракобесия, образованность упала, а потому столько страха. Ведь чем меньше знаешь, тем больше боишься.

– А как сегодня изменилась ситуация с заболеваемостью, если говорить языком цифр?

– С начала 90-х заболеваемость выросла в полтора раза, но при этом смертность от рака за последние 20 лет сохраняется на стабильном уровне, число летальных исходов не увеличивается.

– То есть можно сказать, что в общем-то онкологические заболевания излечимы, что у нас лечат от рака, причем давно?

– Да. Излечивали и излечиваем. Но! В чем особенность нашей профессии? Когда у нас есть успех, когда люди у нас вылечиваются, об этом все молчат. И кроме докторов, самого пациента, его родных и близких никто об этом не знает. Не принято у нас в обществе об этом говорить. Вот если какая «звезда» из наркотической или алкогольной зависимости выйдет – тут да, тут трубят на всю страну. А если от рака вылечатся – как правило, помалкивают. И то, что помогли, вытащили из онкоклетей, вылечили – это тоже не озвучивается. Зато про наши неудачи знают все. Есть такое выражение: «У победы много родителей, только неудача – сирота». В случае нашей неудачи все наоборот: все знают, как надо было лечить, что надо было делать. И начинается бичевание врачей, то самое кликушество. И во всем этом растворяется простой факт: онкология сегодня излечивается. И излечива-

ется не знахарями, не магами, не экстрасенсами, а врачами. И вам скажу, что это не самая безысходная болезнь, есть более страшные.

– А как же все эти разговоры о том, что рак сегодня молодеет?..

– Это легенды. Есть статистика, наглядно доказывающая, что частота заболеваемости растет с годами, то есть в большей степени это была и есть болезнь пожилых. Но поскольку растет общее количество онкобольных, то, соответственно, растет и количество молодых заболевших. К тому же, когда заболевает человек 25-30 лет, обществом это воспринимается более трагично, более эмоционально, чем болезнь 70-летнего. Плюс ко всему, сейчас есть тенденция к постарению населения, и это одна из причин, которая обуславливает рост заболеваемости. Но надо сказать, что здесь мы, к счастью, отстаем от Западной Европы, от США и Японии, там заболеваемость раком выше, причем намного. В том числе и потому, что там больше пожилых людей, стариков.

– Значит, то, что за рубежом меньше болеют – очередной миф?

– Там больше болеют. Меньше болеют в слаборазвитых странах – там, во-первых, и народ более молодой, а во-вторых, болеют и погибают от других причин: инфекции, травмы, войны...

– Можно сказать, там просто не успевают заболеть раком?

– Знаете, есть такой афоризм одного старого французского онколога: «Каждый человек, с точки зрения биологии, должен умереть от своего рака, но не каждый до него доживает». Вообще, диабет, рак, атеросклероз с позиции дарвиновской теории эволюции абсолютно необъяснимы. Онкоген, ген диабета, атеросклеротические нарушения прописаны в геноме человека. И с точки зрения естественного отбора, когда выживает сильнейший, они вообще не должны передаваться и закрепляться из поколения в поколение! Получается, что это некий механизм, который включается тогда, когда живое существо преодолевает все другие смертельно опасные коллизии. При условии, что это живое существо нужно с «жизненной полянки» убрать.

– Так можно ли тогда вообще говорить о том, что рака можно избежать, что его можно предотвратить?

– Вы знаете, о первичной профилактике рака действительно очень сложно говорить. Тем более, до сих пор нет полной и окончательной ясности, что же все-таки лежит в основе данного заболевания. Вирусная теория Зильбера имеет место быть, теория канцерогенов – химических, физических, гормональных – тоже совершенно правомерна... И нужно учитывать еще, что интервал между биологическим появлением опухоли и ее клинической манифестацией (манифеста-

ция болезни (лат. manifestatio обнаружение, проявление) – развитие выраженных клинических проявлений болезни после ее бессимптомного или стертого течения. – Прим.ред.) – 8-10-12 лет. И линейной связи не существует. Мы знаем, что курение – да, влияет, автомобильные выхлопы – да, отвратительная вода – да, канцерогены в пище – да, элементы наследственности – все это есть. Но, допустим, сегодня поступает к нам больной, страдающий раком легкого. И я не могу сказать, что это заболевание развилось от того, что в таком-то году на таком-то перекрестке этот больной покурил в то время, как рядом стоял КамАЗ с неисправным фильтром в выхлопной системе. Рак – это ведь не венерическое заболевание, не кишечная инфекция, где легко можно установить «причинно-следственные связи». Так что тут сложно сказать, чего опасаться конкретному человеку. Где ему в этом смысле «соломки подстелить».

– То есть первичная профилактика невозможна в принципе?

– Возможна, но только в теории. Ведь это нужно что? Как сейчас любят говорить, поменять образ жизни. А это значит – среду в которой живет человек, работу, привычки, питание, наследственность. Так что вопрос первичной профилактики – не медицинский, а скорее политический, экологический. Мы ведь сегодня живем в мире, напичканном канцерогенами. Ну и как отдельно взятый человек это сможет

изменить? А вот вторичная профилактика – ранняя диагностика – вполне реальна, более того, это в зоне ответственности каждого конкретного человека. Выявление заболевания в ранней стадии сегодня очень эффективно, поскольку значительно повышает шансы на излечение. Но ранняя диагностика – не задача онколога. Один из парадоксов опухоли в том, что она не имеет своей клиники. По сути это ведь та же самая ткань человека, генетически родная ткань – но с включенным механизмом онкогена. Так что она практически не отличается от здоровых тканей организма. Опухоль начинает давать клинику тогда, когда или начинает разрушаться, появляются кровотечения, воспаления, нагноения, или когда закрывает просвет полого органа, например, кишечника, или сдавливает какие-то нервные стволы, вызывая сильные боли. И вот только тогда, как правило, пациент обращается к врачу первого контакта – гинекологу, проктологу, терапевту, дерматологу и так далее. И тут многое уже будет зависеть от подготовки этого специалиста – какие он выводы сделает, куда направит. Направит к онкологу – на такой стадии заболевания для пациента это будет путевка в жизнь. Опять же, если сам больной пойдет к онкологу сразу же. Сейчас ведь часто бывает, что сначала сделают крюк – обойдут гадалок-знахарей-экстрасенсов и прочих магов. Только потом появляются у нас – уже с потерей времени, денег, нервов. И вот тогда начинается уже лечение. Но пока пациент лежит дома на диване, ищет чудо-рецепты в Интернете или ходит

по «бабкам», мы ничего сделать не можем.

– Вы сказали, что может пройти 8-12 лет между появлением рака и его клинической манифестацией. Может быть, если исключить из своей жизни разные провоцирующие факторы – канцерогены, стрессы – опухоль не «активизируется»?

– Давайте говорить серьезно: обратного развития быть не может. Да, какое-то время иммунитет будет сдерживать развитие раковых клеток, но избавиться от них организм не в состоянии. Другими словами, само по себе не рассосется, не верьте, если вам обещают такие «чудеса». Поэтому, повторю, чем раньше пациент доберется до врача, тем больше шансов на излечение.

– Андрей Владимирович, вы ведь сами говорите, что не всегда врач первого контакта достаточно компетентен, и нередки случаи, когда участковые терапевты буквально отмахиваются от «беспокойных» пациентов. Так что же делать?

– Побольше личной ответственности проявлять. Вот сегодня к нам часто попадают больные с раком ротовой полости третьей, четвертой стадии... Ну, если у человека во рту какой-то «непорядок», какие-то нетипичные появляются образования, а стоматолог не обращает на это внимания, значит, человеку надо идти к другому специалисту, третьему, искать

того, кто обратит внимание и направит куда следует. Не смиряться, а настаивать, добиваться.

– А что порекомендуете тем, для кого страшный диагноз прозвучал?

– Во-первых, не суетиться. Понятно, что человек, узнав такую «новость», испытывает шок, начинает паниковать, метаться, куда-то ездить, советоваться непонятно с кем. Имейте в виду, счет тут идет не на минуты, часы или дни – онкология достаточно медленно развивающийся процесс. Тут есть время для взвешенного установления диагноза, взвешенного выбора лечения. Повторю, не должно быть тут суеты. Самое разумное – это довериться специалистам и следовать их рекомендациям.

Федеральная программа «ОНКОЛОГИЯ» в Челябинске

«Южно-Уральская панорама», 2010 год

Важенин Андрей Владимирович.

– Андрей Владимирович, хочется от всей души поздравить вас с таким знаменательным для всего Уральского региона событием – открытием 28 декабря 2009 года Центра позитронно-эмиссионной томографии! Все с

нетерпением ждали этого дня. Но сегодня очевидно, что он возник не на «пустом месте», какая научно-техническая база для внедрения подобных новшеств имелаась в онкологическом диспансере?

Действительно, программа по созданию ПЭТ-центра и появлению у Челябинского онкологического диспансера статуса окружного – лишь **большой, яркий, но эпизод** во всей деятельности нашего учреждения на протяжении шести десятков лет. Серьезная работа начала вестись не с прошлого года, а уже давно. Преамбулой создания Центра позитронно-эмиссионной томографии является ведение реальной, серьезной работы в направлении диагностики и лечения онкологических больных.

Следует подчеркнуть, что Челябинский онкологический диспансер на протяжении всего своего существования являлся **одним из ведущим онкологических учреждений** России. Однако отправной точкой, давшей начало иному витку развития ООКД, следует считать 2000 год. Именно в этот период был сдан новый современный 7-этажный корпус, открыты новые отделения – онкоурология, онкоофтальмология, существенно (в среднем на 15%) увеличена мощность существующих отделений. Даже если говорить о полученном в 2009 году современном оборудовании (**хотя здесь уместнее говорить не об оборудовании, а о технологиях!**),

то следует отметить, что оно не является для наших специалистов абсолютным новшеством. Наши доктора успешно работали на подобной аппаратуре до ее обновления на более совершенную, с наличием современных функций. В начале 1990-х годов наш диспансер, один из немногих в стране, получил радиационные установки «Микроселектрон» и «Селектрон» («Нуклетрон», Голландия), на которых наши доктора наработали колоссальный опыт **в области контактной лучевой терапии опухолей женской половой сферы, радиохирургического лечения рака молочной железы, пищевода, а использование ресурсов аппаратов было превышено и превысило 3,5 раза. Иными словами, к работе на полученном по федеральной программе оборудовании мы готовы**, поскольку опыт уже имеется, и не малый. Безусловно, получение новой аппаратуры даст нашим врачам больше возможностей для выполнения лечебных и диагностических процедур, но нельзя сказать, что ее освоение явилось для нас «открытием Америки». По программе совершенствования онкологической службы мы получили комплекс ускорительной аппаратуры с фантастическими возможностями, но на «ускорителях» работа ведется с 1996 года.

В развитие диагностического направления мы получили недостающий в «диагностической пирамиде» магнитно-резонансный томограф, и уникальную не

только для России, но и для Японии новейшую эндоскопическую систему, совмещенную с УЗИ (OLYMPUS, ALOKA). Однако диагностическая служба онкологического диспансера была мощной всегда: в 1996 году мы получили первыми в Уральском регионе спиральный компьютерный томограф, который до сих пор находится в рабочем состоянии.

Нашими специалистами был наработан очень большой материал и методики в области профилактической онкологии и раннего выявления раковой патологии, проведения скрининговых исследований и создания онкологической настороженности у населения.

Также после присвоения статуса окружного наш диспансер получил оборудование для контактно-лучевой терапии рака предстательной железы и проведения брахитерапии йод-125. Проблемы онкоурологии мы озадачились первыми в Уральском регионе. Исторически сложилось так, что почти нигде урологические отделения не входили в структуру онкологической помощи. Тогда на базе онкодиспансера в конце 1999 года было открыто первое **в УрФО** онкоурологическое отделение во главе с Петром Алексеевичем Карнаухом. Мысль о создании онкоурологического отделения зародилась еще в 1996 году во время одной из служебных командировок совместно с Петром Алексеевичем в США, где в штате Южная Каролина мы занимались с ним

именно вопросами уроонкологии. Именно там мы узнали о применении такой технологии для лечения рака предстательной железы, как йод-125. Для реализации этой идеи на базе Челябинского окружного онкологического диспансера потребовалось 15 лет. К сожалению, рак предстательной железы является самой растущей по частоте выявления опухолью, требующей в хирургическом плане проведения травматичной операции и высочайшей квалификации хирурга. В то время как лечение при аналогичных объемах поражения йодом-125 требует наличия высоких технологий, высоких навыков радиологической помощи, что, собственно, и реализуется в нашем онкодиспансере.

Параллельно велась серьезная работа по созданию научной школы. Нашими практическими врачами был проведен очень качественный «перевод» практических навыков в теоретические. Весной этого года планируется защита сотой кандидатской диссертации на базе материалов нашего диспансера.

Таким образом, научно-практическая и техническая база для получения статуса окружного онкологического диспансера и **создания структуры Центра ПЭТ уже во многом имелась. Но в работе диспансера всегда был большой интерес к клинической радиологии.** С 2000 года диспансер является научно-исследовательской лабораторией «Ра-

диационная онкология» ЮЦНЦ РАМН, а с 2006 г. – базовой клиникой для ФГУ «**Российский научный центр рентгенрадиологии**» Росмедтехнологий. Именно этим был дан активный старт внедрению всех последующих **радиологических** технологий и методик, что во многом послужило базисом в создании ПЭТ-центра и присвоении нашему диспансеру статуса окружного – первого окружного онкологического диспансера в истории отечественной онкологии.

– Выходит, что с «нуля» вам начинать свою работу не придется. Но если говорить о ПЭТ-центре, что принципиально нового можно ожидать от такого подразделения онкологической службы Уральского федерального округа?

Но ведь и ПЭТ-центр возник не на «пустом месте»: 20 ноября 2009 года отметили 10 лет работы Уральского центра нейтронной терапии, являющегося одним из трех нейтронных центров России и одним из двух реально функционирующих. Этот центр имеет обширный клинический материал и находится на базе успешно функционирующего Федерального ядерного центра – ВНИИТФ им. академика Е.И. Забабахина и Челябинского окружного клинического онкологического диспансера. На сегодняшний день пролечено более 1000 пациентов с новообразованиями различных локализаций с использованием пучка быстрых нейтронов (для срав-

нения: в г. Томске за 20 лет существования Центра нейтронной терапии пролечено 1200 пациентов). Материалы научной работы по развитию данного направления неоднократно публиковались в рецензируемых изданиях. Именно на базе Уральского центра нейтронной терапии наши специалисты «черпали» идеи по использованию ультракороткоживущих изотопов. Впервые с позитронно-эмиссионной томографией мне лично пришлось столкнуться в 1994 году, когда она являлась абсолютным «ноу-хау» даже для Соединенных Штатов Америки. Во время обучения в г. Хьюстоне были получены первые знания о работе циклотрона в нейтронной терапии и радионуклидной диагностике. Затем в 2004 году мы с коллегами посетили крупный ядерный центр в штате Луизиана (США), где занимались разработкой ПЭТ-технологий. Итогом многолетней работы в этом направлении стала реализация федеральной программы по созданию Центра позитронной-эмиссионной томографии. **Ключевым же фактором, определившим создание ПЭТ-центра, было глубокое понимание проблемы, её значимости и инициатива губернатора области П.И. Сумина.**

Хотелось бы подчеркнуть, что штат будущего медицинского центра укомплектован **более года назад**: в нем **работают** высококвалифицированные специалисты – физики, радиохимики, химики-аналитики, инженеры, электронщики, врачи-диагносты. **Все они** прошли обучение в лучших

учебно-клинических центрах России и Германии.

С помощью метода ПЭТ-диагностики в центре будут выявлять онкологическую, кардиологическую и неврологическую патологии, а также оценивать динамику лечения и результаты проведенных операций. В США и странах Европы в настоящее время функционирует более 2,5 тысячи ПЭТ-установок. В то же время в России пока действует только 5 подобных центров, причем все они располагаются в Москве и Санкт-Петербурге. Таким образом, Челябинский ПЭТ-центр стал первым подобным региональным центром. В следующем году аналогичный высокотехнологичный комплекс появится в Магнитогорске.

Но важным является то, что были внедрены современные технологии в лечении и диагностике раковых больных, поскольку один отдельно взятый аппарат мало что дает. Таким образом, в диспансере были созданы лечебные и диагностические технологические пирамиды. Вершиной диагностической пирамиды является позитронно-эмиссионная томография.

Для создания базиса для ПЭТ-центра и **построения «диагностической пирамиды»** в Челябинском окружном онкологическом диспансере была проделана большая работа в техническом обеспечении: был обновлен парк УЗИ и рент-

генаппаратов, компьютерных томографов, в качестве завершающего этапа в пополнении диагностической базы **мы получили МРТ.**

Однако, несмотря на все открывшиеся перед нами колоссальные возможности, следует подчеркнуть, что в ПЭТ-центре диагностикой раковых опухолей на ранней стадии каждому желающему заниматься не будут. Задачи ПЭТ совсем другие – уточнение поставленного диагноза, оценка эффективности лечения и его тактики, поиск мельчайших очагов опухолей, ведь ПЭТ-технология – это не метод скрининга, это не первоочередной метод исследования, это высшая ступень диагностической пирамиды. Население не всегда адекватно относится к медицинским технологиям и медицине вообще. Субъективное мнение среднего гражданина, к примеру, нашей страны зачастую идет «вразрез» с необходимостью в медицинском обследовании и лечении. Иногда человек совершенно не желает использовать достижения медицинской науки, а иногда стремится получить самое эффективное обследование при его ненужности. Именно в тех случаях, когда на вопрос о диагнозе не могут ответить исследования на рентген- и УЗИ-аппаратах, и будет широко использоваться позитронно-эмиссионная томография.

Для эффективных исследований была получена роботизированная система гистологической и иммуногистохими-

ческой диагностики с архивированием. Эта новая роботизированная система позволит нам проводить иммуногистохимические исследования, **которые ранее мы не проводили, и получать важную информацию о характере опухоли для планирования химио- и лучевой терапии на пример.**

Безусловно, революционным является строительство в клинике отделения радионуклидной терапии (йод-125) для лечения метастатического рака щитовидной железы. Такое отделение есть в России только в НИИ медицинской радиологии в Обнинске. Надо сказать, что и этот метод лечения для нас не совсем нов. С 2002 года клиника занимается системной лучевой терапией стронцием-86. Но радионуклидное отделение – это совсем другой масштаб.

Еще одним направлением в том «поле» деятельности, которое привело к тем изменениям, которые происходят в настоящий момент в онкодиспансере, является наличие Центра реконструктивной пластической хирургии в онкологии. Работа пластического хирурга в сфере онкологии заключается в увеличении радикализма выполняемой операции и «сокрытии» послеоперационного дефекта.

Другой областью онкологии, сочетающейся с ПЭТ-диа-

гностикой и лучевой терапией, является онкоофтальмология. Были разработаны специальные органосохранные технологии, помогающие и вылечить меланому, и сохранить орган зрения. Показательно, что наши врачи-офтальмологи используют в своей работе весь имеющийся в онкодиспансере арсенал радиологии и химиотерапии.

– Много было сказано о полученном оборудовании. Хотелось бы подробнее узнать, какую именно аппаратуру получили ПЭТ-центр и окружной онкологический диспансер в рамках федеральной онкологической реформы?

Безусловно, для применения высокотехнологических методик лечения и диагностики нам **понадобились новые технологии**. Однако количество компаний, занимающихся производством аппаратуры экспертного класса и последнего поколения, очень невелико. И, к сожалению, подавляющее большинство из них являются зарубежными фирмами. Печально, что Россия в этом плане утратила позиции по производству хорошей медицинской техники, которые имела в 80-е годы. Регион получил из федерального центра 872 миллиона рублей на покупку необходимого оборудования, а с учетом средств федерального и областного бюджетов в качестве **софинансирования** на развитие **раннего выявления злокачественных новообразований в Челябинской области выделено** более 1 миллиарда рублей. В

настоящее время регион активно принимает оборудование, которое поставляется по федеральной онкологической программе. Ряд аппаратов не имеет аналогов в стране. **Всего наша клиника область получила 11 технологических комплексов.**

В работе ПЭТ-центра наши специалисты будут использовать оборудование компании «Siemens», такое как циклотрон Eclipse, радиохимические модули синтеза Explora, ПЭТ/КТ система Biograph (система, которая совмещает позитронно-эмиссионный томограф и 64-срезовый компьютерный томограф). Вообще, говоря об оборудовании для ПЭТ-центра, нужно отметить, что в мире всего три фирмы, которые занимаются производством медицинской техники такого высокого класса, но конкурс для поставки техники в южноуральский ПЭТ-центр выиграла немецкая фирма «Siemens», заслуженный лидер в этой области.

Конкурс на поставку магнитно-резонансного томографа выиграл **прибор** компании General Electric, ускорительно-го комплекса – **аппарат «Синерджи»** («Электа», Швеция), симулятор – **«Симуликс»** («Нуклетрон», Нидерланды), крупнейший производитель подобной техники. Был получен кобальтовый аппарат **«Мультисорс»** («Бебиг», Германия) для проведения брахитерапии.

– Андрей Владимирович, завершая наш разговор, хотелось бы узнать ваши ближайшие планы.

Нам предстоит освоить новые технологии, появившиеся в результате создания ПЭТ-центра, и поставить их «на поток». Второй нашей задачей является отработка организационных мер по развитию онкологической помощи в России. Почему в России? Потому что, как сказала министр здравоохранения и соцразвития России Т.А. Голикова 28 декабря 2009 года, находясь в клинике, «Регион является безусловным лидером в стране, а диспансер – первым окружным онкологическим диспансером в стране, на котором будут отрабатываться все новые методы лечения и диагностики, куда будет поступать современная аппаратура и будут отрабатываться новые технологии лечения злокачественных опухолей». На базе диспансера будет создана хорошая базисная площадка для дальнейшего совершенствования онкологической помощи населению регионов, а также для решения стратегических задач онкологии: маршрутизации онкологических пациентов, курации вверенных территорий, внедрения и развития инновационных, прорывных технологий диагностики и лечения рака. Такие нововведения станут большим шагом вперед на пути совершенствования работы онкологической службы и повышения качества оказания онкологической помощи населению в ближайшее время.

РЕНТГЕНОСТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ ДЕРЕВЯННЫХ ОСНОВ ИКОН ИЗ СОБРАНИЯ ЧЕЛЯБИНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ – ВОЗМОЖНОСТИ РЕНТГЕНОВСКОЙ КОМПЬЮТЕРНОЙ ТОМОГРАФИИ

Андрей Владимирович Важенин 1, 3, Алексей Валерьевич Привалов 1, 3, Оксана Николаевна Чернова 1, Юлия Львовна Алферова 2, Николай Викторович Ваганов3, Татьяна Алексеевна Решетова1

1. ГБУЗ «Челябинский областной клинический онкологический диспансер» минздрава Челябинской области, г. Челябинск, Россия

2. ОГБУК «Челябинский государственный музей изобразительных искусств», г. Челябинск, Россия

3. ГБОУ ВПО «Южно-Уральский государственный медицинский университет Минздрава России», г. Челябинск, Россия

Резюме. В статье представлены возможности применения неповреждающего метода исследования памятников искусства – древнеславянских икон – рентгеновской компьютерной томографии – с целью получения дополнительных данных путем углубленного рентгеноструктурного анализа для решения проблем их атрибуции.

Ключевые слова: компьютерная томография, икона, атри-

буция.

Актуальность. Известно, что на стыке различных научных специальностей происходят самые интересные исследования. Интересы двух крупных учреждений Челябинской области, таких как областной онкологический диспансер и государственный музей изобразительных искусств, пересеклись, когда в онкологический диспансер обратились сотрудники музея изобразительных искусств с неожиданной просьбой – провести рентгенологическое исследование икон из собрания музея. Подобные исследования с применением рентгеновской компьютерной томографии (РКТ) практикуются за рубежом и в музеях Москвы и Санкт-Петербурга. Отчеты об этих исследованиях публикуются в специализированных научных сборниках по искусствоведению, например, Государственная Третьяковская галерея издает ежегодник «Экспертиза и атрибуция произведений изобразительного искусства» с отчетами о подобных исследованиях.

Задача, с точки зрения искусствоведения, состояла в том, чтобы визуализировать и документально подтвердить или опровергнуть составной характер деревянной основы трёх икон из коллекции древнеславянского искусства – «Покров», «Успение», «Спас с чудесами», принадлежащих ранее купцу-старообрядцу Лаврентию Ивановичу Осипову.

Случаи вмешательства старообрядцев в средневековые произведения давно находятся в центре внимания исследователей поздней славянской иконописи и старообрядческой

культуры. Если оставить в стороне те случаи, когда во врезки превращались фрагменты крупной распиленной иконы, предназначенные для распродажи по отдельности, перенесение древнего грунта с живописью на основу иного (как правило, большего) размера, видимо, производилось с целью сокрытия следов прежнего бытования образа. Так или иначе, изготовление врезка приводило к тому, что древний предмет получал новую оболочку, несущую отчетливые признаки определенной культурной среды.

Обнаружение таких «старообрядческих правок» имеет прикладной характер: оно подчинено решению непростых атрибуционных задач, которые настоятельно требуют выявления и систематизации приемов, использовавшихся при поновлении и/или фальсификации древней живописи. Один из таких приёмов – врезание старой доски в новую, что затрудняет атрибуцию памятника в плане его датировки, смещая его к верхней границе.

Доступные методы прямой визуализации – непосредственный осмотр, осмотр с макроувеличением, микро- и макросъемка, – не позволяют однозначно подтвердить или отвергнуть гипотезу. Метод неразрушающей визуализации – рентгенография в прямой и боковой проекциях – дает суммированное изображение всех имеющихся слоев, не позволяя определить отдельные изображения каждого из них. Такой широко известный метод изучения внутренней структуры объекта, как магнитно-резонансная томография, де-

монстрирующая прекрасное пространственное разрешение и высокую контрастность получаемых изображений, имеет ограничения в данной ситуации, так как металлсодержащие пигменты в красках икон могут значительно нагреваться при воздействии мощного магнитного поля и претерпевать возможные химические и физические

изменения и быть причиной артефактов, наряду с видимыми и скрытыми металлическими элементами икон.

Материалы и методы. Для визуализации внутренней структуры деревянной основы икон нами был предложен неразрушающий метод РКТ, дающий возможность выделять и изучать отдельные тонкие субмиллиметровые (до 0,4 мм) срезы. Разовое немедицинское использование компьютерного томографа было одобрено локальным этическим комитетом (протокол №14 от 08.11.2013г.) при условии проведения исследования в нерабочее время. Исследования выполнялись на 64-срезовом рентгеновском компьютерном томографе Aquilion 64 (Toshiba) по специальному протоколу: толщиной скана 0,5 мм, питчем 1,0, индексом реконструкции 1 и 5 мм, с максимальным полем обзора 50 см, зоной покрытия, соответствующей протяженности всех икон по высоте, напряжением 120 kV и силой тока на рентгеновской трубке 40 mA. Все три иконы были расположены на рабочем столе томографа последовательно, с небольшими интервалами между ними, изображениями святых кверху, и сканировались одновременно. Для постпроцессорной обработки по-

лученного массива «сырых данных» использовали мультиплоскостные реконструкции, криволинейные реконструкции, структурный анализ деревянных оснований икон осуществлялся с определенными уровнем и шириной окна.

Результаты: При рентгеноструктурном анализе оказалось, что деревянные основания всех икон имели составной характер, а сами иконы представляли собой спилки – рис. 1. В каждой из икон нам удалось выделить составные элементы и детально охарактеризовать их, а именно их точное количество, форму, размеры, количество видов использованных при изготовлении объекта пород древесины, пространственную ориентацию отдельных волокон древесины, наличие воздухосодержащих пустот, металлсодержащих вставок.

На рис. 2 визуализируются тонкие боковые накладные деревянные фрагменты деревянной основы иконы, годовые кольца деревянной основы, тонкие высококонтрастные крепежные элементы, плотность которых по шкале Хаунсфилда находилась в интервале 2200-2580 единиц и соответствовала плотности металла.

Тщательный анализ всех реконструированных криволинейных срезов позволил изучить слои, расположенные непосредственно под внешним слоем краски, видимым глазом. Одно из восстановленных изображений икон в черно-белой шкале представлено на рис. 3. Мы не обнаружили каких-либо скрытых изображений. Количество объектов, их очертания, размеры, повороты ликов святых на иконах совпадали

с томографическими реконструкциями икон.

Заключение: Метод компьютерной томографии, к которому мы прибегли с целью получения дополнительной для атрибуции информации, помог увидеть мельчайшие элементы структуры иконного щита – добавочные доски, способ их соединения, внутренние крепления (штифты деревянные и железные), всевозможные пазы для врезных шпонок, дефекты древесины, разрушения, возникшие в результате процессов старения материалов, механические повреждения.

Таким образом, объективное подтверждение составного характера деревянной основы икон посредством РКТ явилось предварительным доказательством принадлежности этих объектов к более раннему историческому периоду, возможно, даже дониконовскому.

Российская медицина должна и может быть лучше

Газета ФОМС Челябинской области, июнь 2014 года

*Главный врач Челябинского онкологического диспансера, член-корр. РАН, профессор, доктор медицинских наук, Заслуженный врач РФ **Андрей Важенин** о государственной политике в сфере здравоохранения, восстановлении авторитета медицинских работников и взаимном уважении врачей и пациентов*

О профессиональных объединениях, государстве и обществе

Высокий уровень мышления, культура и образованность, опережающее понимание реальности – вот те черты, которые характеризуют сегодня медицинское сообщество в России. Профессиональные объединения медицинских работников сегодня должны играть более значительную роль в развитии здравоохранения. Однако эти организации могут быть эффективными только в том случае, когда у них есть определенные права. Медицинское сообщество Челябинской области на сегодняшний день обладает только правом голоса, который не всегда слышат. Если нашей медицинской палате удастся собрать достаточное количество участников, тогда можно рассчитывать на участие в процессах лицензирования, принятия управленческих решений. Определенные шаги в этом направлении мы делаем. Проблема в том, что среди врачей есть некоторое недоверие к общественным начинаниям, особенно у людей старшего поколения. С другой стороны, медицинское сообщество стеснялось по тому, чтобы быть услышанным, заявлять о проблемах, дискутировать. Здравоохранение переживает не самые лучшие времена, и наша главная задача – сохранить интеллектуальный потенциал страны, врачебные кадры, вернуть им авторитет и самоуважение. Нам необходимо еще более конструктивное взаимодействие с государством, чтобы менять ситуацию в медицине в лучшую сторону. Государственная политика в сфере

здравоохранения должна стать одним из самых приоритетных направлений в жизни страны и общества. Задача власти – сделать так, чтобы у нас были нормальные условия труда, оборудование, чтобы люди получали достойную медицинскую помощь.

Вместе с тем, отношения медицинских специалистов и общества в целом, где в определенных слоях царят безграмотность и невежество, очень болезненны. Потерян авторитет медицинского работника, утрачено уважение к врачу. Порой дело доходит до абсолютно диких вещей, и вот вопиющий пример: некоторое время назад в поликлинике онкодиспансера две пациентки из Кургана избивали врача. За что? Врач совершенно правомерно объяснила, что, поскольку больные из другой области, то и должны лечиться там. Однако это их не устроило, и тогда они набросились с кулаками. Как это воспринимать? Почему нападение на полицейского расценивается как преступление (и это абсолютно правильно!), а нападение на врача – нет?

Я считаю, одна из причин здесь – принижение профессии, самой миссии врача в обществе, перевод медицины на потребительский уровень. «Медицинское обслуживание», «медицинские услуги» – это что такое? По отношению к медицине эти термины неприемлемы. Врач не оказывает услуги! Он лечит, спасает, возвращает здоровье, облегчает боль. Всё. Пациент должен приходить к врачу не за услугами, а за медицинской помощью, с доверием к его знаниям, к его профес-

сионализму. И поднимать руку на врача – последнее дело.

Сейчас люди получили возможность жить долго и вполне полноценно благодаря адекватному лечению. При этом о наших успехах знает очень малый круг лиц. А когда случается что-то не слишком хорошее, об этом известно всем – на негативе делается основной акцент, в том числе в прессе. Очень горько, что СМИ в число главных преступников записали врачей. Конечно, выдать «жареное» интереснее. Но разве правильно, что очень мало пишут о выдающихся врачах, ученых, медицинских династиях? Чаше всего этому уделяют внимание только узкопрофильные издания, но никак не популярные СМИ.

О проблемах российского здравоохранения

Сегодня многие недовольны здравоохранением, и народ, и врачи, и у власти есть вопросы по здравоохранению. Нам нужно решать много задач – кадровых, социальных, финансовых.

Одна из основных наших проблем – дефицит финансирования. Во многих зарубежных странах на здравоохранение выделяется не менее 5% национального дохода. К примеру, в Германии, Франции – 8-10%, в США – 15%. В Белоруссии, которая намного беднее России, – 7%. У нас – около 3,4%. Когда медицина не наполнена финансами, мы имеем то, что имеем. Хотелось бы, чтобы было по-другому: больше уважения к медицинской науке, знаниям, больше внимания и понимания со стороны государства. Нам нужны хорошие

лекарства, аппаратура, возможность развиваться, двигаться вперед. Тогда и результаты будут совсем другие. Это системные вопросы, и они должны решаться на всех уровнях власти.

Серьезные недоработки есть в организации, в управлении. Прежде всего, это недостаточный уровень компетентности тех или иных органов и специалистов именно в управленческом аспекте. Необходимо, чтобы управленец в здравоохранении хорошо был знаком со спецификой отрасли, имел желание и способности к управленческой работе.

Очень хочется, чтобы больше прислушивались к мнению медицинского сообщества. У нас же традиционно – сверху спускают решение, которое нужно реализовать. При этом специалисты предлагаемые программы или мероприятия могут считать нерациональными, видеть в них необходимость больших затрат при не слишком эффективном результате. Можно было бы предложить другое решение, но... вопрос не обсуждается. И это еще одна проблема. Взять, к примеру, программу модернизации здравоохранения. Здесь очень много противоречий. Прежде всего, за такой короткий срок, который был установлен для выполнения основных мероприятий программы (2 года), невозможно добиться эффективного развития. Такая отрасль, как здравоохранение, может развиваться только эволюционным путем, любые рывки чреваты большими потерями. Здравоохранение нуждается в более масштабных преобразованиях эволюционно-

го характера, стратегию которых должно определять именно медицинское сообщество, ведущие специалисты, профессура, университеты. Модернизация здравоохранения должна быть основана на системных подходах, обуславливающих выбор перспективной модели, а не изменениях отдельных элементов, в равновесии удовлетворять потребности населения в медицинской помощи, не в ущерб одному другому.

О правах, обязанностях и ответственности врачей и пациентов

Очень хотелось бы добиться понимания в обществе, что не только врач несет ответственность за жизнь и здоровье своих больных, но и пациенты ответственны перед человеком, который их лечит. Сегодня игра идет, по сути, в одни ворота: везде – в законодательстве, прессе – упор делается на правах пациента, а говорить о правах врача почему-то стало дурным тоном. Так сложилось, что врачи должны и обязаны – хоть наизнанку вывернись, а сделай! Но мы тоже люди, и с чудесами в мире вообще-то не очень... Мы честно выполняем свою работу, в пределах тех знаний и возможностей, которые нам дали государство и общество. К медицинским работникам не должно быть потребительского отношения – «мы хотим, потому что имеем право, а вы должны, потому что обязаны». Да, пациент имеет право на медицинскую помощь, но врач имеет право на уважение к себе, к профессии, к долгу, который исполняет.

Отношения врачей и пациентов должны строиться, прежде всего, на взаимном уважении, с признанием авторитета врача, доверием больных к его знаниям и профессионализму. Пациент должен приходить в больницу с уверенностью, что здесь работают порядочные грамотные люди, которые искренне хотят помочь. Врач – пациент – это разумное взаимодействие, основанное на принципах партнерства. То есть я пришел за помощью, вы мне помогаете, но я тоже в этом процессе участвую в плане сотрудничества, выполняя все назначения врача и тем самым помогая ему. В XIII веке сирийский врач Абуль-Фарадж говорил своим пациентам: «Смотри, нас трое – я, ты и болезнь. Если ты будешь на моей стороне, нам двоим будет легче одолеть ее. Но если ты перейдешь на ее сторону, я один не в состоянии буду одолеть вас обоих». Если больной хочет выздороветь, сознательно настраивается на это, собирает все силы, справиться с болезнью намного легче. Очень трудно бывает, если больной считает: на то он и врач, чтобы лечить, а мое дело – только ждать результата, разумеется, положительного; или не соблюдает предписания врача, а потом жалуется, что лечение неэффективно. Такие больные неосознанно переходят на сторону болезни и не только не помогают врачу, но и осложняют лечение.

Еще одна причина, мешающая слаженной работе врача и пациента, – «информированность» граждан в вопросах медицины, полужнание, которое иногда страшнее полного неве-

жества. Бывает, человек читает статьи в изданиях, предназначенных для врачей, или в Интернете, не понимает половины прочитанного, но мнит себя сведущим в медицине. Такой «знаток» считает себя вправе подвергать сомнению компетенцию врача, начинает жаловаться, что его не так и не теми средствами лечат. Можно как угодно критиковать медицинское образование, но оно сегодня является одним из самых сильных и фундаментальных. И при любых обстоятельствах человек, который шесть лет учился в медицинском вузе и потом непрерывно учится всю жизнь, по своей специальности знает больше, чем вы за вечер узнали в Интернете.

Неверные, а иногда и абсолютно дикие представления о лечении в сознании людей порой оказываются сильнее здравого смысла. Идет неприятие, непонимание научных знаний, люди готовы верить любым шарлатанам. К примеру, рядом с поликлиникой нашего диспансера открыли центр фунготерапии, где лечат грибами все, в том числе и **рак**. В тысячный раз хочу повторить: к лечению рака это не имеет никакого отношения! Но часть пациентов идет сначала туда, а потом все равно к нам с требованием: мы там-то побывали, а теперь вы должны! Болезнь уже в тяжелой стадии, упущено время. Мы должны и, конечно, окажем помощь в любом случае, но речь уже может идти не об излечении, а только об облегчении симптомов. Поэтому пациенты тоже должны следить за своим здоровьем и понимать, что квалифицированную помощь им окажут только в медицинском учреждении профес-

сиональные врачи, а не сомнительные организации, обещающие исцеление от всех болезней.

Самое главное – доверять не только конкретному врачу, а медицине в целом. Любой врач – представитель профессионального коллектива клиники, где он работает. Не надо выделять среди докторов отдельные имена, абсолютных гениев. Я вообще против того, чтобы пациент выбирал врача и лечение. Да, бывает, какой-то врач популярен, но он не сможет принять абсолютно всех больных и заменить собой всю поликлинику. В здравоохранении в целом и в каждом медицинском учреждении сложилась и функционирует определенная система, есть установленная внутренняя иерархия. Большинство врачей – это разумные порядочные люди, которые понимают пределы своей компетенции, для решения сложных проблем существуют консультации, консилиумы, коллективные решения. К тому же, если врачу доверили лечить людей, то, наверное, он обладает соответствующей квалификацией, просто так никого не допустят к больным.

О профессии врача

Мы во многом определяем свою судьбу, выбирая профессию. Человек, который поступает в медицинский вуз, никогда не станет банкиром, директором завода, военным, полицейским... Это человек, доминанты личности которого – стремление к знаниям, гуманизм, сострадание к людям, готовность больше отдавать, чем требовать. Может быть, он

не пожертвует своей жизнью, как солдат, но отдаст всего себя больным, работе. Каждая медицинская специальность уникальна, и каждый врач неповторим: не святой, не идеалист, где-то циник, но, бесспорно, профессионал своего дела, представитель самой гуманной, крайне интересной, но и очень нелегкой профессии.

Работать с тем напряжением, с которым мы работаем, и не свернуть с этой дороги – значит все в жизни сделано правильно. Наверное, каждый из нас выбрал бы снова тот же путь: палаты, пациенты, бессонные ночи, усталость, и в то же время огромное счастье – быть врачом.

Мечта

Достаточно часто в жизни приходится сталкиваться с вопросом «О чем ты мечтаешь? Что бы ты хотел?» Я как дитя романтического периода полетов в космос честно признаюсь и себе, и окружающим, если бы была возможность, я бы с удовольствием слетал туда хотя бы туристом! А может, если и не совсем в космос, то на отечественном МиГ-31 на 30-километровую высоту... это почти космос, и только оттуда и с МКС Земля видна как планета, а не плоскость... И это близко к реальному – с одной из авиабаз Нижнего Новгорода такие полеты совершаются. Вопрос изучается...

Очень хочется!

Ей-богу.

Заключение

В этом опусе, как вы видите, представлены некие впечатления, зарисовки, может быть, мазки более-менее яркие в стиле импрессионизма о тех встречах, событиях, которые сопутствовали мне на протяжении профессиональной и человеческой жизни. Понятно, что не все рассказано, понятно, что не все показано, понятно, что показано все через призму субъективного восприятия, да и я не претендую на объективность, на роль какого-то судьи или историка, который смотрит с башни из слоновой кости на то, что происходило рядом. Это просто впечатления человека, который жил в этой системе в это время рядом с этими людьми. Завершить же это сочинение я хочу словами моего любимого героя Незнайки: «Ну, вот и все. А теперь я готов к новымключениям».

Список докторских диссертаций, защищённых под руководством автора

Гамза Валерий Николаевич «Методика асептической резекции желудка при раке и язвенной болезни». Москва, 1998 год.

Сумная Екатерина Марковна «Дискинезии верхних отделов желудочно-кишечного тракта в хирургии язвенной болезни желудка (клинико-рентгенологическое исследование)». Челябинск, 1999 год.

Васильев Сергей Александрович «Восстановительная хирургия как компонент комплексного лечения онкологического больного». Челябинск, 2002 год.

Привалов Алексей Валерьевич «Нежелательные клинические эффекты комбинированного лечения рака желудка, прямой кишки и молочной железы». Челябинск, 2004 год.

Дудник Вячеслав Юрьевич «Оптимизация хирургического и комбинированного лечения рака ободочной кишки». Уфа, 2004 год.

Катькова Елена Алексеевна «Комплексное ультразвуковое исследование в диагностическом обеспечении офтальмоонкологической клиники». Москва, 2005 год.

Ростовцев Михаил Владиславович «Оптимизация комплексной лучевой диагностики опухолей основных локализаций на региональном уровне». Москва, 2005 год.

Силаев Михаил Александрович «Болевой синдром при раке поджелудочной железы и хроническом панкреатите и возможности его купирования при помощи чрескожного химического нейролиза структур вегетативной нервной системы». Ростов-на-Дону, 2007 год.

Михайлова Светлана Александровна «Оптимизация многокомпонентного лечения опухолей билиопанкреатодуоденальной зоны». Томск, 2007 год.

Карнаух Петр Алексеевич «Многокомпонентное лечение больных раком предстательной железы». Москва, 2008 год.

Кинзерская Марина Леонидовна «Клинико-функцио-

нальные взаимосвязи ремоделирования миокарда со структурно-функциональными характеристиками печени и печеночного кровотока при хронической сердечной недостаточности». Екатеринбург, 2008 год.

Гладков Олег Александрович «платиносодержащие комбинации в химиолучевом лечении больных злокачественными опухолями верхних отделов пищеварительного тракта и лёгких». Москва, 2009 год.

Васильев Ю.С. «Пластическая, реконструктивная и эстетическая хирургия в комбинированном и комплексном лечении больных злокачественными новообразованиями различных локализаций». Челябинск, 2010 год.

Шаназаров Н.А. «Мультидисциплинарный подход к лечению больных с местнораспространенным раком желудка». Челябинск, 2010 год.

Нуриева Н.А. «Стоматологическое сопровождение и реабилитация в комплексном лечении пациентов со злокачественными новообразованиями орофарингеальной зоны». Пермь, 2012 год.

Доможирова А.С. «Комплексное применение профилактических технологий в онкологии на территориальном уровне». Москва, 2013 год.

Кандакова Елена Юрьевна «Клинико-экспериментальное обоснование повышения эффективности сочетанной фотонно-нейтронной терапии опухолей головы и шеи». Москва, 2015 год.

Список кандидатских диссертаций, защищённых под руководством автора

Васильченко Марина Владимировна «Оптимизация внутриполостного облучения при лучевой терапии больных раком шейки матки». Санкт-Петербург, 1995 год.

Гамза Валерий Николаевич «Комбинированное лечение рака желудка с применением однорядного шва». Москва, 1995 год.

Надвикова Елена Алексеевна «Тактические аспекты комбинированного лечения рака желудка». Москва, 1996 год.

Ваганов Николай Викторович «Фармакоиммунологическое исследование триомбаста при экскреторной урографии». Челябинск, 1996 год.

Брежнева Лия Эммануиловна «Обоснование оптимальных методов облучения парастеральных лимфатических узлов у больных раком молочной железы». Санкт-Петербург, 1996 год.

Бехтерева Светлана Александровна «Первично-множественные опухоли женских половых органов. Роль лучевой терапии в развитии второй опухоли». Москва, 1999 год.

Макаров Евгений Владимирович «Лечение тяжелых лучевых повреждений нижней челюсти пересадкой васкуляризованных комплексов тканей». Москва, 1997 год.

Ростовцев Михаил Владиславович «Алгоритм обследования больных с опухолевыми поражениями почек». Москва, 1999 год.

Вильчинская Диана Артуровна «Магнитно-резонансная томография в комплексной диагностике опухолей молочных желез». Москва, 1999 год.

Киселева Марина Николаевна «Клинические и рентгенологические проявления респираторного дистресс-синдрома у больных с термическими поражениями». Челябинск, 1997 год.

Скрынник Елена Борисовна «Косметические и функциональные последствия, реакции и осложнения лучевого компонента лечения рака молочной железы». Москва, 1998 год.

Шарабура Татьяна Михайловна «Лучевая терапия распространенного рака желудка». Уфа, 1999 год.

Гуменецкая Юлия Васильевна «Обоснования к использованию субтотального облучения тела в комбинированном лечении больных генерализованным лимфогранулематозом». Санкт-Петербург, 1999 год.

Катькова Елена Алексеевна «Тактические аспекты комплексного ультразвукового исследования при объёмных образованиях глазного яблока». Москва, 2000 год.

Збицкая Ирина Валерьевна «Лучевые повреждения лёгочной ткани при комбинированном лечении рака молочной железы». Москва, 2000 год.

Медведев Данил Викторович. «Ультрасонография и маг-

нитно-резонансная томография в диагностике остеохондроза шейного отдела позвоночника». Казань, 2000 год.

Шарова Ольга Николаевна «Особенности психических расстройств у женщин после радикального лечения рака молочной железы и формирование при них механизмов психологической защиты». Челябинск, 2000 год.

Чернова Людмила Фёдоровна «Рецидивы заболевания при хирургическом и комбинированном лечении рака вульвы». Челябинск, 2000 год.

Пухов Александр Григорьевич «Микрохирургические методы в лечении местно-распространённых злокачественных опухолей головы и шеи». Уфа, 2000 год.

Валид Хилаль «Коррекция дефектов полового члена после лучевых, хирургических повреждений и врождённых аномалий». Челябинск, 2001 год.

Васильев Сергей Николаевич «Хирургическое и комбинированное лечение первичных и рецидивных сарком мягких тканей». Челябинск, 2001 год.

Дружков Михаил Александрович «Комплексная лучевая диагностика состояния перфузии миокарда у больных с острыми и хроническими формами ишемической болезни сердца». Москва, 2001 год.

Кондакова Елена Юрьевна «Сочетанная лучевая терапия местно-распространенного рака шейки матки у больных репродуктивного возраста в условиях индукционной полихимиотерапии». Москва, 2001 год.

Югов Сергей Дмитриевич «Возможности фитотерапии в паллиативной помощи онкологическим больным». Уфа, 2001 год.

Булынский Денис Николаевич «Варианты хирургического, комбинированного и комплексного лечения рака молочной железы I-IIА стадии». Челябинск, 2002 год.

Елишев Владимир Геннадьевич «Оптимизация лечения рака слизистой полости рта, языка и глотки». Уфа, 2002 год.

Сентерёва Татьяна Анатольевна «Оценка эффективности многокомпонентного лечения рака вульвы». Уфа, 2002 год.

Фатуев Олег Эдуардович «Хирургические и метрولوجические аспекты верхне-наружной квадрантэктомии молочной железы». Челябинск, 2002 год.

Сепиашвили Гиви Георгиевич «Диагностика и тактические аспекты лечения плоскоклеточного рака кожи». Уфа, 2002 год.

Усова Регина Анатольевна «Базально-клеточный рак кожи век: эпидемиология, клинико-морфологическая характеристика». Челябинск, 2002 год.

Семёнова Людмила Евгеньевна «Клинико-эпидемиологические аспекты, комплексное лечение увеальной меланомы». Челябинск, 2002 год.

Лукин Андрей Александрович «Организационно-методическая модель лечения больных со злокачественными новообразованиями и атеросклеротическим поражением аорты и периферических артерий». Москва, 2003 год.

Фастаковский Василий Владимирович «Тактика диагностики и лечения синдрома сдавления верхней полой вены у онкологических больных». Москва, 2003 год.

Заболотская Елена Геннадиевна «Особенности заболеваемости первично-множественными злокачественными опухолями в условиях индустриального центра». Уфа, 2003 год.

Варенников Александр Иванович «Многокомпонентное лечение больных с распространенными формами рака желудка». Уфа, 2003 год.

Певгова Галина Юрьевна «Место заместительной гормональной терапии в лечении доброкачественных гиперпластических заболеваний молочных желез». Челябинск, 2003 год.

Терёшин Олег Станиславович «Диагностика и лечение отдаленной постлучевой окклюзирующей патологии магистральных артерий у онкологических больных». Новосибирск, 2004 год.

Мунасипов Зинур Закареевич «Организация и разработка методики фотонно-нейтронной терапии на генераторе НГ-12и при лечении резистентных форм злокачественных новообразований». Москва, 2004 год.

Наумова Эльвира Хусаиновна «Ультразвуковые параметры вентрикулярной системы головного мозга у новорожденных детей». Челябинск, 2004 год.

Васильев Юрий Сергеевич «Оптимизация планирования и выполнения пластических операций у больных раком мо-

лочной железы». Челябинск, 2004 год.

Билан Михаил Иванович «Рентгеноэндоваскулярная окклюзия маточных артерий гидрогелем у больных с миомой матки». Челябинск, 2004 год.

Ефименко Инна Николаевна «Брахитерапия увеальной меланомы: течение постлучевого периода и прогнозирование осложнений». Челябинск, 2004 год.

Шимоткина Ирина Григорьевна «Многокомпонентное лечение распространенных форм рака яичников с использованием дистанционной гамма-терапии на малый таз в сочетании с субтотальным облучением тела». Уфа, 2004 год.

Савельева Анастасия Евгеньевна «Факторы риска развития рецидивов базально-клеточного рака кожи лица». Москва, 2004 год.

Королев Владимир Николаевич «Оптимизация результатов хирургического лечения патологии периферических артерий путем использования дистанционной гамма-терапии». Новосибирск, 2005 год.

Братникова Галина Ивановна «Дискинезии верхних отделов желудочно-кишечного тракта при хроническом калькулезном холецистите до и после оперативного лечения». Челябинск, 2005 год.

Аль-Хаймуни Нидаль Фарид «Оптимизация комплексной профилактики тромбоэмболии легочной артерии у онкологических больных с варикозным расширением поверхностных вен нижних конечностей». Уфа, 2005 год.

Утин Константин Геннадьевич «Тактические аспекты применения эндохирургического компонента в лечении стенозов при раке пищевода и желудка». Уфа, 2005 год.

Пилат Анастасия Владимировна «Распространенные стадии увеальной меланомы: особенности клинического течения, диагностика». Челябинск, 2005 год.

Афанасьева Надежда Геннадьевна «Оптимизация рентгеноконтрастного исследования толстой кишки в выявлении опухолевых поражений». Москва, 2005 год.

Ахметов Ильяс Рафкатович «Место профилактической лимфаденэктомии к комплексном лечении меланомы кожи и конечностей». Уфа, 2005 год.

Васильева Екатерина Борисовна «Факторы риска развития поздних осложнений – постлучевых артериопатий подздошных артерий и внутритазового фиброза – после облучения зон регионарного метастазирования».

Доможирова Алла Сергеевна «Оптимизация комбинированного лечения первичных опухолей головного мозга». Уфа, 2005 год.

Квеладзе Вероника Валентиновна «Многокомпонентное лечение больных раком шейки матки в условиях индукционной химиотерапии». Уфа, 2005 год.

Калантаев Дмитрий Борисович «Роль радионуклидной диагностики в алгоритме выявления костных метастазов злокачественных опухолей». Уфа, 2006 год.

Дрожжилова Наталья Юрьевна «Гемобластозы в Челя-

бинской области». Челябинск, 2006 год.

Карташова Ольга Михайловна «Дифференциальная диагностика патологических состояний, сопровождающихся увеличением лимфатических узлов шеи и средостения у детей». Екатеринбург, 2006 год.

Нуриева Наталья Сергеевна «Разработка и оценка эффективности методов профилактики и лечения радиомукозита слизистой оболочки полости рта». Пермь, 2006 год.

Смирнов Владимир Владимирович «Тактические аспекты комплексного лечения распространенного рака прямой кишки». Уфа, 2006 год.

Фадеева Наталья Владимировна «Оптимизация лечения местнораспространенного рака вульвы». Уфа, 2006 год.

Чернова Оксана Николаевна «Оптимизация топометрического этапа планирования лучевой терапии новообразований головного мозга». Москва, 2006 год.

Савельев Алексей Васильевич «Преимущества использования предоперационной химиолучевой терапии в комбинированном лечении рака пищевода». Москва, 2006 год.

Збицкая Марина Анатольевна «Влияние биопсий на течение рака молочной железы». Уфа, 2007 год.

Селиванова Марина Владимировна «Оптимизация инвазивных методов противоболевого лечения при раке поджелудочной железы». Ростов-на-Дону, 2007 год.

Ершова Наталья Геннадьевна «Совершенствование диагностики и лечебной тактики при острой инвагинации ки-

печника у детей с использованием ультразвунографии». Уфа, 2007 год.

Маханьков Денис Олегович «Оптимизация оказания помощи больным опухолевой толстокишечной непроходимостью». Уфа, 2007 год.

Власов Артем Александрович «Оптимизация методик формирования колоректального анастомоза в хирургии рака прямой кишки». Уфа, 2007 год.

Комиссаров Александр Валентинович «Комбинированное лечение больных раком желудка с применением предоперационной лучевой терапии и расширенных оперативных вмешательств». Томск, 2007 год.

Крепышева Марина Валерьевна «Диагностика и лечение распространенных стадий злокачественных эпителиальных новообразований кожи век». Челябинск, 2007.

Васильев Игорь Сергеевич «Оптимизация лечения больных ультицентрическим раком молочной железы». Ростов-на-Дону, 2008 год.

Доксов Дмитрий Вячеславович «Пути эффективного управления онкологической ситуацией (на модели Челябинской области)». Ростов-на-Дону, 2008 год.

Бабина Ирина Леонидовна «Динамика показателей скоростных характеристик электрической активности и диастолической функции сердца у больных раком молочной железы в процессе комплексного лечения». Челябинск, 2008 год.

Меньшикова Елена Сергеевна «Паллиативное лечение

больных с костными метастазами злокачественных опухолей с использованием стронция-89 хлорида». Москва, 2008 год.

Зотова Анна Сергеевна «Первичные новообразования орбиты: структура и алгоритм лечения, клиника лучевая диагностика». Челябинск, 2008 год.

Супрончук Наталия Владимировна «Систолическая функция левого желудочка при кардиомиопатии, индуцированной доксорубицином и лучевой терапией у больных раком молочной железы». Челябинск, 2008 год.

Соколова Виктория Александровна «Магнитно-резонансная томография в диагностике и мониторинге статических опухолей позвоночника после лучевой терапии». Москва, 2009 год.

Панов Игорь Олегович «Место реконструктивных операций на легочных артериях при хирургическом лечении больных немелкоклеточным раком легкого». Уфа, 2009 год.

Воргова Дарья Николаевна «Возможности комплексного ультразвукового мониторинга в оптимизации лечения больных раком шейки матки». Уфа, 2009 год.

Левит Вениамин Александрович «Клинико-эпидемиологическая характеристика злокачественных новообразований полости рта и губы в крупном промышленном регионе». Уфа, 2009 год.

Тюков Ярослав Юрьевич «Медико-социальные и эпидемиологические аспекты онко-урологических заболеваний». Уфа, 2009 год.

Куницкая Виктория Игоревна «Лучевые повреждения лёгочной ткани при комбинированном лечении опухолей органов грудной клетки». Уфа, 2009 год.

Кузнецова Анна Игоревна «Место нейтронной терапии в программе комплексного и комбинированного лечения больных с опухолями головы и шеи». Москва, 2009 год.

Киприянов Евгений Александрович «Гипертермия как компонент комплексного лечения больных раком предстательной железы». Москва, 2009 год.

Павленко Евгения Сергеевна «Клинико-инструментальная диагностика злокачественных опухолей орбиты». Челябинск, 2009 год.

Корнеев Иван Викторович «Сцинтиграфия простаты с ^{99m}Tc -технетрилом в ранней добиопсийной диагностике рака предстательной железы». Москва, 2009 год.

Кинзерский Сергей Александрович «Оптимизация ультразвуковой диагностики межпозвонкового остеохондроза с использованием заднего интерламинарного доступа». Уфа, 2009 год.

Каплунович Александр Петрович «Тенденции развития и изменения онкоэпидемиологической ситуации на техногенно загрязненной территории (на примере г. Челябинска и Челябинской области)». Уфа, 2010 год.

Джинчвеладзе Давид Николаевич «Профилактика осложнений у онкологических больных, перенесших лимфаденэктомию, путем оптимизации дренирования». Челябинск,

2010 год.

Бочарникова Наталья Борисовна «Многокомпонентное лечение больных местнораспространенным раком шейки матки с высоким риском кровотечения». Уфа, 2010 год.

Журавлев Евгений Александрович «Совершенствование диагностики злокачественных новообразований визуальных локализаций (на примере Челябинской области)». Уфа, 2011 год.

Миронченко Марина Николаевна «Место органосохраняющих операций в радикальном лечении больных местнораспространенным немелкоклеточным раком легкого». Челябинск, 2011 год.

Налгиева Фатима Хамзатовна «Обоснование применения рентгеноэндovasкулярных вмешательств для улучшения результатов комбинированного лечения больных раком шейки матки, осложненного кровотечением». Челябинск, 2011 год.

Отт Павел Александрович «Комбинированное лечение сарком мягких тканей с применением интраоперационной лучевой терапии». Челябинск, 2013 год.

Манцырев Евгений Олегович «Влияние объема медиастинальной лимфодиссекции на результаты комбинированного лечения немелкоклеточного рака легкого IIIA(N2) стадии». Москва, 2015 год.

Мозерова Екатерина Яковлевна «Особенности реакций на лучевую терапию у онкологических больных, подвергшихся хроническому аварийному облучению». Москва,

2016 год.

Другие книги автора:

Важенин А.В. Очерки радиационной онкологии. // Челябинск 1998 г. 130 с.

Важенин А.В., Бехтерева Е.И., Бехтерева С.А., Гюлов Х.Я. Очерки первичной множественности злокачественных опухолей. – Челябинск. -Иероглиф – 2000.– 213 с.

Анищенко И.С., Важенин А.В. Плоскоклеточный рак кожи (клиника, диагностика, лечение). – Челябинск. – 2000 г. -144 с.

Важенин А.В. Лучевая терапия в комбинированном и паллиативном лечении рака желудка. – Челябинск. – 2000 г. – 112 с.

Привалов А.В., Важенин А.В. Осложнения комбинированного лечения с предоперационным облучением. 99 вопросов и ответов. Челябинск.-2002.-95 с.

Важенин А.В. Радиационная онкология, организация, тактика, пути развития. – Москва, Издательство РАМН. – 2003 год. – 236 с.

Жаров А.В., Важенин А.В. Оптимизация лечения больных раком вульвы. (Челябинск-2005). – 131 с.

Важенин А.В., Фокин А.А. Избранные вопросы онкоангиологии. М.: Издательство РАМН, 2006. – 220 с.

Важенин А.В., Панова И.Е. Избранные вопросы онкооф-

тальмологии. – М.: Издательство РАМН, 2006. – 156 с.

Важенин А.В., Рыкованов Г.Н. Уральский центр нейтронной терапии: история, методология, результаты работы. М.: Издательство РАМН, 2008. – 144 с.

Дмитриев В.Л., Важенин А.В., Волкова Э.Г., Супрончук Н.В., Бабина И.Л. Кардиомиопатия при химиолучевой терапии больных раком молочной железы. М.: Издательство РАМН, 2009.-160 с.

Силаев М.А., Новиков Г.А., Важенин А.В., Лифенцов И.Г., Селиванова М.В. Симптоматические блокады. М.: Издательство РАМН, 2009.-140 с.

Важенин А.В., Жаров А.В., Шимоткина И.Г. Актуальные вопросы клинической онкогинекологии. // 1-е издание – М.: ООО Фирма «СТРОМ», 2010. – 128 с: ил.

Важенин А.В., Егоров О.Н., Олефиренко С.П. Информационная безопасность в сфере медицины. Челябинск, 2010.

Важенин А.В., Шаназаров Н.А., Гладков О.А. Мультидисциплинарный подход к лечению больных местнораспространенным раком желудка. М.: Издательство РАМН, 2012.-136 с.

Важенин А.В., Доможирова А.С. Вторичная профилактика рака в системе регионального здравоохранения. – М.: Издательство РАМН, 2012. – 192 с.

Важенин А.В., Рыкованов Г.Н. Реализованные проекты ядерной медицины на Южном Урале. – Снежинск: Из-во РФЯЦ – ВНИИТФ, 2015. – 200 с., ил.

Кратко об авторе

Родился в семье врачей 18 марта 1958 года в Челябинске. Окончил 31-ю физико-математическую школу и в 1975 году поступил на лечебный факультет Челябинского государственного медицинского института. После окончания в 1981 году с отличием института был оставлен в клинической ординатуре на кафедре онкологии. В 1983 году начал работу в Челябинском областном онкологическом диспансере в качестве врача-радиолога. Неоднократно проходил подготовку в ведущих онкологических и радиологических центрах России, США и Европы. В 2001 году получил второе высшее образование, закончил Академию народного хозяйства при Правительстве РФ.

Прошел все ступени профессионального роста врача: клинический ординатор, врач-радиолог, заведующий радиологическим отделением (с 1992 г.), главный радиолог области (1992), заведующий кафедрой лучевой диагностики и лучевой терапии ЧГМА (1996), главный врач Челябинского областного онкологического центра (1998), главный онколог области (2000), главный радиолог УрФО (2015).

В 1986 году в Сибирском филиале ОНЦ РАМН (г. Томск) защитил кандидатскую диссертацию, в 1993 году – в Московском научно-исследовательском рентгено-радиологическом институте МЗ РФ – докторскую диссертацию. В 1997

году присвоено учёное звание профессора. В феврале 2004 года избран членом-корреспондентом РАМН по отделению клинической медицины. С 2014 года – член-корреспондент РАН.

Инициатор, автор, разработчик и участник целого ряда работ, совместно с Федеральным ядерным центром – ВНИИТФ Росатома и правительством Челябинской области:

Уральский центр нейтронной терапии.

Центры позитронно-эмиссионной томографии в Челябинске, Магнитогорске, Снежинске.

Уральский центр протонно-ионной терапии.

Созданы на Урале такие новые для российского здравоохранения структуры и научные направления, как центры:

офтальмоонкологии,

пластической и реконструктивной онкологии,

паллиативной онкологии,

фотодинамической терапии.

Председатель областных Ассоциаций радиологов и онкологов, председатель Ассоциации онкологов Уральского федерального округа, член Правления Всероссийских Ассоциаций онкологов и радиологов, вице-президент Российской ассоциации рентгено-радиологов. С 1999 года является членом Европейской Ассоциации радиологов и онкологов.

Член редакционных коллегий журналов: «Вестник хирургии им. И.И. Грекова», «Российского онкологического журнала», «Онкология – журнал им. П.А. Герцена», «Украин-

ского радиологического журнала», «Сибирского онкологического журнала», «Паллиативная медицина и реабилитация», «Медицинская физика», «Проблемы клинической медицины», «Креативная онкология и хирургия», «Лучевая диагностика и лучевая терапия», «Опухоли органов головы и шеи».

В 2000 году Указом Президента РФ № 590 от 28.03.2000 г. ему присвоено звание «Заслуженный врач РФ». Лауреат губернаторской премии и Грамоты 2005 и 2006 годов, в 2003 году награжден Благодарственным письмом Законодательного собрания Челябинской области, в 2006 году награжден Президиумом Ассоциации космонавтики РФ медалью академика В.П. Макеева за успехи в совместной деятельности, в 2004 и 2006 годах награжден медалями Ассоциации онкологов РФ за разработку новых методов диагностики и лечения опухолей.

Указом Президента РФ № 895 от 10 августа 2006 года награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени. В этом же году избран членом Общественной палаты Челябинской области и вошел в состав ее президиума, переизбран в этом качестве четыре созыва подряд.

В апреле 2012 года был отстранен от руководства диспансером. Однако 1 июля 2013 года по приглашению губернатора области вновь возглавил Челябинский окружной клинический онкологический диспансер.

В 2013 году Ассоциацией онкологов России награжден

«За верность профессии», избран в состав Общественного Совета госкорпорации «Росатом».

В 2014 году удостоен звания «Лучший врач России» в номинации «За выдающийся вклад в развитие здравоохранения РФ», впервые введенной в этом году, выдвигался кандидатом в сенаторы от Челябинской области от губернатора Челябинской области.

В 2015 году избран депутатом Законодательного собрания Челябинской области, награжден Почетным знаком госкорпорации «Росатом» «За успехи в развитии атомной отрасли I степени» и юбилейной медалью «В память 1000-летия представления равнопрестольного великого князя Владимира».